

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№7 2020

Казань - 2020

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №7 2020г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2020. – 108.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № Е11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
О.В. Чевела – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснулина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Р.Р. Хуснулина</i> ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ТАЙВАНЕ	7
---	---

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>Ай Хуэйжун</i> ФОНОГРАММА В «ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЕ»: ЕЕ ФУНКЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ОБРАЗА ХОРА В ДРАМАТУРГИИ АРБУЗОВА	12
<i>Сунггеон Ким</i> ОБРАЗ СТАРУХИ И МОТИВ СТАРЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М.А. БУЛГАКОВА	19

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>А.Ф. Ганиева, И.А. Еникеев</i> ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ТРИЛОГИИ Ф.САДРИЕВА «СЧАСТЬЕ НЕСЧАСТНЫХ»	22
<i>А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксёнов, В.Д. Чистонов, А.Р. Демаева, В.Ф. Усманов, Р.Э. Сафаров, В.А. Перминова, Р.Р. Норматов, Ф.Б. Рахматова</i> ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕКЦИИ МОЛОДЫХ ЖУРНАЛИСТОВ В МЕДИЦИНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ	25
<i>Л.А. Меметова</i> ГЕНЕЗИС КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ДЕТСКОЙ ПРЕССЫ	28
<i>Л.Р. Насыйхова</i> ПИСЬМО КАК ЖАНР ВОЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКИХ ГАЗЕТ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)	31

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>О.А. Астафьева, А.В. Блохин, Т.А. Колоскова</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КАЛАМБУРНЫХ ЗАГОЛОВКОВ	34
<i>Н.А. Бурмакина, Н.Н. Кононенко, О.А. Остыловская</i> ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ “ВРЕМЯ” В ПОВЕСТИ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ “ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ” И В КНИГЕ Н. ЩЕРБЫ “ЧАСОДЕИ”	37
<i>Р.С. Бытотова, И.Д. Дамбыра</i> РУССКИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ И ИХ ВОЗМОЖНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ	40
<i>К.А. Калинин</i> СТРУКТУРА КОНСТРУКЦИЙ ГРАММАТИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА В ДРЕВНЕРУССКОЙ ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЕ	43

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Г.С. Абрамова, О.А. Титова</i> О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ	46
<i>С.Г. Ларина, О.Н. Поддубская, А.В. Сахарова</i> ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ	51
<i>О.А. Орлова, Ю.Н. Зинцова, Е.Д. Ястребова</i> СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	54
<i>С.А. Резцова</i> СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МУЛЬТФИЛЬМАХ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА	57
<i>М.Ю. Сейранян, Е.Л. Фрейдина</i> ЭМОЦИОНАЛЬНО-МОДАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ПРОСОДИИ В ДИСКУРСЕ БРИТАНСКИХ МЕДИА ДЕБАТОВ	60

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>А.К. Булатова, Ф.К. Сагдеева, А.Я. Хусаинова</i> РАЗВИТИЕ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА <i>КӨМЕШ</i> (СЕРЕБРО) В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ (В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ ТЮРКСКИМИ ЯЗЫКАМИ)	66
<i>А.Н. Гуров</i> СЕМАНТИКА И ЗАЛОГОВЫЕ ФОРМЫ ОБРАТНО-КАУЗАТИВНЫХ ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)	69
<i>С.А. Егорова, Я.В. Попова</i> АКТУАЛИЗАЦИЯ ХЕЙТСПИЧ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПРЕДВЫБОРНЫХ ЛОЗУНГАХ	72
<i>С.Б. Какваева</i> ЗАЛОГ И ЗАЛОГОВОСТЬ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ	75
<i>С.Б. Какваева</i> АКТАНТНАЯ ДЕРИВАЦИЯ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ	79
<i>А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, А.С. Писарихина, М.В. Шурупова</i> К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	83
<i>Л.В. Кузнецова, О.В. Звада</i> СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ: СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД	86
<i>Н.А. Медведева</i> РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА СПОРТА (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ СТАТЕЙ О СМЕШАННЫХ ЕДИНОБОРСТВАХ)	89
<i>О.И. Налдеева, С.Н. Маскаева, Л.В. Кирдянова, М.И. Кокнаева</i> СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРМИНОВ РОДСТВА ФИННО-ВОЛЖСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ГРУППЫ	92
<i>О.Г. Остапенко</i> ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АНТРОПОНИМОВ В АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	95
<i>К.Л. Шарандир, Д.А. Саркисова, А.В. Айгашева</i> ПРИМЕНЕНИЕ ИГРОВОГО МЕТОДА В РЕАЛИЗАЦИИ ОНЛАЙН-ИГР ДЛЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	98
АННОТАЦИИ	101

THE RELEASE MAINTENANCE

<i>R.R. Khusnulina</i> THE HISTORY OF TRANSLATIONS OF RUSSIAN LITERATURE IN TAIWAN	7
--	---

10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE

<i>Ai Huirong</i> PHONOGRAM IN THE “WINNER”: ITS FUNCTIONS IN THE CONTEXT OF THE CHORUS IMAGE EVOLUTION IN DRAMATURGY OF ARBUZOV	12
<i>Sunggeon Kim</i> THE IMAGE OF THE MOTHER AND THE MOTIV OF AGING WOMEN IN THE WORKS OF BULGAKOV	19

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>A.F. Ganieva, I.A. Enikeev</i> JOURNALISTIC DISCOURSE IN F. SADRIEV'S TRILOGY "HAPPINESS OF THE UNFORTUNATE"	22
<i>A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksyonov, V.D. Chistonov, A.R. Demaeva, V.F. Usmanov, R.E. Safarov, V.A. Perminova, R.N. Normatov, F.B. Rakhmatova</i> ORGANIZATION OF ACTIVITIES OF THE SECTION OF YOUNG JOURNALISTS AT THE MEDICAL UNIVERSITY	25
<i>L.A. Memetova</i> THE ORIGIN OF THE CRIMEAN TATAR CHILDREN'S PRESS	28
<i>L.R. Nasyikhova</i> WRITING AS A GENRE OF MILITARY JOURNALISM (ON THE MATERIAL OF THE TATAR NEWSPAPERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR)	31

10.02.01 - PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>O.A. Astafieva, A.V. Blokhin, T.A. Koloskova</i> THE LEXICAL WAYS IN THE PUNS OF THE HEADLINES	34
<i>N.A. Burmakina, N.N. Kononenko, O.A. Ostylovskaya</i> THE LINGUISTIC EXPRESSION OF THE CATEGORY OF “TIME” IN THE STORY OF THE STRUGATSKY BROTHERS “MONDAY BEGINS ON SATURDAY” AND IN N. SHCHERBA'S BOOK “CHASODEI”	37
<i>R.S. Bytotova, I.D. Dambyra</i> RUSSIAN INDEFINITE PRONOUNS AND THEIR POSSIBLE CORRESPONDENCES IN THE TUVAN LANGUAGE	40
<i>K.A. Kalinin</i> THE STRUCTURE OF CONSTRUCTIONS OF GRAMMATIC PARALLELISM IN AN OLD RUSSIAN ORATORICAL PROSE	43

10.02.04 - PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>G.S. Abramova, O.A. Titova</i> ON THE WAYS TO EXPRESS OPPOSITES THROUGH ENGLISH PHRASEOLOGY	46
<i>S.G. Larina, O.N. Poddubskaya, A.V. Sakharova</i> LINGUOSTYLISTIC FEATURES OF MODERN ENGLISH PUBLICISTIC TEXTS	51
<i>O.A. Orlova, Yu.N. Zintsova, E.D. Yastrebova</i> FORMATION OF NAMES OF JOBS AND PROFESSIONS IN MODERN ENGLISH	54
<i>S.A. Reztsova</i> MEANS TO CREATE COMIC EFFECTS IN ENGLISH CARTOONS: HOW TO TRANSLATE	57
<i>M.Yu. Seiranian, E.L. Freydina</i> ATTITUDINAL FUNCTION OF PROSODY IN BRITISH MEDIA DEBATE DISCOURSE	60

10.02.19 - PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>A.K. Bulatova, F.K. Sagdeeva, A.Y. Husainova</i> DEVELOPMENT OF THE MEANING OF THE WORD <i>KOMESH</i> (SILVER) IN TATAR LANGUAGE	66
<i>A.N. Gurov</i> SEMANTICS AND VOICE FORMS OF INVERSE - CAUSATIVE TRANSITIVE VERBS (BASED ON THE MATERIAL OF SPANISH AND RUSSIAN LANGUAGES)	69
<i>S.A. Egorova, Ya.V. Popova</i> HATE SPEECH ACTUALIZATION IN GERMAN ELECTION SLOGANS	72
<i>S.B. Kakvaeva</i> VOICE AND ACTANTIAL DERIVATION IN LAK	75
<i>S.B. Kakvaeva</i> ACTANT DERIVATION IN LAK LANGUAGE	79
<i>A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, A.S. Pisarikhina, M.V. Shurupova</i> ON THE QUESTION OF ENGLISH AND RUSSIAN LAW TERMINOLOGICAL SYSTEM PECULIARITIES	83
<i>L.V. Kuznetsova, O.V. Zvada</i> THE SPECIFICITY OF THE COMMUNICATIVE SITUATION IN PARLIAMENTARY DISCOURSE: SITUATIONAL APPROACH	86
<i>N.A. Medvedeva</i> MASS MEDIA IN FORMATION OF SPORT IMAGE (BASED ON THE INTERNET ARTICLES ABOUT MIXED MARTIAL ARTS)	89
<i>O.I. Naldeyeva, S.N. Maskaeva, L.V. Kirdyanova, M.I. Koknaeva</i> TERMINAL CHARACTERISTICS OF TERMS OF THE KIND OF FINNO-VOLGA LANGUAGE GROUP	92
<i>O.G. Ostapenko</i> PECULIARITIES OF THE USE OF ANTROPONYMS IN ENGLISH FICTION	95
<i>K.L. Sharandir, D.A. Sarkisova, A.V. Aigasheva</i> APPLICATION OF THE GAME METHOD IN THE IMPLEMENTATION OF ONLINE GAMES FOR DISTANCE LEARNING OF A FOREIGN LANGUAGE	98
ABSTRACTS	101

10.01.01

Р.Р. Хуснулина д-р филол. наук

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
кафедра иностранных языков в профессиональной коммуникации,
Казань, razilya-kh@yandex.ru

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ТАЙВАНЕ

История распространения переведенных произведений русской литературы на Тайване длится 100 лет. По сравнению с материковым Китаем, история эта не долгая, но, несомненно, сложная, здесь всегда наблюдалось влияние внешних политических факторов либо со стороны Китая, либо Японии, либо Америки. Кроме того, история перевода и распространения произведений русской литературы на Тайване была прерывистой, связь между переводами разных периодов отсутствовала, а опыт переводчиков-предшественников не всегда наследовался преемниками. Все это, конечно, повлияло и на распространение произведений русской литературы на Тайване.

Ключевые слова: перевод, преемник, русская литература, политические факторы.

Русскую литературу на Тайване открыли благодаря японским переводам. После поражения маньчжурского правительства в Японо-китайской войне (First Sino-Japanese War, 1894–1895) Тайвань был официально передан Японии. С приходом японской власти и вынужденным распространением японского языка тайваньцы уже в 1920е годы познакомились с мировой литературой, в том числе и с русской. Именно тогда на Тайване появился китайский перевод романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», озаглавленного «Кто согрешил, тот будет наказан» (有罪有罰 / «Crime and Punishment»). Этот перевод, малый по объему, был напечатан в 1927 году в официальном журнале под названием «Образование Тайваня» («Taiwan Educational Magazine»), его осуществил тайваньский ученый Чжан Яо-тан (Zhang Yao-tang, 1895–1982). Чжан Яо-тан много лет учился в Токио, получил там высшее образование. Его версия «Кто согрешил, тот будет наказан» вряд ли может считаться переводным романом скорее, это пересказ романа Достоевского средствами другого языка.

Тем не менее, уже из этого маленького перевода понятны представления Чжан Яо-тана о принципах и направлениях только начинающей развиваться литературной деятельности по переводу иностранной литературы на Тайване. Переводчик пытался не просто переводить литературное произведение с одного языка на другой, но и освоить его образную систему, даже преобразовать ее, чтобы образы и поведение героев и, более того, содержание романа соответствовали нравам и эстетическим вкусам тайваньцев.

Например, он дал главному герою романа Раскольникову совершенно другое имя - Лу Э-ванг (魯而枉), а Соне - имя Сулень (素蓮). Таким образом, переводчик попытался с помощью знакомых тайваньцам китайских имен поближе познакомить читателей с героями русского литературного произведения, поскольку оба имени, использованные в соответствии с китайскими традициями, отражают личность героев, их характер. Например, имя Лу Э-ван означает безрассудство и отклонения в поведении, а имя героини Сулень означает простоту и красоту личности. Все эти принципы литературного перевода с современной точки зрения оказываются уже устаревшими, даже неправильными, но мы не можем игнорировать усилия и вклад первых переводчиков в формирование и развитие традиций перевода иностранной литературы на Тайване. Кроме того, что Чжан Яо-тан изменил имена героев произведения, он дал и собственную трактовку сюжета; согласно переводному тексту, герой «убил старуху-процентщицу, убил сестру старухи, убил и дочку старухи». Последнее является очевидной ошибкой. Однако существует мнение, что Раскольников убил трех человек:

старуху-процентщицу и ее сестру Лизавету, которая была беременна, так что Раскольников, не зная того, убил еще и ребенка. Возможно, переводчик сознательно искажил факты для того, чтобы подчеркнуть безрассудное и необдуманное, с его точки зрения, поведение героя. Однако из-за того, что Чжан Яо-тан не указал, какой сокращенный японский перевод был положен в основу его перевода, мы так и не знаем, была ли это ошибка в японском переводе или это была ошибка самого Чжан Яо-тана. Здесь необходимо упомянуть, что журнал «Образование Тайваня» был официальным органом японской власти. В первой части публиковались материалы на японском языке, а во второй, меньшей по объему, - на китайском. Чжан Яо-тан перевел русский роман с японского языка на китайский, что было небезопасно. В частности, на это указал Чю Гэ-жонг (Chiu Ko-jung), отметив, что «Чжан Яо-тан подвергся опасности, переводя “Преступление и наказание” Достоевского на китайский язык», и назвал его «пионером в области перевода произведений русской литературы на Тайване».

Этот маленький перевод доказывает, что тайваньские интеллигенты были знакомы с русской литературой, в первую очередь с произведениями Ф.М. Достоевского, уже в двадцатые годы XX века, в этот период начинается деятельность по переводу иностранной литературы. Кроме того, китайский язык, используемый Чжан Яо-таном для перевода, был старый письменный язык «вэньянь» (Literary Chinese), его потом заменил современный письменный язык «байхуа» (Written vernacular Chinese). В этом смысле перевод «Кто согрешил, тот будет наказан» является уникальным переводным произведением.

Однако по-настоящему широко русская литература стала известна тайваньским интеллигентам и писателям уже спустя десятилетие. В 1920–1922 годах Мао Дунь (наст. имя Шень Яньбин, 1896–1981) возглавил ведущий и престижный журнал «Сяошо Юэ-бао» (Xiaoshuo Yuebao / The Short Story Magazine), и считал его эффективным инструментом влияния на умы. Именно в тот период, когда Мао Дунь работал главным редактором в журнале «Сяошо Юэ-бао», в Китае регулярно переводились и печатались переводы произведений русской литературы XIX века: повесть «Записки сумасшедшего» Н. Гоголя, рассказ «Княгиня» А. Чехова, цикл рассказов «Записки охотника» И. Тургенева и афоризмы Толстого; а также конца XIX - начала XX века: рассказы Л. Андреева «Ложь» и «Молчание», повесть М. Арцыбашева «Рабочий Шевырëв», рассказ В. Гаршина «Четыре дня», а также произведения М. Горького. Эти переводы выполнили Лу Синь (Lu Xun, 1881–1936), Чжо Цо-жэ (Zhou Zuoren, 1885–1967), Гэн Цзы-чжи (Geng Zi-zhi, 1899–1947), Чжэн Чжэнь-до (Zheng Zhen-duo, 1898–1958) и сам Мао Дунь. Именно в журнале «Сяошо Юэ-бао» впервые появились переводы произведений русского модернизма, например, переводы рассказов Л. Андреева. Кроме того, в этом журнале впервые появилось понятие «русская-советская литература», которое быстро распространилось по всему материковому Китаю.

Естественно, тайваньцы стремились сами переводить произведения русской литературы, и такие переводы появились после 1965 года. В это время на Тайване наблюдалась новая волна интереса к русской литературе, при этом особую популярность имел Ф. М. Достоевский, что было связано с пиком популярности философии экзистенциализма. В связи с этим Достоевский был представлен тайваньским читателям как писатель-экзистенциалист. Исследователь и критик Ву Сюунхуон (Wu Xuan-huon) в своем эссе писал: «В шестидесятые и семидесятые годы Достоевского считали на Тайване предшественником экзистенциализма» (2: 63). Именно по этой причине тайваньский писатель и переводчик Мон Сянсэнь (Meng Xiang-sen, 1937–2009) начал активно переводить с 1970-х годов произведения Достоевского: повесть «Записки из подполья» (1966), романы «Игрок» (1981), «Бесы» (1979). Благодаря переводам Мон Сян-сэня, Достоевский, вызвал сильные чувства в душах тайваньских читателей. Кроме Мон Сян-сэня, свой вклад в работу по переводу произведений русской литературы внесла также переводчица Чю Хуэй-чжан (Chiu Hui-zhang, род. в 1934), которая перевела повесть Достоевского «Белые ночи» (1978) а также его романы «Двойник» (1976), «Игрок» (1969). Позже она перевела еще и роман В. Набокова «Смех в темноте» (1938), изменив при этом его название на «Глупую жизнь»

(1985). Количество этих переводов по сравнению с переводами американской, английской и французской литературы, считавшимися главными направлениями перевода мировой литературы на Тайване, конечно, очень невелико, кроме того, эти произведения были переведены с английских или японских текстов, а не с оригинала. Также стоит упомянуть имя еще одного переводчика, в то же время известного тайваньского писателя, Чжен Цин-вэня (Cheng Ching-wen, род. в 1958). Он, тоже с японских текстов, отдельные рассказы Чехова и роман «Евгений Онегин» Пушкина. При этом перевод «Евгения Онегина» лишился стихотворной формы пушкинского оригинала, стал прозаическим, и в переводе содержались только первые восемь глав, отсутствовали «Отрывки из путешествия Онегина» и десятая глава. Название переводного романа поменялось на «Вечный возлюбленный» (1977). Перевод Чжен Цин-вэня явился своеобразным творением, даже трудно считать его переводом произведения Пушкина. Тем не менее, несмотря на отступления от формы и названия оригинала, перевод Чжен Цин-Вэня представляет ценность для тайваньских исследователей как исторический материал.

История распространения переведенных произведений русской литературы на Тайване длится с 1920-х годов. По сравнению с материковым Китаем, история эта не долгая, но, несомненно, сложная, здесь всегда наблюдалось влияние внешних политических факторов либо со стороны Китая, либо Японии, либо Америки. Кроме того, история перевода и распространения произведений русской литературы на Тайване была прерывистой, связь между переводами разных периодов отсутствовала, а опыт переводчиков-предшественников не всегда наследовался преемниками. Все это, конечно, повлияло и на распространение произведений русской литературы на Тайване.

После 1990-х годов издательства предпочитают публиковать наряду с тайваньскими переводами произведений русской литературы также и переводы, выполненные в КНР, но на обложках книг теперь напечатаны уже настоящие имена переводчиков. Такая издательская политика позволяет, с одной стороны, развивать традиции перевода русской литературы на Тайване, а с другой стороны, использовать уже имеющуюся китайскую базу, что позволяет экономить средства. Вместе с тем, «китайский язык на Тайване отличается от того, что существует в КНР, воспринимается трудно, и объясняется это различиями как в графике (упрощением иероглифов), так и на лексическом уровне» (1: 76).

Стоит отметить, и это важно, китайская школа перевода произведений русской литературы не сыграла решающей роли в популяризации русской литературы на Тайване по причине языковых различий. Переводы из материкового Китая не помогли приблизить тайваньских читателей к русской литературе - наоборот, они стали причиной барьера между ними. Поэтому нам на Тайване хотелось бы иметь своих переводчиков и свои переводы.

С 2001-го по 2004-й год на Тайване появилось несколько переводов произведений русской литературы: «Избранные стихи русских поэтов XVIII–XX веков», драмы А. Чехова «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад», повесть Н. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Все произведения перевели ученые-русисты Оу Инь-си (Ou In-si), Чэнь Чжао-линь (Chen Zhao-lin) и Ванг Ай-мо (Wang Ai-mo). Особенностью этих переводов являлось то, что книги переводились по специальным государственным грантам, поэтому, когда гранты закончились, работа по переводу была прервана.

После 2000-го года на Тайване появилось молодое поколение переводчиков русской литературы: Цю Гуан (Chiu Kuang), СЮН Цзун-хуэй (Hsiung Tsung-huei), Ян Дин-цзя (Yan Ding-jia), Чжо Чжен-цан (Zhou Zheng-tsang), Чэнь Цзуэй-э (Chen Tsuei-e), Хо Сюань (Ho Hsuan).

В отличие от старых переводчиков, молодые переводчики переводили в основном современную русскую литературу: «Жизнь насекомых» и «Шлем ужаса» В. Пелевина, «Азавель» Б. Акунина, фантастическую серию «Дозор» и «Танцы на снегу» С. Лукьяненко, «Детство сорок девять», «Сонечка» и «Искренне Ваш Шурик» Л. Улицкой, «Грибной царь» Ю. Полякова и «Дай мне!» И. Денежкиной. Эти произведения переводились уже непосредственно с оригинала, что считается большим прогрессом в истории перевода

русской литературы. Кроме того, за шесть лет (все эти переводы появились в период с 2004 по 2010 год) изменилась и тональность переводимых произведений: это более жизнерадостные, легкие произведения в отличие от серьезных, глубоких классических произведений. В определенном смысле это можно считать неплохой переменной. Молодым переводчикам известны сейчас привычки и вкусы их читателей, поэтому они могут быстро уловить их потребности. Хорошим примером здесь могут служить успехи реализации переводов произведений С. Лукьяненко на книжном рынке. Фантастическую серию «Дозор» перевели совместно молодые тайваньские переводчики: «Ночной дозор» перевела Сюн Цзун-хуэй в 2006 году, «Дневной дозор» - Ян Дин-цзя в 2007 году, «Сумеречный дозор» - Чю Куан и Ян Дин-цзя в 2007 году, «Последний дозор» - Чэнь Цзун-эй в 2007 году.

Переводы этой серии появились на рынке раньше китайских и вызвали большой интерес у читателей. Появление молодых профессиональных переводчиков с русского языка доказывает, что в будущем потребность в переводах, выполненных в Китае, а также переводов с японских и английских текстов уменьшится.

В августе 2010 года, в столице Тайваня Тайбэе открылось новое издательство под названием «Вишневый сад». Его основатель Цю Гуан - выпускник магистратуры филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (1998). В 2010 г. он основал издательство "Вишневый сад" в Тайбэе для продвижения русской литературы XIX века. «Вишневый сад» является первым издательством на Тайване, которое специализируется на публикации переводов произведений русской литературы. Цю Гуан является профессиональным переводчиком русской литературы молодого поколения. Первой книгой, им переведенной и выпущенной издательством, явился сборник «Дама с собачкой. Избранные сочинения А. Чехова». Издание имело успех на рынке, и по этому поводу было много репортажей. (См: «Издательство “Вишневый сад” снова освятит русскую литературу» (China Times, 2010.08.08), «Шесть издателей рассматривают перспективы публикации» (UNITAS, № 315, 2010.12)

С 2010 по 2015 год, кроме сборника «Дама с собачкой», издательство «Вишневый сад» опубликовало переводы А.П. Чехова, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева. Вот эти семь переводов: «Первая любовь» И. Тургенева (2011), «Похороните меня за плинтусом» П. Санаева (2011), «Герой нашего времени» М. Лермонтова (2012), «Азазель» и «Турецкий гамбит» Б. Акунина (2013), «Записки из подполья» Ф. Достоевского (2014) и «Шинель. Петербургские повести» Н. Гоголя (2015). Стратегия издательства заключается, видимо, все-таки в новых переводах русской классики XIX века.

Из перечисленных писателей Цю Гуан выделяет Ф.М. Достоевского и называет его «классиком из классиков». При издательстве функционирует «Книжный клуб Достоевского». В целях продвижения русской литературы на Тайване Цю Гуан не только переводит русских классиков, издает произведения русской литературы. Он также читает лекции по русской культуре XIX века в Тайбэйском Национальном университете Тайваня, в Ассоциации Образования Тайваня для родителей и школьников старших классов (уроки «Эмоционального восприятия в обучении русской литературе»), проводит тематические вечера (поэзия «серебряного века»), ведет фан-страницу в Фейсбуке «Любовь к чтению русской литературы». Талантливый, энергичный, разносторонний, Цю Гуан, издатель и переводчик русской литературы, главным образом, Ф.М. Достоевского, достоин признания не только на Тайване и в материковом Китае. Он ведет просветительскую деятельность, направленную на продвижение классической русской литературы XIX века, что особенно важно отметить в текущем 2020 году, когда в России празднуют 200-летие со дня рождения Ф.М. Достоевского.

В последние годы «Вишневый сад» издавал и произведения советской литературы. К этой работе в издательстве привлек и других тайваньских переводчиков. К примеру, доцента факультета славистики Тайбэйского университета, выпускницу филфака МГУ им. М.В. Ломоносова, СЮН Цзун-хуэй, супругу Цю Гуана. В ее переводах изданы:

«Избранная лирика Анны Ахматовой»; «Ночной дозор» Сергея Лукьяненко; «Детство сорок девять» Людмилы Улицкой; «Сонечка» Людмилы Улицкой; «Искренне ваш Шурик» Людмилы Улицкой; «Дай мне!» Ирины Денежкиной.

Издательство «Вишневый сад» опубликовало еще семь переводов русской литературы, выполненных другими переводчиками Тайваня, - «Первая любовь» И. С. Тургенева (2011), «Похороните меня за плинтусом» П. Санаева (2011), «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова (2012), «Азазель» и «Турецкий гамбит» Б. Акунина (2013), «Шинель» и «Петербургские повести» Н.В. Гоголя (2015). Привлечение к работе молодых профессиональных переводчиков с русского языка, расширение круга читателей – такова плодотворная и эффективная стратегия издательства «Вишневый сад». С увеличением количества издательств и профессиональных переводчиков, расширением круга читателей деятельность по переводу русской литературы на Тайване станет более плодотворной и эффективной.

Список литературы

1. Сюн Цзун-хуэй Переводы произведений русской литературы на Тайване: вчера и сегодня // Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика, 2011, № 2. С. 78-83.
2. Wu Xuan-huon Literature and Culture of Taiwan Series. 2014. Taipei: NTU Press.

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

Ай Хуэйжун

Цзянсуский научно-технический университет,
факультет русского языка,
институт иностранных языков,
Чжэньцзян, Китай, ahr.2006@163.com

**ФОНОГРАММА В «ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЕ»: ЕЕ ФУНКЦИИ В КОНТЕКСТЕ
ЭВОЛЮЦИИ ОБРАЗА ХОРА В ДРАМАТУРГИИ АРБУЗОВА**

Статья посвящена анализу функционирования фонограммы в пьесе «Победительница» в контексте эволюционного развития образа хора и его функций в драматургии А.Н. Арбузова. Формы присутствия и функционирования хора в пьесах Арбузова постепенно упрощаются и облегчаются. В «Победительнице» хор заменен современной фонограммой, реализующая функцию фоно-декорационную, психологическую, репрезентативную, выводя на сцену мотивы философско-медитативный, лирический.

Ключевые слова: *фонограмма, хор, Арбузов, функция, эволюция.*

А.Н. Арбузов на протяжении своей жизни создавал многочисленные пьесы, которые принесли ему широкую популярность не только в Советском Союзе, но и за рубежом, в том числе и в Китае. Сегодня творчество Арбузова является фактом истории русской литературы, который позволяет выявить направления новаторских поисков советских писателей, понять законы развития драматургии прошлой эпохи. Главные особенности пьес драматурга критики видели в интересных характерах, его склонности к психологизму. Однако, наряду с этим, драматург уделил немалое внимание поискам новых форм драматического действия, всю жизнь искал новые способы выражения драматического конфликта, непривычные приемы создания художественного образа и человеческого характера, особые пути воплощения новой современности.

В плане нового подхода к тексту пьесы Арбузова отличаются введением разнообразных линий, которые присутствуют вне главного сюжета и не имеют прямого отношения к развитием ведущего драматического конфликта. «Внесюжетные эпизоды», например, воспоминания о детских годах, история прошлой любви, не только придают текстам Арбузова лирическую тональность, но и расширяют их повествовательное пространство. В связи с этим в структуре пьес Арбузова получается сложное отношения элементов эпического, драматического и лирического, что свидетельствует о константных стремлениях драматурга к новым возможностям создания советской драматургии. И на этом пути обращение к хору, происходящему из античного театра, оказалось существенным элементом композиционного построения драматических текстов Арбузова. Обратившись к античному приему, драматург стремился придать ему новую жизнь в советском театре. Так Арбузов писал: «Хотя я работаю в драматургии давно, мне все время хочется в выражении пьесы найти какие-то новые приемы, оглянуться на традиции, которые забыты, посмотреть на них в новом ракурсе». [1, с.34]

Арбузов обращался к хору в пьесах, созданных им в различные периоды творчества («Город на заре», 1940, «Иркутская история», 1959, «Счастливые дни несчастного человека», 1967), вплоть до последних лет жизни, когда в драме «Победительница» (1983) роль хора брала на себя фонограмма, которая была включена в текст пьесы. Можно сказать, что присутствие хора в современной психологической драме является одной из наиболее ярких черт творчества советского писателя. Осмысление роли хора в драме Арбузова нередко вызывало споры литературных и театральных критиков (И. Вишневской,

Ю. Зубкова, М. Строевой, К. Рудницкого и др.), но итоги дискуссий ограничивались главным образом оценочной аксиологией, желанием «оправдать» или «опровергнуть» необходимость присутствия. Литературоведы не конкретизировали функции хора со стороны разных уровней пьесы, не исследовали этот образ в его эволюционном развитии. Вопрос, почему Арбузов в предпоследней пьесе заменил хор полифонической фонограммой, не был решен в их исследовании. Поэтому цель данной статьи состоит в рассмотрении функций фонограммы в драме «Победительница» на основе рассмотрения эволюции образа хора и его роли в драматургическом мире Арбузова.

Хор был впервые эксплицирован как действующее лицо в тексте драмы «Город на заре», но обнаружил свои предварительные стилевые особенности в предыдущих работах драматурга. По утверждению театроведа И. Вишневской, уже в пьесах «Класс» (1930) и «Третий Ян» (1930) фигуры прохожих и спящих уже дают о себе знать «арбузовский хор», выступающий как «настроение, лирический аккомпанемент к бурным драматическим конфликтам» [6, с. 39]. В последующих пьесах («Шестеро любимых» (1935, перераб. 1958), «Дальняя дорога» (1935) проявились те стилевые манеры, которые привели к созданию хора в пьесе «Город на заре».

Изучая творчество Арбузова 1930–40-х годов, невозможно не заметить, что Арбузов всегда уделял большое внимание выражению на сцене общественной оценки происходящего. Ему было важно не только выявить изменение своих героев, но и дать им оценку окружающим миром и зрителем, создать диалог между сценой и зрительным залом. По утверждению критика Н. Крымовой, «театр в понимании Арбузова – живой диалог актера со зрителем... Он не может остаться, как и полагается автору, в стороне. Его так тянет на сцену, что иногда он едва успевал прикрыть собственную физиономию маской какого-нибудь “ведущего” или поручить свои слова участнику “хора”» [2, с. 12].

Если в пьесе «Шестеро любимых» актеры (от собственного имени) частично выступают как представители автора, откровенно делясь со зрителями своим размышлением над театральными реформами, играют роль пролога, то в «Дальней дороге» данную функцию реализует действующее лицо Антон, который напоминает о образе ведущего. Он активно участвует в действии, одновременно и наблюдает за его развитием, рассказывает о происходящем, дает субъективную оценку. В этом смысле Антон, как и актеры драмы «Шестеро любимых», расширяет сценическое пространство в эпическом и лирическом плане, создавая прямую коммуникацию между сценой и зрителями, т. е. играет ту же самую роль, которую позже у Арбузова возьмет на себя хор.

Впервые четкий контур хора появился в пьесе «Город на заре», которая родилась как коллективный экспромт. Пьеса объединяла в себе разнообразные подсюжеты, различные голоса действующих лиц, быстрое расположение персонажей, приобрела неоднородность и многоликость, в результате чего появилась необходимость введения хора как сценический организатор, позволяющий сводить воедино ходы фабулы.

В «Городе на заре» Арбузов выбрал образ хора коллективного, который состоит, из героев-комсомольцев, приехавших на Дальний Восток на строительство нового города. Коллективный хор не явился внесюжетным героем, был наделен автором функциями драматическими, эпическими, лирическими. Драматическая функция хора позволяет объединить различные сценические участки, свести героев в едином пространстве сцены, сопоставить их жизненные переживания. Стоя на особо выделенной трибуне, хор «управляет» развитием действия, замещением пространства и времени, сменой декораций.

Участвуя в строе фабульно-сюжетного движения драматического действия, хор в отдельных эпизодах берет на себя роль автора, проявляющаяся в экспозиции, репрезентации, представлении и характерологии героев. Хор не просто знакомит зрителей с героями, но эпически повествует их образ. Кроме того, понимание сути того или иного персонажа дает хору-автору возможность менять расположение персонажей, сталкивать героев положительных и отрицательных в конфликтную коллизию, таким образом, создать сценическую напряженность, изменить ход действия пьесы.

В выстраивании композиции пьесы сплеталась драматическая функция хора с эпической, проявлялось стремление драматурга к эпизации драматургических текстов. Наряду с этим, пейзажные картинны, описательные портретные референции действующих лиц, расширенные пояснительные характеристики топоса и хроноса принесли в текст описательность, повествовательность, протяженность, становились у Арбузова важным новаторским приемом эпизации драмы.

Хор не только участвовал в организации структуры-композиции сюжета и фабулы, в описании интриги и событий, но и выражал медитативную оценку героев, придавал текстам лирическую тональность. В большинстве случаев хор выступал как рациональный «верховный судья» [7, с. 79], в отдельных эпизодах проявлял человеческих чувства, выражая симпатию или антипатию к персонажу, восторгался успехами героев, плакал за их потери. Можно сказать, что в «Городе на заре» хор наделялся Арбузовым наиболее представительными и весомыми функциями.

В пьесе «Иркутская история» образ хора и его функции обнаруживаются в очень близкой манере к драматической хронике «Город на заре». Но если в «Городе на заре» обращение к хору обуславливает сценическим решением и необходимостью, то в «Иркутскую историю» введение хора было мотивировано формальным экспериментом. В ней как в предыдущей пьесе хор наделен автором функциями драматической, лирической, эпической. Хор организует хронотопическую локализацию действия, легко сдвигает сценический ход в прошлое из настоящего или наоборот, создавая кольцевую структуру с нарушенной последовательностью.

Хор, подобно рассказчику, описывает героев, внося лирическую тональность в характерологию персонажей. Коллективный хор рассказывает зрителям о том, что происходит на сцене или случалось за сценой, провоцируя действующих лиц к воспоминаниям. В целом роль хора в драме «Иркутская история» является тавтологией к его функциям в «Городе на заре». Несмотря на первоначальное намерение сделать условный хор «песней» и «сутью» пьесы, и приемом, которое может «поэтично и образно передать атмосферу и дух большой стройки» [3, с. 149], хор в «Иркутской истории» не насыщается творческой новизной, драматургической оригинальностью.

На пути эксперимента над драматургическими условными формами Арбузов осознавал избыточность коллективного хора в современных драмах, он пришел к новой попытке организации хорового присутствия в них.

В драме-притче «Счастливые дни несчастного человека» Арбузов упрощает состав хора, облегчает его сценическое присутствие. Коллективный хор вытесняется мини-хором, который теперь состоит только трех человек разного возраста с разными характерами. Хотя в пьесе хор наделен многофункциональностью, но в целом его совмещенные функции были облегчены. Композиционная функция, которую придавал хору драматург в предыдущих пьесах, сейчас «уступила место» функции аксиологической. Три хорева представляют три голоса, каждый из которых имеет собственную философскую медитацию, свою позицию в отношении к происходящему. Расходясь во мнениях, вступая в противоречия, три хорева показывают неоднозначность восприятий событий, различие потенциальных оценок персонажей со стороны других героев, автора, зрительного зала и общества в целом.

Исследуя, все творчества Арбузова 1960-80-х годов, можно заметить, что у писателя постепенно исчезали категоричность и прямолинейность, как например в «Городе на заре». Теперь задачей драматурга было выявить симметрические понятия «счастье» и «несчастье» на примере судьбы героя, человека талантливого, но не гениального, неплохого, но целеустремленного, личности, сомневающейся, заблуждающейся, ищущей конечного ответа.

С «Города на заре» до «Счастливых дней несчастного человека» состав и роль хора постепенно упрощаются и облегчаются, что свидетельствует о размышлении драматурга над целесообразностью и обусловленностью введения древней традиции в современную драматургию. В «Победительнице» он обратился к альтернативному приему – полифонической фонограмме.

В драме конфликт основывается на переосмыслении героиней прошлой жизни, на ее понимании любви и счастья. Главная героиня Майя Алейникова, как герой «Счастливых дней несчастного человека» Крестовников, человек глубокий, талантливый, пользующийся уважением, одновременно страдающий, сомневающийся. С разбалансированным внутренним миром она ищет ответы на вечный вопрос «в чем счастье». В «Победительнице» Арбузов продолжает решать проблему, как человек может осуществить свою цель и ценности в мире, как человек выбрать – личную жизнь или общественное положение. Так, И. Василинина писала: «В какой бы сложный момент ни началось наше знакомство с героями Арбузова, что бы с ними ни происходило, они никогда не перестанут размышлять о путях к счастью, стремиться понять, что же оно такое, в чем, для чего...» [5, с. 73-79].

В «Победительнице» Арбузов еще раз нарушил последовательность сценического хода, обратившись к «обратному пути» – в воспоминаниях героини выявил ее несчастье. Неслучайно, что М. Громова определила жанр драмы как «притча-исповедь», когда Майя в день юбилея своего сорокалетия и двадцатилетия деятельности в научном институте пришла к осмыслению совершенных ошибок во имя карьеры, осознав, что на этом пути потеряла самые важные ценности личной жизни – любовь, семью и ребенка. Она постоянно подчиняла «окружающих своей эгоистической воле, не считаясь с их личностью» [8, с. 16].

Если в других пьесах композиционное разрушение завершается хором, то в «Победительнице» эту функцию берет на себя фонограмма, которая существует как отрывки звуков жизни и сознаний из настоящего и прошлого, из разных углов мира. Эти звуки изображают разные жизненные картины человечества, которые составляют общее состояние современного общества, создают полифонию звуков-позиций, звуков-философий, звуков-психологий, в которых участвует героиня.

Звучащая фонограмма, в первую очередь, раскрывает фон предстоящей истории, образует социальную, временную, культурную декорацию, в которой действие будет развиваться. В ремарке автора дается узнать, что изображаемые события происходят в «Наши дни» [4, с. 139]. Но первые звуки фонограммы расширяют хронотопическое представление предстоящих событий: если музыка считается традиционным способом зачина драмы, то бой часов («Бьют башенные часы» [4, с. 140]) ясно маркирован автором – с начала действия начинается отчет времени не только настоящего, но и прошлого и будущего. Это, безусловно, предзнаменует напряженность дальнейшего действия и интенсивность перемещения героини из настоящего в прошлое (или наоборот).

Фонограмма в отличие от хора не может выступать в качестве действующего лица, прямо участвовать в развитии сюжета. Однако, она придает действию ментальную тональность. Бой башенных часов вместе со строками Данте – «Земную жизнь пройдя до половины, Я очутился в сумрачном лесу...» [4, с. 140] – выстраивают медитативно-философский настрой драмы, позволяют говорить о ее раздумчивом стиле.

Фонограмма не берет на себя аксиологической функции, присущей хору в предыдущих пьесах. У нее нет определенной позиции в отношении к поведению героев и случающимся событиям. Как мы уже указали, различные голоса в фонограмме представляют собой общую картину современного общества. Хотя фонограмма не может прямо воздействовать на Майю, звучащие в фонограмме факты и сообщения провоцируют героиню к ассоциативным сопоставлениям и раздумьям и, как следствие, побуждают ее к воспоминаниям и размышлениям. Таким образом, условный мир в фонограмме и настоящий мир, где находится героиня, ее прошлое и настоящее вступают в емкий диалог, обнаруживают ее душевные сомнения и муки, создавая полифонический мыслительный мир. В этом смысле подтверждается, что жанр пьесы определен драматургом как «диалоги без антракта», и театроведом М. Громовой как «притча». Известный театральный критик К. Рудницкий писал, что в «ретроспективных» пьесах Арбузова «все же прошлое вытаскивалось на свет божий не просто так, но во имя цели “предупредить, помочь, спасти” <...> Так или иначе, драмы-ретроспективы неизбежно становились пьесами-притчами, содержащими в себе некий моральный урок» [9, с. 165].

Фонограмма отчасти берет на себя роль заместителя автора, но выполняет функцию репрезентации не прямо, а опосредованно. Она косвенно дает информации о возрасте и общественном положении героини, даже дает представление о ее внешности, описывая ее портретные черты.

«В связи с сорокалетием и за отличную работу наградить работника НИИ, кандидата биологических наук Алейникову Майю Александровну почетной грамотой и...» [4, с. 140].

Сообщение (в фонограмме) позволяет узнать, что главной героине 40 лет, что она занимается научной деятельностью и пользуется уважением за полученные успехи. По характеру звучащей фонограммы мы можем предположить, что данное объявление дается в газете или по радио. Таковая публичная и открытая репрезентация увеличивает весомость заслуг Майи в научной деятельности.

Фонограмма специально воспроизводит психологический контекст, через природные объявления намечает мотив неблагоприятного положения и расстройства этого исторического отрезка советского общества. Озвучиваемые в фонограмме сообщения о загрязнении среды и природы – «тяжелые металлы» и «нефтяные продукты» в море, болезни деревьев в городе, безудержное браконьерство, не только откликаются на биологические направления профессиональной сферы главной героини, но и выдвигают мотив болезни природы, болезни всего мира, вызванной душевной «болезнью» человека. Вскоре из дальнейшего сюжета пьесы становится понятно, что болезнь природы и мира оказывается следствием болезни души человека, который готов реализовать узколичные интересы любой ценой. Таким образом, условные пейзажные картины (в фонограмме), не присутствующие в сценическом пространстве, создают природно-душевный параллелизм и полифонию: природное состояние напрямую связывается с человеческим состоянием – как в плане экологическом, так и в поэтическом. Мотив нечистой совести, сопровождающий центральную героиню и всю пьесу, актуализирован и подкреплен картинами загрязнения окружающего мира. Такое параллельное стилистическое решение переходит с фонограммы первой в последующие, с одной сцены в другую.

В присутствующем в фонограмме образе-мотиве пути воплощается осмысление автором проблем жизни, ее сложности и неоднозначности, противоречивости отношений между людьми. В первой фонограмме рядом с башенными часами, который предназначал временные локализации жизненного движения главной героини, появился образдвигающегося поезда.

«Поезд номер пятьдесят пять Мурманск – Москва прибывает на второй путь...» [4, с. 140].

Поезд «Мурманск – Москва» выбран Арбузовым неслучайно: именно в Мурманск, на север, отправилась юная Майя, представив научному руководителю важные данные записи возлюбленного Кирилла, совершив предательство, чтобы получить место в научной экспедиции. Для получения дополнительной страховки, Майя еще развила любовный роман с научным руководителем, предал Кирилла второй раз. Когда поезд прибыл в Москву, Кирилл, как ученый, потерял свои научные наблюдения (, которые может быть, принесет ему успешную карьеру), и как жених, он не дождалась будущую жену. Срок их разлуки как раз в сорок дней – нельзя сказать, что это случайное назначение драматургом. Цифра сорок аллюзирует на сороковины в православной культуре. Поэтому, когда один из героев высказал «Поезд ушел...» [4, с. 151], его акцент не в банальном фразеологизме разлуки, а в символическом жалении за упущенные возможности. Мотив движения поезда оказывается постоянным напоминанием главной героини о совершенном ей предательстве и ее винах перед другими.

Мотив поезда, появляющийся в первой фонограмме, становится пронизывающим, сквозным, но в последующих фонограммах несет и потенциальную ориентацию возможного прощения.

Позже и в конце: «Внимание! Поезд номер пятьдесят пять Мурманск – Москва прибывает на шестой путь...» [4, с. 150].

Если в начале пьесе прибытие поезда на *второй* путь аллегорично напоминает об «ошибочном» жизненном пути Майи, то позже, подход того же поезда к *шестому* пути словно намекает новое выбранное героиней направление, когда она в день сорокалетия начинает осмысливать прожитую жизнь. Арбузов пытается остаться справедливым, по традиции русской классической драматургии (литературы) не спеша судить персонажей, а дает им возможность совершить самоосуждение и самоискупление.

Образ-мотив жизненного пути поддерживается появляющимся в фонограммах образом журавля, высоко летающего за свободу, – образом, заимствованным из переведенного А. Ахматовой корейского стихотворения, и девушки с чемоданом, с которой встретила главная героиня в первый день в Москву. Девушка-провинциалка, которой не повезло в столице, собирается искать свое счастье в других местах и оказываясь для Майи примером того, каким нельзя стать: «За счастье бороться надо...» [4, с. 142]. Присутствие свободной птицы и неудачливой девушки составляет символическую параллель с жизненным пониманием и выбором центрального персонажа, поддерживая мысль зрителя о жестоком упорстве Майи в борьбе с жизненными и деловыми трудностями. Неслучайно известная китайская писательница, стоя на стороне Майи, написала, что «в пьесе выявляется конфликт между освобождением женщин в современном обществе и социальным требованием, и победительница была жертвой настоящего освобождения женщин-интеллигентов в новое время» [10, с. 356].

Многократное повторение образ мотива движения жизни с различными символическими фигурами создает полифонию голосов, шумов и звуков современного общества, окружающего мира, у которого находится и центральная героиня, соблазны и трудности в котором побуждают ее к неоднозначным поступкам. Абстрактные риторические звуки фонограммы конкретизируются и уточняются по ходу сценического развития действия, находя ясные очертания на уровне столкновения междуперсонажных отношений и решения конфликта.

Одними словами, Арбузов в фонограммах совместил наиболее различные функции, передав им роль хоровых партий. Отобранные драматургом факты и объявления в фонограммах означают хронотопические координаты, представляют скоро появляющихся персонажей, намечают вектор сюжетно-фабульного развития. Фонограмма не только выполняет драматическую функцию, но и вводит на сцену мотивы философские, психологические, и в последствии, присоединяя к себе лирическую тональность. Цитаты, транслитерированные из итальянского, корейского, японского языков, сообщения о происходящих во всем мире событиях, с одной стороны, в совокупности создают всеохватный условный мир, противоположный и связанный с реальным миром, создавая полифонию и многоплановый поэтический диалог, с другой, придают драме обобщенность, всеобщность.

Однако, динамика форм и ролевых функций хора в различных драмах Арбузова дает понять, что вводя хор в драматургический текст, Арбузов непрерывно обновлял новые возможности возрождения античного условного приема в современном театре. Коллективный хор в конце концов заменен фонограммой – вполне новым приемом. Введение в текст современной фонограммы, а не античного хора, с одной стороны, сделал пьесу «модернизированной», с другой, в значительной степени упрощает сценическую постановку материала.

Список литературы

1. *Арбузов А.Н.* Путь драматурга (Четыре беседы с молодежью) // Советская литература и вопросы мастерства. – М.: Советский писатель, 1957. Вып. 1. – С. 5–85
2. *Арбузов А.Н.* Избранное: в 2 т. Т. 1. – М.: «Искусство», 1981. – 728 с.
3. *Арбузов А.Н.* Как была написана «Иркутская история» // Вопросы литературы. – 1960. – №10. – С. 149
4. *Арбузов А.Н.* Победительница // Театр. 1983. № 4. С. 139–159.
5. *Василинина И.А.* Театр Арбузова. – М.: Искусство, 1983. – 264 с.
6. *Вишневская И.Л.* Алексей Арбузов: Очерк творчества. – М.: Советский писатель, 1971. – 203 с.
7. *Григорай И.В.* Функции хора в «Дальневосточной» и других пьесах А. Арбузова // Литература и культура Дальнего Востока и восточного зарубежья: Статьи участников рег. науч. Конф. – Уссурийск: изд-во УГПИ. – 2008. С. 79
8. *Громова М.И.* Русская драматургия конца XX — начала XXI века. – М.: Наука, – 368 с.
9. *Рудницкий К.Л.* О пьесах А. Арбузова и В. Розова // Вопросы театра. – М.: ВТО, 1975. – С. 143–185.
10. *张抗抗.* 追述中的拷问. – 北京: 海关出版社, 2008年. – 356页. (Чжан Канкан Допрос в воспоминаниях. – Пекин: Таможенное изд-во. – 2008 – С. 356)

10.01.01

Сунггеон Ким

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра русской и зарубежной литературы,
Казань, kimgun18@mail.ru

ОБРАЗ СТАРУХИ И МОТИВ СТАРЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М.А. БУЛГАКОВА

В статье рассматривается специфика образа старухи и связанного с ним мотива старения женщины в произведениях М.А. Булгакова. Выявлено, что в его творчестве присутствуют две тесно взаимосвязанные разновидности образа старухи: старуха-мать и старуха-ведьма. В этой связи двойственно проявляет себя и мотив старения женщины как влияния катастрофической реальности и как проявления косных начал.

Ключевые слова: М.А. Булгаков, образ старухи, женский образ, старость, мотив старения.

Образ старухи в культуре имеет два устойчивых значения, связанные с такой категорией, как «невозможность иметь детей и утеря трудоспособности» [1, с. 68]. Первое значение – носительница мудрости, накопленной за долгую жизнь. Второе значение – потеря жизнеспособности и близость к смерти. Отсюда прочерчивалась связь с владением магической силой, демонической властью [6], когда старуха становилась «той, что обладает ведовством, знанием», – ведьмой, которая «происходит от старославянского слова – вѣдати – «знать, ведать»» [5, с. 7, 9].

Оба эти значения в сложных и многообразных сочетаниях становятся основой особого литературного типа, который имеет свою традицию в русской литературе, воплощаясь в ярких образах в творчестве А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и др.

Образ старухи приобретает особое значение и в творчестве М.А. Булгакова. Новизна нашей статьи связана с тем, что отдельные исследования, посвященные функционированию этого образа в произведениях писателя, отсутствуют.

В ранних произведениях М.А. Булгакова, напрямую не отражающих сложный катастрофический характер эпохи, в которой существует его герой, на первый план в этом образе выходит инфернальное начало, во многом связанное с представлением о косности, невежестве народа. В этом плане характерен образ «глупой бабы», которая мешает молодому врачу спасти ее внучку в рассказе «Стальное горло» из цикла «Записки юного врача». При начальном своем появлении она обозначена как «тень с круглыми юбками» [2, с. 305]. Ее бормотание молитвы, напоминающее языческий обряд, запрет на вмешательство врачебной силы, неожиданное появление после операции и странные действия: «И тут бабка выросла из-под земли и перекрестилась на дверную ручку, на меня, на потолок» [2, с. 308], – дает основание соотнести этот образ с ведьмой.

В этом плане важно и обозначение отношения к этой старухе самого героя, так как метасюжетом цикла становится его становление, в процессе которого происходит и своеобразное «познание» женщины, а через это и самого себя. Чувства героя выражаются в том, что он старуху «возненавидел», и в его мысли: «Хорошо было бы, если б бабок этих вообще на свете не было», – подумал и в тоскливом предчувствии опасности и сказал...» [2, с. 303]. Сложность этих переживаний связана со страхом молодого врача перед сложной ситуацией, когда существует опасность смерти девочки во время операции. Запрет старухи становится своеобразным искушением, попыткой соблазнить героя отказом от тяжелого выбора. Именно отсюда берет свое начало тема трусости как самого страшного порока человека, получающая затем свое наиболее сильное воплощение в романе «Мастер и Маргарита».

Образ inferнальной старухи из наркотического видения героя появляется в рассказе «Морфий», обозначая утрату им трезвого ощущения реальности, переход в область ложных ценностей, безумия: «И вот вижу, от речки по склону летит ко мне быстро, и ножками не перебирает под своей пестрой юбкой колоколом, старушонка с желтыми волосами... В первую минуту я ее не понял и даже не испугался. Старушонка как старушонка. Странно – почему на холоде старушонка простоволосая, в одной кофточке?.. А потом: откуда старушонка? Какая? Кончится у нас прием в Левкове, разъедутся последние мужицкие сани, и на десять верст кругом – никого. Туманцы, болотца, леса! А потом вдруг пот холодный потек у меня по спине – понял! Старушонка не бежит, а именно летит, не касаясь земли. Хорошо? Но не это вырвало у меня крик, а то, что в руках у старушонки – вилы...» [2, с. 407]. И в рассказе «Стальное горло», и в «Морфии» практически не подчеркивается внешняя необычность облика старух, наоборот, обозначена их заурядность. Внешне их связь с inferнальными началами проявляется в деталях поведения, характере движений.

Однако в ранних рассказах и фельетонах появляется и другой вариант образа старухи – старуха-мать. Следует отметить, что этот образ поворачивается в произведениях писателя разными своими сторонами. В рассказах «Похождения Чичикова» и «Ханский огонь» он тоже связан с мотивами лжи и искушения. Так, Чичиков получает паек «на старуху мать, которой на свете не было» [4, с. 26]. А облик матери Тугай-Бега в «Ханском огне» построен уже на гоголевском сочетании черт красавицы-ведьмы и страшной старухи: «На пьедестале бронзовый позеленевший бюст старухи матери в бронзовом чепце с бронзовыми лентами, завязанными под подбородком, с шифром на груди, похожим на мертвое овальное зеркало. Сухой рот запал, нос заострился. Неистощимая в развратной выдумке, носившая всю жизнь две славы – ослепительной красавицы и жуткой Мессалины» [4, с. 86]. Интересно, что образ старухи-матери в рассказе «Ханский огонь» создается через экфрастические описания бюста и картины. Таким образом, подчеркивается отсутствие жизни, связь со смертью, что потом находит свое завершение в сообщении князя Тугай-Бега о смерти старой княгини.

Он соотносится с образом Екатерины II, представленной на полотне, на которую с картины, висящей напротив, с ненавистью смотрит ее сын, Павел I. Здесь возникает важный для творчества писателя мотив сложных отношений сына и матери, неумолимой в своих желаниях и стремлениях. Конечно, следует сказать, что этот мотив имеет автобиографическую подоплеку. Общеизвестным является то, что мать писателя оказала огромное влияние на его становление и всегда была для него непререкаемым авторитетом. Однако, по свидетельствам близких к семье писателя людей, она была женщиной не только удивительно энергичной, хлебосольной, великодушной, но и властной. Кроме того Булгаков болезненно воспринял повторное замужество матери после смерти его отца.

Он проявляется и в рассказе «Красная корона», в котором старуха-мать, посылая старшего сына на фронт для спасения младшего, обрекает его на безумие. Психологически-напряженная сцена, в которой мать уговаривает героя отправиться на поиски брата, соотносится со сказочным зачином, в котором подобный наказ приобретает характер императива. Заклинающий смысл слов матери выражен в интонации: «...в слова вложила всю жажду, всю ее боль» [4, с.15]. Когда мать говорит, что опять отпустит младшего сына на войну, герой понимает, что она лжет, и уезжает с мыслью, что мать малодушна. Та же неумолимость матери, готовой обвинять весь мир в утрате своего ребенка, проявляется в эпизоде из романа «Белая гвардия», когда мать Най-Турса, узнав о смерти сына, «сжала кулаки, взмахнула ими перед лицом Николки» [3, с. 274], как будто хотела его наказать.

Однако в рассказе «Красная корона», романе «Белая гвардия» образ старухи-матери приобретает и трагический характер, который связан с темой разрушения семьи, гибели детей. Интересно, что, если ложность образа старухи-матери выражалась в его статике, связанной либо с выдуманностью, либо с отнесенностью к прошлому, то трагические образы даны в динамике, которая обозначена двумя мотивами: старения и движения вниз.

В романе «Белая гвардия» мать Най-Турса Марья Францевна предстает дамой «со следами увядшей красоты на лице» [4, с. 273]. Описывается резкое старение Елены и Маргариты из-за пережитых страданий: «Елена рыжеватая сразу постарела и подурнела» [3, с. 56].

Семиотическая деталь движения вниз тоже призвана подчеркнуть трагичность положения матери, теряющей детей. В «Белой гвардии», например, спускается вниз похоронный ход, в котором участвуют матери погибших. У седой женщины, увидевшей своего мертвого сына, падают «какие-то свертки на землю» [3, с. 115]. Мать Най-Турса, услышав весть о гибели сына, «валилась навзничь» [3, с. 274].

Таким образом, в творчестве Булгакова образ старухи имеет многомерный характер. С одной стороны, в нем проявляются inferнальные начала, и в этом плане он связан с мотивами ложного выбора, искушения. С другой стороны, это образ старухи-матери, которая и неумолима в стремлении спасти жизнь своих детей, и страдает, потеряв их. Мотив старения женщины в творчестве писателя связан с темой страданий, выпадающих на долю женщины во времена катастрофических потрясений.

Список литературы

1. *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. 274 с.
2. *Булгаков М.А.* Собрание сочинений в 10 томах. Т. 3. Собачье сердце. – М.: Голос, 1995. – 464 с.
3. *Булгаков М.А.* Собрание сочинений в 10 томах. Т. 4. Белая гвардия. Дни Турбиных. Роман, пьесы. – М.: Голос, 1997. – 672 с.
4. *Булгаков М.А.* «Я хотел служить народу...»: Проза, пьесы, письма. Образ писателя. – М.: Педагогика, 1991. – 736 с.
5. *Наговицын А.Е.* Ведьмы в традиции и народной культуре. – М.: Вече, 2019. – 304 с.
6. *Панченко А.* Образ старости в русской крестьянской культуре. Отечественные записки, 2005, № 3. [Электронный ресурс] URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/3/obraz-starosti-v-russkoj-krestyanskoj-kulture.html> (дата обращения 20.07.2020).

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

А.Ф. Ганиева канд. филол. наук, И.А. Еникеев канд. филол. наук

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан,
отдел литературоведения,
Казань, aygulgani@mail.ru, eniki07@mail.ru

**ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ТРИЛОГИИ Ф.САДРИЕВА
«СЧАСТЬЕ НЕСЧАСТНЫХ»**

В статье исследовано философское мировоззрение персонажей трилогии Ф. Садриева «Счастье несчастных». Показано, как публицистический пафос автора раскрывается через образ писателя-журналиста Ирека и окружающих его героев произведения. На примере эпического романа раскрыта связь личности и общества.

Ключевые слова: публицистика, дискурс, журналист, личность и общество, татарская литература, роман, Фоат Садриев.

События трилогии «Счастье несчастных» (1991-2005) Фоата Садриева развиваются вокруг её главного героя – журналиста, писателя, философа Ирека, оказавшегося внутри властного механизма, распоряжающегося судьбами людей. Обладающий даром слова и талантом журналиста, Ирек – бывший школьным учителем, становится идеологическим работником районного масштаба, затем корреспондентом местной газеты. Позднее переходит на руководящую профсоюзную работу. Помимо человеческой и психологической составляющей этого образа, раскрытой писателем, он наделён функцией рупора авторских идей о проблемах человеческого общества и всей цивилизации в целом, что и составляет публицистический дискурс данного текста.

Роман был оценён литературной критикой как очевидное достижение татарской прозы. Успех его определяется несколькими факторами. Во-первых, в 1990-е годы наблюдался избыток произведений, основанных на условно-метафорическом изображении картин ирреального мира и татарский читатель ощущал некоторую потребность в прозе реалистического направления. Во-вторых, очень редко в литературе появляются крупные и панорамные произведения, охватывающие широкий круг общественно значимых проблем. Начиная с 1970-х годов подобных текстов, освещающих эпоху с историко-политических позиций, практически не было. В-третьих, персонажи книги являются современниками читателя, который сам был свидетелем, происходивших в обществе духовных потрясений и социально-общественных преобразований. За этот роман-трилогию писатель в 2010 году был удостоен Государственной премии имени Г. Тукая. Публицистический дискурс развивается писателем на нескольких уровнях: личное счастье героя (любовь, семейные отношения) рассматриваются в плоскости общественной жизни (человек и общество) и природной сущности, как главной основы жизни (человек и природа, родная земля, татарская деревня). Философия неразрывно связана с жизненной ситуацией и с переживаниями героев, поэтому психологическая достоверность очень убедительна: «Сильная сторона Ф. Садриева как писателя-реалиста заключается в следующем: композиционное построение и связанные с ним сюжетные повороты, основаны на непрерывной и усиливающейся цепи событий, держащих интерес читателя в постоянном напряжении» [1: 80].

В центре произведения находится честный молодой человек с чистой душой по имени Ирек, выбравший справедливость как маяк своей жизни. Его старший и более зрелый брат Мэлс сравнивая райком партии с кирпичным заводом, заранее предупреждает Ирека: «Работа на кирпичном заводе очень тяжёлая, и не все её выдерживают. И там куда ни

посмотришь, везде кирпичи... сырые, отправляемые на обжиг, только что вышедшие из печи. Все одинакового размера и формы. А под ногами полно кирпичных обломков. Некоторые разбиты вдоль, другие поперёк, остальные в сплошных разломах. Только вместо красной глины кладут совсем другой материал» [3: 38]. В первой и второй части трилогии разоблачается партийный механизм, созданный для подавления личности. Приёмы руководства от Центрального Комитета и до простого председателя колхоза, основанные на лицемерии, обмане и подхалимстве, раскрываются в различных обстоятельствах. У Ирека, искренне верившего в правоту коммунистов и потому вступившего в партию, уже не хватает времени на творчество и личную жизнь. Из-за этого меняются взгляды героя и приходит понимание того, что он для партии всего лишь очередной винтик и выйти из этого положения невозможно. Для первого секретаря райкома Минзагита Арсланова и второго секретаря Зуфара Шавалиева, в лицо которым Ирек бросает слова правды, ничего не стоило бы выгнать его, но они держат его как неумоимого и ответственного сотрудника, пишущего для руководства доклады и выступления. В произведении показан вред, наносимый жизни народа административно-командным управлением и его вечной погоней за планом. Использование крупными и мелкими руководителями власти в своих целях ограничивает права трудового человека. Например, для председателя колхоза «Авангард» Гайсы Батталова, насмерть забившего колхозника, нет никакого наказания за преступление. Больше того, организовав ложный заговор, он оставляет виновным самого погибшего, а у опровергавших это сотрудников в качестве мести обрезают провода и оставляют их без электричества. Писатель Ф. Садриев обращает внимание читателей на социальную несправедливость в стране и причины её возникновения. Для этого он использует приёмы сравнения и противопоставления. Сначала он показывает богатый дом Арсланова, который в ожидании любовницы подготовил редкие угощения. А затем сразу переходит к жизни жителя села Кырбаш Сиражетдина и через восприятие корреспондента Ирека натуралистически изображает, леденящее душу, внутреннее убранство дома. Одиноким ветеран, потерявший на войне ногу и пальцы, два месяца не видел мяса и забыл вкус масла. Он собирается варить суп из сырой крупы и потрохов скотины, которые дал ему сосед. Заставляют задуматься его мысли о жизни: «Если бы я был один такой, то не переживал бы. Свалил бы всё на Аллаха, на судьбу или ещё на что-нибудь. Но ведь целый род... Если всю жизнь работавший человек не может кормить себя, значит что-то не так. А ведь дошли до Германии, немцев победили» [3: 168]. Конфликт, возникший после публикации статьи Ирека «За что проливал кровь, Сиражетдин?», заставляет читателей произведения размышлять об общественной ситуации в стране.

Руководство Арсланова относится к советскому периоду и он входит в произведение как типаж руководителя. Если автор подвергает критике его авторитарное управление, основанное на крике и злобной брани, то пришедший ему на смену Ахнаф Шарифуллин – руководитель нового типа, послушный, образованный, интересующийся историей своего народа, друг и единомышленник Ирека. Но власть меняет и его. На этой должности, поддавшись уговорам жены, он в своей неудержимой страсти к личному обогащению, напоминает Шакира Мустафина из книги А. Еники «Болотный цветок». Ф. Садриев развивает идею писателя-старейшины и показывает причину отчуждения государства от народа в том, что руководители на первый план ставят свои потребности и превращаются в рабов личного имущества. Данное произведение основано не только на критике партийного аппарата, в нём представлены в широком плане отношения власти и людей. В первой и второй книгах они связаны с партией, но уже в третьей после распада партии начинается новая эпоха. Писатель стремится раскрыть психологию руководителя: «В его мыслях и переживаниях, в голове и сердце были земли, техника, машины, стада, фермы, гектары, тонны, тысячи, миллионы. Он – разновидность одушевлённого робота. Знает только то, что положено, и для реализации положенного в течение дня надевает тысячи масок» [3: 835]. Всякая власть показана как сила, нацеленная на уничтожение личности и её человеческих качеств, на доведение человека до состояния машины-робота.

Писатель, стремясь к изображению жизни в широком плане, знакомит читателей с людьми разных слоёв общества. Например, Рашат – не получивший должного воспитания в семье Минзагита, с детства живший сам по себе и попавший в среду Московского криминала. В романе он выступает как представитель преступного сообщества. Образ Рашата, не соответствующего никаким нормам нравственности своей бесчеловечностью, воспринимается как данное Арсланову в конце жизни наказание. Но Рашату в этом романе отводится и другая обязанность – он выступает на философском уровне публицистического дискурса, произнося малопонятные и пугающие окружающих слова: «Вы не знаете какой демон сидит наверху. Он хозяин всему Земному шару. Снизу, - он кивнул головой Вышке и Дубине, - есть ещё одно племя. Только они по сравнению с верхним лишь крысиная стая. От этих двоих землю накрывает тень смерти» [3: 832]. Писатель имеет в виду, что среди управляющих страной и даже миром есть преступники. Во время выборов в Государственную Думу Ирек поражается выступлению на телевидении криминального лидера и атамана наркобизнеса – Вышки, рассказывающего о воспитании молодёжи.

Как видно из названия, писатель предлагает в романе систему взглядов о счастье, выраженных в философских воззрениях Ирека относительно связей человеческой цивилизации с природой и Космосом. Свой труд, в котором воплощены данные идеи, он хочет назвать «Новый Коран». Догадываясь о замыслах сына, мать призывает его отречься от этого. Она обвиняет Ирека в богохульстве и говорит о том, что Святая книга единственная и никто не сможет её изменить или обновить. Послушавшись слов матери, он прекращает её написание, но сжечь свой труд не решается. И начиная с этого дня, пишет автор, в жизни Ирека происходят неожиданные бедствия. Здесь заметна мысль писателя о тщетности усилий отдельных людей изменить мир.

Трилогия «Счастье несчастных», безусловно «является творческим достижением прозаика в преобразовании возможностей многогранного эпического жанра» [2: 136]. Оно остаётся самым удачным произведением в татарской литературе, художественно и многопланово отразившим важный период народной жизни. Хотя в романе подняты волнующие всех проблемы, но в центре находится Человек и его счастье. А счастье, по мысли писателя, в единстве, гармонии духовного и материального, в свободе личности. Сделать человека счастливым – главная задача государства. Это напрямую связано с моральным обликом и честью руководителей, управляющих народом. Данные концептуальные взгляды писателя доводятся до читателя через философско-психологические формы размышления, сложные характеры изображённых автором героев, неповторимый образный язык и искусные изобразительные средства.

Список литературы

1. Бакиров М. Бәхетсезләр бәхете // Мәйдан. 2011. – № 3. – Б.71-82.
2. Вәли-Барҗылы М. Намуслы кешеләр // Казан утлары. – 2008. – № 1. –Б. 129-137.
3. Садриев Ф. Бәхетсезләр бәхете: роман-трилогия. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. – 903 б.

10.01.10

¹А.У. Киньябулатов канд. мед. наук, ²С.Г. Аксёнов д-р экон. наук, ²В.Д. Чистонов,
³А.Р. Демаева, ⁴В.Ф. Усманов канд. педагог. наук, ¹Р.Э. Сафаров канд. мед. наук,
¹В.А. Перминова, ¹Р.Р. Норматов, ¹Ф.Б. Рахматова

¹Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Уфа, azatur3@yandex.ru,

²Уфимский государственный авиационный технический университет,

³Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского,

⁴Бирский филиал Башкирского государственного университета,

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕКЦИИ МОЛОДЫХ ЖУРНАЛИСТОВ В МЕДИЦИНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Студентами Башкирского государственного медицинского университета (БГМУ) становятся выпускники гимназий, лицеев, школ, колледжей, имеющие в Республике Башкортостан самые высокие средние показатели ЕГЭ по сравнению с другими образовательными учреждениями высшего образования. В БГМУ при активном содействии Молодежного научного общества создана секция молодых журналистов, которая активно сотрудничает с Пресс-центром Министерства здравоохранения Республики Башкортостан.

Ключевые слова: журналистика, медицина, здравоохранение, общественное здоровье, спорт.

На Учёном Совете Башкирского государственного медицинского университета 28 сентября 2015 года было принято решение о создании Молодежного научного общества, которое объединило две ранее существовавшие структуры — Студенческое научное общество и Совет молодых ученых. МНО — это общественное добровольное объединение обучающихся и молодых специалистов до 35 лет (докторов наук - до 40 лет) БГМУ, взаимодействующих на основе общности научных интересов и активно занимающихся научно-исследовательской и инновационной работой. Возникла необходимость привлечения обучающихся, которые имеют опыт сбора данных, анализа, написание информационных публикаций в различных сферах деятельности — создание секции молодых журналистов МНО БГМУ. Был изучен опыт работы членов Союза журналистов России и Республики Башкортостан [1, 2, 3]. В связи с тем, что в БГМУ поступают выпускники гимназий, лицеев и школ, имеющие самый высокий рейтинг ЕГЭ в Башкортостане, то работа в МНО дает возможность раскрыть свой потенциал, начать развиваться в новых направлениях, познакомиться с интересными людьми, представителями не только других ВУЗов, но и других стран, содействовать укреплению и развитию межвузовских, межотраслевых и международных связей обучающихся и молодых специалистов БГМУ, а также оказывать содействие информационному обеспечению научных исследований обучающихся и молодых специалистов БГМУ, пропаганде научно-технического творчества молодежи, в том числе в электронных средствах массовой информации [4].

Пресс-центр Министерства здравоохранения Республики Башкортостан (ответственный С.Н. Кускарбекова) на протяжении последних 5 лет активно использует секцию молодых журналистов Молодежного научного общества БГМУ в процессе подготовки материалов для публикации. Секция молодых журналистов Молодежного научного общества БГМУ включает в себя 10 обучающихся (по два на каждый из пяти факультетов университета), которые собираются два раза в месяц для проведения практических занятий. Создана

архивная база исторических фактов по БГМУ, медицинским организациям Республики Башкортостан, персональные данные преподавателей и обучающихся для сверки при подготовке публикации. Основная задача секции молодых журналистов МНО БГМУ — это исключение ошибок, неточностей, недостоверной информации при подготовки материалов для публикации в СМИ. Для этого необходимо проведение большой аналитической работы с нарастающим потоком информации в интернете. На первом этапе в 2015—2020 гг. проведена подготовка учебных пособий и энциклопедических справочников по истории становления и развития медицинских организаций с привлечением секции молодых журналистов МНО БГМУ. Основным мотивом активной работы обучающихся стало накопление дополнительных баллов при начислении повышенной стипендии, а также возможность стать лауреатом стипендий Главы Республики Башкортостан, Правительства Российской Федерации и Президента Российской Федерации. Так за период 2015—2020 гг. (один студент - Марат Каримов лауреатом стипендии Президента Российской Федерации, двое Алсу Биглова и Диана Рахматуллина — стипендии Правительства Российской Федерации, десять студентов лауреатами стипендии Главы Республики Башкортостан). Секция молодых журналистов Молодежного научного общества становится стартовой позицией, точкой роста и развития творческих возможностей каждого желающего, появляется возможность узнать специфику работы отдельных специалистов в медицинских организациях (во время подготовки публикации об отделении, операции, методе лечения, враче, фельдшере, медицинской сестре и др.). Проблемы в работе секции молодых журналистов медицинского университета связаны с тем, что обучающие на первых курсах медицинского университета загружены учебными заданиями и практическими занятиями по теоретическим дисциплинам (анатомия, латинский язык, физиология, биохимия и др.). Дополнительно молодые журналисты осваивают фотографию, кинодокументалистику и радиопередачи (дикция, ударение, произношение сложных медицинских терминов). Например, при записи 10-минутного документального фильма к 100-летию здравоохранения Республики Башкортостан переозвучивание текста проводилось 8 раз (заняло 14 дней), для произношения правильного ударения в медицинских терминах и усиления тембра голоса в тексте патристического содержания.

В 2020 году на Учёном Совете БГМУ принят «План мероприятий к 90-летию БГМУ» (ноябрь, 2022 года), в котором планируются мероприятия совместно с Агентством по печати и средствам массовой информации Республики Башкортостан (организация радио-, телепередач и публикаций о деятельности университета 2020-2022 гг.; выпуск книги, посвященной 90-летию со дня основания университета; создание документального фильма, посвященного истории и деятельности университета; создание электронной книги об университете и сборника зарисовок об университетских династиях). Секция молодых журналистов МНО БГМУ создана на базе научного кружка кафедры общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО и ставит своей задачей для обучающихся — вступление в Союз журналистов Республики Башкортостан сразу после окончания обучения в университете. Секция молодых журналистов МНО БГМУ активно сотрудничает с преподавателями и обучающимися Уфимского государственного авиационного технического университета, Казанского и Саратовского государственных медицинских университетов, Бирского филиала Башкирского государственного университета и др., что становится возможным благодаря возможностям современного оборудования (проведение совместных заседаний научных кружков, конференций, круглых столов и др.). Научно-исследовательская работа - особая форма индивидуальной деятельности обучающихся и молодых специалистов, осуществляемая под руководством научного руководителя или научного консультанта, направленная на расширение имеющихся и получение новых знаний, на формирование навыков изобретательской, аналитической, практической, творческой деятельности, на выработку умений осуществления научных исследований и экспериментальных работ. Инновационная работа - последовательно проводимая деятельность по преобразованию результатов научно —

исследовательской работы в продукцию и введение ее на рынок для коммерческого применения (подано три заявки на Гранты разных направлений, один получил одобрение на уровне Администрации городского округа Уфы).

Научно-практическая конференция «Проба пера», проводимая осенью каждого учебного года в медицинском университете позволяет производить активный отбор обучающихся, обладающих творческими способностями и имеющие желание заниматься журналистикой. Преподаватели, занимающиеся отбором обучающихся основам журналистики, должны планировать систематическую работу с молодыми журналистами по темам плана, которые утверждены Учёным Советом БГМУ.

Выводы:

1) Секция молодых журналистов на кафедре общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО созданная МНО БГМУ является составной частью Пресс-центра Министерства здравоохранения Республики Башкортостан.

2) До 2022 года (к 90-летию БГМУ) необходимо, чтобы в каждой медицинской организации республиканского значения Республики Башкортостан был молодой журналист, прошедший стажировку в секции молодых журналистов МНО БГМУ.

Список литературы

1. Журналисты России. XX—XXI: Справочно-энциклопедическое издание. - ИД «Журналист», М., 2013, 1000 с.
2. Киньябулатов А.У., Бахтиярова А.А., Шарафутдинова Н.Х., Загидуллин Ш.З., Хазиманова А.А. Вклад врачей – членов общества «Знание» в развитие истории медицины Республики Башкортостан. Казанская Наука, 2014, №3. – С.43-47.
3. Киньябулатов А.У., Зиятдинов Р.З., Шарафутдинова Н.Х., Фаюшин А.З., Ахмадиева Г.Р., Салемгареев И.И. Вклад врачей-членов Союза журналистов СССР, России и Республики Башкортостан в историю медицины / // Журнал «Казанская Наука», 2014, №7.
4. Киньябулатов А.У., Мухаметова А.И., Шарафутдинова Н.Х., Шарафутдинова К.И., Кадыров Р.З., Чистонов В.Д., Аксенов С.Г., Крылова З.Р., Усманов В.Ф. «День науки» в университетах как новая форма в научно-исследовательской и педагогической работе со студентами. Казанская наука. 2017, №11. – С.165-167.

10.01.10

Л.А. Меметова канд. филол. наук

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

ГЕНЕЗИС КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ДЕТСКОЙ ПРЕССЫ

Статья посвящена изучению актуального на сегодняшний день для отечественной журналистики вопроса – крымскотатарской детской периодики. В работе исследованы условия возникновения крымскотатарской прессы для детей, обозначена цель и роль первого специализированного детского периодического издания в последующем развитии данного сегмента этнической журналистики.

Ключевые слова: крымскотатарские СМИ, детская пресса, «Алем-и субьян» (Детский мир).

Крымскотатарская детская пресса – явление, имеющее более чем вековую историю возникновения и этапы формирования. Как и в любой периодике на нее возлагались определенные функции, ей отводилась важная роль в формировании личности ребенка, овладении им педагогических, нравственных и эстетических основ, его социализации.

Изучение истоков и становления крымскотатарской детской периодики, равно как и всей истории крымскотатарской периодической печати, на сегодняшний день является актуальным направлением отечественной журналистики. В силу определенных исторических событий многие крымскотатарские периодические издания дооктябрьского периода (1917 г.), первой половины XX века не были объектом глубоких научных изысканий в отечественной науке на протяжении длительного периода. Кардинальные изменения общественно-политической формации в конце XX столетия повлекли за собой ряд перемен, способствовавших переоценке стереотипов и выходу в свет новых знаний по истории, культуре, языку и литературе крымских татар. В результате этого и крымскотатарская детская периодика стала объектом научного изучения.

На сегодняшний день вопросы крымскотатарской прессы для детей косвенно затронуты в работах отечественных исследователей крымскотатарских СМИ – В. Ганкевича [2;3], И. Керимова [4], Г. Юксель [11], Л. Селимовой [10]. Первые опыты по целенаправленному изучению крымскотатарских детской периодики осуществлены Н. Яблоновской [12;13], Я. Акпынаром [14], Л. Меметовой [5;6;7].

Так работы Я. Акпынара и Л. Меметовой посвящены первому специализированному периодическому изданию для детей на крымскотатарском языке – «Алем-и субьян» (Детский мир). Турецкий исследователь феномена и творческого наследия Исмаила Гаспринского Я. Акпынар акцентировал внимание на наименовании, формальных особенностях издания, дал краткую характеристику публикационного материала. Л. Меметова более подробно описала авторский состав приложения, обозначила тематический диапазон, жанровые формы и аксиосферу публикаций, охарактеризовала роль издания в последующем развитии детской литературы.

Труды исследователя Н. Яблоновской – попытка комплексного изучения крымскотатарских СМИ для детей. Автор, проанализировав работы отечественных и зарубежных ученых, обращавшихся к явлению детской прессы, постаралась кратко осветить историко-теоретические аспекты развития крымскотатарских медиа для детей.

Указанные выше труды представляют несомненную научную ценность для дальнейших изысканий по крымскотатарским детским медиа, однако не раскрывают в полной мере вопросы ее генезиса, что представляет научную новизну нашей работы.

Цель статьи – изучить предпосылки возникновения крымскотатарской детской периодики.

Процесс возникновения и формирования крымскотатарской периодической печати по праву принадлежит известному мыслителю, реформатору народного образования, писателю и публицисту, основоположнику крымскотатарской журналистики Исмаилу Мурзе Гаспринскому.

С 1879 года он предпринимает неоднократные попытки по созданию периодического печатного издания на крымскотатарском языке для своих единоверцев [2, с. 93] с целью их правового информирования и просвещения [9, л. 1]. Им без устали направляются прошения в Главное Управление по делам печати МВД, Таврическому губернатору. После многократных попыток в 1882 году И. Гаспринскому удается получить разрешение цензурного Комитета и по приобретению необходимого полиграфического оборудования он приступает к изданию газеты «Терджиман» (1883 г.). На протяжении нескольких лет И. Гаспринский активно расширяет спектр издаваемой продукции – публикует издания для учащихся и учителей, женскую, юмористическую и общественно-политическую периодику. Однако издатель остро ощущает необходимость и специализированной прессы для детей.

Обращение И. Гаспринского к детской периодике не случайно. Он был активным поборником национального просвещения и образования, чьи прогрессивные воззрения формировались под сенью мусульманских традиций и европейского культурного опыта. «Осознание того, что национальную культуру нужно прививать с «младых ногтей», пронизывало все издательские проекты великого крымскотатарского просветителя Исмаила Гаспринского» [13, с.136]. С момента открытия своей типографии «Нешрият-и Исмаиле», в последующем переименованной в «Матбаа-и «Терджиман», он публиковал различную образовательно-воспитательную продукцию для детского и юношеского возраста. Так, в издательской копилке Исмаила Гаспринского многочисленные брошюры и печатные издания по географии, истории, основам вероучения, учебники, книги для чтения и пособия для обучающихся по новому звуковому методу, приложение к «Терджиману» «Мектеп» (Школа).

Однако одноразовые печатные издания, направленные на юную аудиторию не могли выполнять тех функций, которые были под силу периодическому изданию – систематическое приобщение детского и юношеского поколения к просвещению и образованию, воспитание нравственных качеств, расширение кругозора.

К тому же в Западной Европе и Российской империи к этому времени уже был реализован опыт издания первых периодических изданий для детской аудитории. К примеру, в Англии первая детская периодика – «The Lilliputian Magazine» (Журнал для лилипутов, 1751 г.), во Франции журнал – «Le Journal d'edication» (Журнал об образовании, 1768 г.), в Германии – «Leipziger Wochenblatt für Kinder» (Лейпцигский еженедельный листок, (1772 – 1774 гг.), в России – «Детское чтение для сердца и разума» (1785-1789 гг.), издаваемый просветителем Н. Новиковым в качестве приложения к «Московским ведомостям».

В возникновении крымскотатарской детской периодики особая роль принадлежит и турецкой прессе. В истории турецких печатных СМИ для детей первенство за журналом «Mümeuiz» (Отличающий), изданном в 1869 году. По данным исследователя Яхьи Акъюза журнал издавался просветителем-публицистом, выходцем из Крыма Сыдки Эфенди [15]. К середине второго десятилетия XX века история турецкой прессы насчитывала уже 20 детских журналов, многие из которых послужили образцом для издателя И. Гаспринского. Сегодня в его доме-музее имеются сохранившиеся до наших дней отдельные экземпляры детской мировой прессы [8], что свидетельствует об активном интересе издателя к данному сегменту журналистики.

К 1905 году в Российской империи увидели свет множество русскоязычных газет и журналов для детей, также наметился рост прессы тюрко-мусульманских народностей, появились детские издания в Баку – «Рехбер» (Путеводитель, 1906 – 1907 гг.), «Дебистан» (1906 – 1908 гг.), в Казани – «Тербия-и атфал» (Воспитание детей, 1907). Все эти предпосылки укрепляли веру И. Гаспринского в создании подобного издания и для крымскотатарской юной аудитории. Издатель, несомненно, опирался на практические знания единоверцев и к концу 1910 года сумел реализовать подобный опыт – начал

выпускать для детей специальное приложение к «Терджиман»у – «Алем-и субьян» (Детский мир). Первые номера вышли под названием «Мектеб-и субьян» (Детская школа) [14, с. 455], последующие – «Алем-и субьян». О включении в программу «Терджиман»а отдельного листка для детей свидетельствует прошение Таврическому губернатору об утверждении обновленной программы газеты, направленное издателем совместно с сыном Рефатом Гаспринским в апреле 1911 г. [1].

Идея крымскотатарского периодического издания, ориентированного на детскую аудиторию была сформирована у И. Гаспринского еще в конце XIX столетия. В листке «Мектеб» (Школа), выходявшем приложением к «Терджиман»у издатель реализовал свои педагогические стремления. Потребность эпохи и последующий активный рост прессы позволили И. Гаспринскому более полно воплотить свои идеи в детском приложении «Алем-и субьян». Это было общеразвивающее издание столь необходимое крымскотатарскому социуму в начале XX века. Оно выполняло информационную, просветительскую, воспитательную, образовательную, рекреативную, коммуникативную, рекламно-справочную функции, способствовало социализации личности. Издание стало отправной точкой в истории крымскотатарской детской прессы и заложило основы его дальнейшего развития.

Список литературы

1. ГАРК, ф. 26, оп. 3, л. 467, л. 1-2.
2. Ганкевич В.Ю. К истории создания периодических изданий на крымскотатарском языке // Культура народов Причерноморья. – 1997. – № 1. – С. 43.
3. Ганкевич В.Ю. На службе правде и просвещению. – Симферополь: Доля, 2000. – 122 с.
4. Керимов И.А. XIX асырнынъ сонъу XX асырнынъ башында къырымтатар бедий сезюнинъ эврими. Монография. – Симферополь, 1998. – 184 с.
5. Меметова Л.А. Литературно-художественный процесс на страницах «Алем-и субьян» («Детский мир») // Язык и текст. – Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2019. – № 1 – С. 22-28.
6. Меметова Л.А. Аксиологический аспект журнала «Детский мир» // Сборник тезисов. IV бахчисарайских научных чтений памяти И. Гаспринского «Исмаил Гаспринский и мусульманский мир России». – Бахчисарай: ГБУ РК БИКАМЗ, 2019. – № – С. 25-26.
7. Меметова Л.А. «Алем-и субьян» – балалар ичюн ильк къырымтатар деврий нешири // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма. – Симферополь: ИП Бражников Д. А., 2018. – № 2 – С. 97-102.
8. Периодические издания личной библиотеки исмаила гаспринского в собрании Бахчисарайского музея-заповедника. Каталог/ Авторы-сост. Сеитмеметова С.А., Абибуллаева Э.Э. – Симферополь: ООО «Издательство «Доля», 2015. 176 с.
9. РГИА, ф. 776, оп. 12, 1880, д.1, л. 1 (об.).
10. Селимова Л. Къырымтатар миллий матбуаты тарихына бир назар. – Симферополь, 2008. – 124 с.
11. Юксель Г. Крымскотатарская пресса конца 1910-х – начала 1930-х годов: организационно-функциональный и идейно-содержательный аспекты. – Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2014. – 170 с.
12. Яблоновська Н.В. Этнічна преса Криму: історія та сучасність. – Сімферополь: Кримське навчально-педагогічне державне видавництво, 2006. – 312 с.
13. Яблоновская Н.В. Возникновение и развитие крымскотатарских СМИ для детей // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – Том 26 (65). – № 3 – С.135-142.
14. Akpınar Y. İsmail Gaspralı'nın Yayımladığı Âlem-i Sıbyan Adlı Çocuk Dergisi // Türk Halkları Edebiyatı (II) Beynəlxalq Uşaq Edebiyatı Konqresi materiallar. 1. Kitap. – Qafqaz Universiteti, 2008. – s. 453-458.
15. Akyüz Y. Türk Eğitim Tarihi. – Atatürk Üniversitesi Eğitim Bilimleri Fakültesi Yayınları: Ankara, 1985. – 462 s.

10.01.10

Л.Р. Насыйхова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций,
кафедра национальных и глобальных медиа,
Казань, lgaile@bk.ru

ПИСЬМО КАК ЖАНР ВОЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКИХ ГАЗЕТ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

В данной статье предпринимается попытка анализа жанра письма татарской газеты периода Великой Отечественной войны на примере газет «Ватан өчен» («За Родину»), «Кызыл Татарстан» («Красный Татарстан»), «Сталин сугышчысы» («Сталинский воин»), «Фронт правдасы» («Фронтовая правда»). В фронтовых письмах повествовалось о жизни людей на фронте, об их чувствах и духовных переживаниях, об их отношении к различным фактам войны.

Ключевые слова: эпистолярный жанр, военная публицистика, Великая Отечественная война, фронтовое письмо.

Особое место в публицистике военного периода, как известно, занимает эпистолярный жанр – письмо. В годы тяжких испытаний Красная Армия «тысячами зримых и незримых нитей была связана с народом, и в этом был могучий источник ее силы. Партия делала все, чтобы эти связи постоянно расширились и укрепились, чтобы воины знали дела, думы и чаяния народа, повседневно чувствовали его моральную поддержку» [1]. Важную роль в этом деле играла переписка фронта и тыла. Печать же республики стала в этой благородной деятельности не только коллективным пропагандистом и коллективным агитатором, но и коллективным организатором. Только за годы войны на страницах газеты «Кызыл Татарстан», например, опубликованы более 1,5 тысяч писем фронтовиков и тружеников тыла.

В годы Великой Отечественной войны большое распространение получило составление и публикация коллективных посланий «трудящихся тыла» на фронт и коллективных писем от имени командиров и бойцов различных частей и подразделений Красной Армии жителям республик, городов, районов. Работники тыла рапортовали о своих производственных достижениях, обязывались работать еще лучше и призывали фронтовиков «крепче бить врага». Бойцы и командиры, в свою очередь, благодарили трудящихся, призывали повышать производительность труда, чтобы приблизить победу, обязывались с честью выполнить воинский долг. Эти письма – огромный фактор всенародной поддержки воинов, которые доносили до них чувства горячей любви, бесконечной преданности советских людей в тылу своим защитникам.

5 марта 1943 г. «Письмо» под заголовком «Письмо татарского народа фронтовикам-татарам» было опубликовано в «Правде» [6] и «Известиях» [7], 6 марта – в республиканских газетах «Кызыл Татарстан» (под заголовком «Фронтовик татарларга татар халкыннан сәлам хат») [8] и «Красная Татария», затем – во фронтовых газетах. «Письмо» было зачитано и по радио. Русский текст читал Ю. Левитан, татарский – Х. Ярми. «Письмо татарского народа фронтовикам-татарам» стало сконцентрированным выражением чувств народа, его ненависти к врагу. Пламенные строки этого обращения народа к своим верным сынам – фронтовикам проникнуты верной, неиссякаемой любовью к Родине, непоколебимой уверенностью в победе над врагом.

Обнародование «Письма татарского народа фронтовикам-татарам» вызвало большой патриотический подъем среди солдат и офицеров. Отвечали на него своими письмами воины целых фронтов и воинских подразделений.

Следует отметить то, что текст «Письма» написан, основываясь на реальные факты: «Немцы хотят истребить все свободные народы Советского Союза и в том числе татарский народ. Ворвавшиеся в одну деревню Сталинградской области, немецкие кровопийцы замучили насмерть младшего сына татарки Фатимы Гимадиевой, четырехлетнего Марата. Они неторопливо с хищническим наслаждением отрубили ему один за другим все пальцы» [8].

По сведениям А.А. Шамова, авторами «Письма татарскому народу от татар-бойцов Первого Украинского фронта» [9] были сотрудники редакции газеты I Украинского фронта «Ватан намусы өчен» («За честь Родины») – татарские литераторы Р. Ишмурат, Г. Хузи, М. Садри и У. Бакир. Автором «Ответного письма народу Татарстана от бойцов Первого Прибалтийского фронта» [2] был писатель-фронтовик А. Шамов. «Письмо татарскому народу от татар-бойцов Второго Белорусского фронта» было составлено поэтом-фронтовиком Ш.Мударрисом [3]. Авторство «Ответного письма татарскому народу от бойцов и командиров-татар Ленинградского фронта» не установлено [5]. Содержание этих писем в целом схоже: описываются примеры героизма воинов-татар и вообще уроженцев Татарстана, воюющих на этом фронте, благодарность труженикам тыла за помощь фронту и призыв еще усерднее трудиться во имя победы. При этом воины обязуются еще лучше бить врага.

«Письмо татарскому народу от татар-бойцов Второго Белорусского фронта» составлено в стиле традиционного татарского баита (стихотворного сказания). Этот документ увидел свет в виде листовки в феврале 1945 г. Очевидно, она была издана во фронтовой типографии и предназначалась для раздачи бойцам.

Опытные публицисты нередко придают своим корреспонденциям и статьям форму письма, стремясь усилить их воздействие на читателей. Строки «Письма», как огненное пламя, доходят до сердца и ума которого призывают к беспощадной мести. Что характерно, написаны эти строки по фактическим материалам: «Немцев бей так, как бьют их воины моего отделения: Маклаков, Ларин или Окунев! Когда они стоят на посту, никогда ни один немец не пройдет. Они не снайперы, все же за очень короткий срок Маклаков убил 6 фашистов, Ларин – 1, Окунев – 3. Каждый воин должен поставить перед собой задачу уничтожить хоть одного немца» [8].

Что касается стилистических особенностей текста письма, он весьма богат на пословицы, которые призывают фронтовиков-татар к героизму: «Красна битва храбрым джигитом», – говорили в старину. Таков наш джигит-земляк – Герой Советского Союза Ильдар Маннанов... [8] и др.

В «Письме» агитируется дружба народов СССР: «Татарские джигиты, идущие в атаку рука об руку, плечом к плечу, сердцем к сердцу с сыновьями всех борющихся за свободу советских народов!» Засвидетельствовано также функционирование обращений на исторические факты: «Ярость татарского народа немцы испытали на своей спине и во время Семилетней войны двести лет назад, когда предки наши служили в русской армии, прославились своими подвигами на весь мир и, разгромив орды прусского короля хвастуна Фридриха II, вступили в Берлин» [8].

В письме так же упомянуты известные личности русского и татарского народов: «Ты родился и вырос на Волге, где жил наш гениальный учитель Ленин; откуда вышел великий писатель Максим Горький; на Волге, которая вырастила таких пламенных революционеров, как Свердлов, Молотов, Киров, Бауман, вдохновляла богатую фантазию художника Шишкина и была колыбелью Хусаина Ямашева, Мулланура Вахитова, Каюма Насыри, Габдуллы Тукая, Галиаскара Камала, Фатиха Амирхана и Шарифа Камала» [8].

Из воспоминаний Ризы Ишмуратова: «Из всех публикаций газеты особенно запомнилось «Письмо от татарского народа» [2]. Полтора миллиона матерей, дедов, отцов подписали это письмо, обращаясь к воинам-татарам. Мы начали кампанию с призывом: «Как ты, воин, выполнил наказ своего народа?». ...Мы вдвоем с Гали Хужи ... написали ответное письмо к татарскому народу. Это было в 1944 году... Народ читал, и многие плакали. В ответ люди отдавали фронту последний хлеб. А это было особенно трудно, ведь в тылу, наверное, больше голодали, чем на фронте...» [2].

В военных газетах не редко печатались письма воинов своим однополчанам, находившихся в госпитале. Солдаты, находившиеся на лечении после боевых ранений, также посылали письма на фронт. В своих статьях в форме письма корреспонденты передали именно те чувства, которые переживали эти солдаты. Раненые солдаты просили отомстить за себя. Солдаты с фронта желали им скорейшего выздоровления и присоединения в их ряды. (Ш.Мударрис «Хатка жавап» / «Ответ на письмо»).

Также имеются публикации, в которых часть материала занимает письмо фронтовика домой, либо письмо от родственников из тыла. Такие публикации укрепляли связь между фронтом и тылом. В письмах из тыла автор старался доказать то, что в родном селе, родном городе народ живет хорошо и в достатке. Воспоминания из прошлого, связанные с родной землей поднимали патриотический дух солдат: «Не думай, что мы плохо живем. На днях мы как аванс получили по одному килограмму пшеницы. У нас на троих есть 374 труддня. За них получили 23 пуда хлеба... Я воюю именно за родной колхоз, родную деревню, за Татарстан, за родину мою» [10].

Таким образом, письма на страницах военных газет помогают поддерживать связь тыла с фронтом, служат для поддержания патриотического духа солдат.

Список литературы

1. Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне. – Казань, 1977. – с. 33.
2. Ишмурат Р. Письма татарскому народу от татар-бойцов Первого Украинского фронта / Р.Ишмурат, Г.Хузи, М.Садри, У.Бакир. – Фронт правдасы. – 17 апреля, 1943 г.
3. Мударрис Ш. Письмо татарскому народу от татар-бойцов Второго Белорусского фронта // Ватан өчен. – 9 октября, 1942 г.
4. Мухтияров Г. Немецны бетер! // Фронт правдасы. – 17 апреля, 1943 г.
5. Ответное письмо татарскому народу от бойцов и командиров-татар Ленинградского фронта // Сталин сугышчысы. – 2 августа, 1945 г.
6. Письмо татарского народа фронтовикам-татарам. – Правда. – 1943. – 5 марта.
7. Письмо татарского народа фронтовикам-татарам. – Известия. – 1943. – 5 марта.
8. Фронтвик татарларга татар халкыннан сәлам хат. – 1943. – 6 март.
9. Шамов А. Ответное письмо народу Татарстана от бойцов Первого Прибалтийского фронта // Кызыл Татарстан (Красный Татарстан). – 6 февраля, 1943 г.
10. Шарафи М. За нас не переживай, сынок // Кызыл Татарстан. – 29 сентября, 1943 г.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

10.02.01

**О.А. Астафьева канд. филол. наук, А.В. Блохин канд. филол. наук,
Т.А. Колоскова канд. филол. наук**

ГОУ ВО МО «Государственный Гуманитарно-технологический университет (ГГТУ)»,
филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Орехово-Зуево, olga.astafeva.71@mail.ru, koloskova_tak@mail.ru, avb6767@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КАЛАМБУРНЫХ ЗАГОЛОВКОВ

Данная статья посвящена структурно-семантическому исследованию газетных каламбурных заголовков. В работе рассматриваются особенности создания каламбурного заголовка. Авторами делается вывод о том, что для создания выразительности, иронической экспрессии в состав заголовка нередко включаются каламбурные структуры, созданные лексическими средствами (контаминацией паронимов, омонимов, многозначных слов).

Ключевые слова: *каламбур, заголовок, лексические средства, пароним, омоним, контаминация.*

Для газетной статьи важен заголовок, поскольку своей сжатой информацией и авторской оценкой он ориентирует читателя на содержание материала. Заголовок должен быть рекламным, мотивационным и информационным, чтобы удержать внимание читателя. Газетный заголовок всегда интересен для исследователей языка, его рассматривали в психологическом и структурном аспектах И.Р. Гальперин, А.Н. Зеленов, Э.А. Лазарева, А.А. Лютая, В.З. Санников, А.А. Сафонов, Г.В. Степанов, Н.В. Шевченко и другие. [4, с.3]

Читателя привлекает «яркий» заголовок, имеющий необычное языковое оформление, необычное содержание и необычную форму. Поэтому для создания выразительности, экспрессии в состав заголовка нередко авторы включают каламбурные структуры.

Каламбур мы рассматриваем как особую фигуру речи, направленную на достижение комического эффекта, как «стилистический оборот речи или миниатюра определённого автора, основанные на комическом использовании одинакового звучания слов, имеющих разное значение, или сходно звучащих слов или групп слов, либо разных значений одного и того же слова и словосочетания». [1, с. 294]

Для создания каламбурного заголовка авторы используют лексические средства (омонимы, паронимы, фразеологические обороты, окказиональные слова, аллюзии, контаминации, парадоксы). Мы проанализировали 100 газетных заголовков, извлечённых из таких периодических изданий, как «Московский комсомолец», «Московская правда», «Российская газета», «Учительская газета» за 2019 и 2020 годы и обнаружили следующие языковые трансформации.

Одним из самых распространённых приемов создания каламбурного заголовка является использование паронимии, при этом один узуальный пароним заменяется на другой узуальный пароним. Так, например, возникли заголовки: на основе замены узуальных паронимов «крыса//крыша» создан заголовок «Крыса дома твоего» (РГ, 17 января 2019г.). Статья о том, что несёт нам год крысы по восточному календарю.

«Мамина точка» (МК, 6 октября 2019г.). (языковая игра строится на замене «дочка//точка») Заметка рассказывает про девушку, выселившую родную мать из квартиры на лавочку подъезда, которая теперь стала «точкой» её размещения.

«Какие наши роды» (МК, 5 октября 2019г.) Автор использовал замену «годы//роды». Статья о том, что рождаемость в столичном регионе наконец-то превысила смертность. По словам врачей, в ближайшем будущем демографическая ситуация будет и дальше улучшаться.

В пределах одного заголовка наблюдается столкновение двух узуальных паронимов. Например:

«Волейбол и валидол» (РГ, 17 января 2019г.) В статье рассказывается о том, с каким трудом сборная России по волейболу завоевала золотую медаль.

«Италия не портит талию» (МК, 14 марта 2019г.) Заметка о лёгкой пище итальянской кухни.

«Трость в руках и кость в зубах» (МК, 17 августа 2019г.) Статья о том, как помогают слабовидящим людям собаки-поводыри.

Реже, по нашим данным, авторы публикаций обращаются к созданию окказиональных паронимов. Так, например, каламбур возникает за счет замены буквы. Ср.: «Мэртовский денёк» (РГ, 31 марта 2019г.) Заметка о первом приёме московских граждан главы Минэкономразвития. Так как встреча с горожанами состоялась в марте, то в качестве основы для каламбура было выбрано словосочетание мартовский денёк.

Встречаются заголовки, где окказиональный пароним образован с помощью замены корней. Ср.: «Небосклеп» (МК, 21 августа 2019г.) (небоскрёб //небосклеп). Статья рассказывает о пожарах московских небоскребов, которые нередко заканчиваются гибелью людей. Таким образом, высотные здания, действительно, для кого-то оказываются «склепом».

Также для создания языковой игры газетчики обращаются к графическим окказионализмам.

Ср.: «Forbes – мажорная ситуация» (МК, 12 марта 2019г.); «ReVOLVOlution» (МК, 18 февраля 2019г.); «У Булановой жизнь наВладилась» (МК, 19 апреля 2019г.).

Для создания каламбура в газетном заголовке журналисты используют и игру созвучий, опирающуюся на омонимию. В собранном нами материале таких примеров не очень много. Следует отметить, что авторы статей в одинаковой степени употребляют простые (состоящие из одного слова) и составные (состоящие из двух и более слов) омонимы. Например:

«Российский спорт нуждается в уходе» (МК, 2 марта 2019г.) В сознании читателя при первоначальном восприятии такого заголовка сталкиваются значения двух слов: слово «уход» со значением «идя, удаляться, покидать какое-нибудь место» и слово «уход» со значением «заботиться о ком-чём-нибудь, оказывать помощь, услуги. Естественно, такая неординарная ситуация заставит адресата прочитать публикацию, чтобы разобраться, о чём же всё-таки данный заголовок на самом деле сигнализирует.

«С дачи – не надо» (МК 11 июля 2019г.) Здесь, как и в предыдущем случае, используется составной омофон. Существительное «сдача» заменено на созвучное сочетание существительного с предлогом «с дачи». Как и в первых двух примерах без обращения непосредственно к содержанию статьи смысл данного заглавия не понятен. В тексте же публикации говорится о том, что теперь российской армии при «использовании солдат не по назначению», командира могут уволить или даже посадить в тюрьму.

«Мил ли он за миллион» (МК 6 марта 2019г.) Автор этого заголовка создаёт каламбур за счёт столкновения в одном контексте составного и простого омонимов, абсолютно тождественных в произношении, то есть омофонов.

Игра смыслами, ассоциациями, наслонения коннотаций возникают и тогда, когда в каламбурном заголовке фигурирует полисемант. Ср.: «Любовь взахлёб» (МК, 13 августа 2019г.) Наречие «взахлёб» по толковому словарю С.И. Ожегова обладает значением «торопливо, как бы захлёбываясь». В связи с «начинкой» статьи его семантика меняется. В публикации освещается трагичный случай: в одном из московских озёр нашли машину с утонувшей, захлебнувшейся в ней молодой парой.

Количественное соотношение использования омонимов и многозначных слов почти одинаковое: 8 и 7 из 100 проанализированных заголовков соответственно.

Также каламбурные заголовки создаются на основе видоизменения известных библейских выражений, пословиц, поговорок, названий художественных произведений, фильмов, картин, праздников. Ср.: «*Не налогом единым*» (РГ, 27 февраля 2019г.) Контаминация в библейском выражении «Не хлебом единым». Автор статьи говорит о том, что российская экономика должна переходить на инновационные рельсы и не только за счёт изменения налогового законодательства, но и с помощью внедрения энергосберегающих технологий.

«*Рецепт детского питания*» (МК, 29 ноября 2019 г.)

В данном случае мы сталкиваемся с «переделкой» речевого штампа «рецепт детского питания». Статья рассказывает об издевательствах отца над маленьким сыном. В данном случае юмор, ирония, конечно, не уместны, но ради привлечения внимания журналист и при освещении такого страшного случая прибегает к созданию каламбура.

«*Кому в «Руси» жить хорошо*» (МК, 12 октября 2019г.)

Базой для создания каламбура в этом заголовке является название поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?». Произошла замена предлога: на // в, да и слово «Русь» претерпело переосмысление, в данном случае это не название нашей страны в прошлом. В статье речь идёт о том, что жизнь «больших» людей в национальном парке и загородной резиденции президента «РУСЬ» похожа на сплошное удовольствие, а жизнь «маленьких» – скована сплошными запретами. Иное значение существительного потребовало замены предлога.

«*Выиграл дело – лети смело*» (МК, 13 октября 2019г.)

Трансформирована пословица «Сделал дело – гуляй смело». В публикации говорится о том, что теперь авиакомпании обязаны восстанавливать потерянные билеты по требованию пассажиров, в противном случае клиент может обратиться в суд.

Если говорить о количественных данных, то из 100 газетных заголовков зафиксировано 65 случаев трансформации фразеологизмов, крылатых выражений и речевых штампов; 15 контекстов, содержащих трансформации названий художественных произведений, кинофильмов, картин и праздников; в 12-ти случаях видоизменению подвергались строки из песен, стихотворений, прозаических произведений и только в 8-ми преобразовывались пословицы и поговорки.

Большинство заголовков (68 единиц) построено на использовании возможностей паронимии; 8 – основе омонимии; в 7 заголовках отмечается игра многозначностью слов; 5 заглавий представляют собой антифразис.

Таким образом, при создании каламбурных заголовков авторы широко используют лексико-семантические возможности языка, актуализируют паронимы, омонимы, многозначные слова, антонимы. Благодаря этому, возникает иронический подтекст, который и «притягивает» читателя.

Список литературы

1. Зеленов А.Н. О каламбурном использовании фразеологизмов. // Вопросы семантики фразеологических единиц. Ч. 1. - Новгород. - 1971. - 377с. -С.294 -298.
2. Кромптон А. Мастерская рекламного текста. – М.: Довгань, 1998. - 221 с.
3. Кузнецова А.В. Каламбур в газетном тексте // Русский язык, 2000. - № 24.-С. 56-63.
4. Лазарева Э.А. Заголовки в газете.– Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 94 с.
5. Лютая А.А. Современный газетный заголовок: структура, семантика, прагматика. – Волгоград, 2008.- 20 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка -М.: Аз, 1996.-928с.

10.02.01

¹Н.А. Бурмакина канд. филол. наук, ²Н.Н. Кононенко,
³О.А. Остыловская канд. педагог. наук

¹Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого,
кафедра латинского и иностранных языков,

²Красноярский государственный педагогический факультет им. В.П. Астафьева,
кафедра общего языкознания,

³Сибирский федеральный университет,
кафедра современных образовательных технологий,
nata-burmakina@yandex.ru, vitally_k@mail.ru, oksana14@inbox.ru

ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ «ВРЕМЯ» В ПОВЕСТИ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ «ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ» И В КНИГЕ Н. ЩЕРБЫ «ЧАСОДЕИ»

Авторы статьи проводят филологический анализ категории «Время», которая отражает замысел создателя фантастического художественного текста. Для анализа выбраны повесть братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» и книги Натальи Щербы «Часодеи». Исследование ориентировано на идеи А.В. Бондарко, Г.А. Меновицкова, М.В. Всеволодовой, С.А. Чугуновой о темпоральности и классификации временной лексики.

Ключевые слова: филологический анализ текста, функционально-семантическая категория, стилистика художественного текста, категория времени, языковая категория.

Лингвистическая наука рассматривает время как языковую функционально-семантическую категорию, в которую укладывается вся совокупность способов выражения времени в языке [1]. Грамматическое время может быть абсолютным, относительным, метрическим, дейктическим и недейктическим, грамматического вида и способа глагольного действия [4]. Лингвистика в целом принимает ставшую тривиальной физико-философскую модель объективного времени, однако системные отношения в языке и речи не сводимы к последовательной модели: темпоральная линия речи преобразуется в синтагматическом ряду в «дерево зависимостей» [4]. Языковая категория времени называется понятийной потому, что смысловые компоненты общего характера свойственны не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемым в естественном языке разнообразными средствами [2, с. 8, 46, 192].

Подлинная сущность времени может быть постигнута лишь в результате анализа сложнейших отношений между присутствием человека в мире и пониманием сути его бытия. Отношения между физическим временем и временем литературного произведения сложны и многообразны.

Выбранные для анализа произведения отражают ценность «Время» как категорию, ответственную за человеческое восприятие, следовательно, направляющую внимание человека, его органы чувств на объекты внешнего и внутреннего мира и тем самым создающую уникальный индивидуальный мир каждого человека. *Время* как языковая категория отражает авторский замысел. Оригинальное смешение жанров, множество разнообразных персонажей, богатство тем в сказке братьев Стругацких объединяются главными ключевыми словами – *человек разумный*, человек, вступивший в особые отношения с миром благодаря накопленным знаниям, *человек-труженик*, смысл жизни которого – в постоянном стремлении к непознанному. Чтобы подчеркнуть переход количества знаний в новое качество отношений с миром, авторы используют глаголы

прошлого времени значительно чаще, чем глаголы настоящего или будущего времени: *был* – 618, *есть* – 124, *будет* – 76; *сказал* – 761, *скажу* – 2, *говорил* – 55, *говорю* – 25; *думал* – 53, *подумал* – 39, *думать* – 11. Само слово *время* авторы используют 102 раза, *некоторое время* – 35 раз, но *будущее* встречается только 13 раз.

Любимое авторами слово «сказал» звучит как указ, наказ для читателей. Весь самый сложный многоплановый сюжет слоями нанизан на ось *времени*, которую держит главный персонаж, олицетворяющий само Время, Янус Полуэктович Невструев, директор института Волшебства и Магии [3]. Имя, статус и поведение которого отсылают нас к величественному божеству древнеримской мифологии. Двуликий Янус – это воплощение хаоса, есть начало и конец всего сущего, он источник, из которого появился упорядоченный мир, он является выражением единства противоположностей и олицетворением всеохватности, он властвует над всеми сферами бытия. Бог дверей, входа и выхода, давший людям огонь, ремесла и календарь. С Янусом связывают Великие времена Золотого века в истории.

Удивительное название произведения Стругацких, ставшее популярным фразеологизмом, служит осью, удерживающей тему времени на протяжении всего повествования. Оно демонстрирует «загадочную» природу времени, которое, с одной стороны, наполняет все сферы нашей жизни, а с другой – не имеет четкого определения. Здесь указаны сразу два календарных обозначения, связанные неоднозначностью отсчета и направленности течения времени.

Книги Н. Щербы называются – «Часодеи». Часодеи – это создающие время. Семантика этого понятия, вероятно, строится по аналогии со словом «чародей». Автор соединяет в неологизме [час-о-дей] ключевые понятия времени: час и действие. Вся «метафорическая» методология постижения времени в книгах Н. Щербы построена, помимо самой лексемы «время», на ключевом слове «час». В тексте это слово звучит 823 раза, входя в состав знакомых слов – *сейчас*, – *счастье*, – *часть*, а также в «метафорические» авторские – *часование*, – *часодействие*, в которые автор вкладывает понятие «конкретизации вероятности события» путем формулировки намерения и одновременной концентрации воли для достижения желаемого состояния, результата. «Часование» предполагает возможность выбора масштаба пространства, изменение плотности пространства, через что и раскрываются основные функции времени, то есть функции последовательности и длительности.

Несмотря на единообразие выразительных средств, в тексте произведения прослеживается целостность структуры постижения категории времени, отдельные уровни которой отражены лексически в качестве представленных неологизмов: *часовщик*, *часодей*, *часовые школы*, *часовые*, *часовые листы*, *часовые стрелы*, *эферы*, *часования*, *часовые поля*, *старочасы*.

Наталия Щерба говорит о *Времени* детям. Можно не знать законов физики, но нельзя не ощущать их действия. *Время* приходит в нашу жизнь всеми формами существования материи, доступными органам чувств. В первую очередь, это звуки и краски, поэтому в тексте Н. Щербы события расцвечены и «сказочны». Но в этой сказочности гораздо больше реальности и актуальности, чем мифичности, так как темы, которые постигают дети в часовых школах называются, к примеру: *временной тоннель* и *временная петля*, *вероятность событий* и *безвременье*, *материализация* и *дематериализация*. Необходимо научиться понимать язык и законы *времени*, научиться сотрудничать со временем, то есть научиться управлять своим вниманием. Основную единицу измерения земного времени – час – автор в своей книге делает ключом к постижению природы *времени*. Часование, часодействие – есть умение формулировать желания, концентрируя внимание и волю. «*Не существует единственного для всех будущего. Их много и каждый ваш поступок творит какое-нибудь из них...*», – той фразой заканчивается повесть Стругацких и начинаются «Часодеи» [5].

«Понедельник начинается в субботу» и «Часодеи», относящиеся к одному жанру (фантастике) и тематике (посвящены теме «*Время*»), неоднократно пересекаются в сфере

освещаемых проблем. Это выбор наиболее эффективных стратегий мышления, сценариев будущего и ценностных ориентиров, положенных в их основу, а также констатация неоднозначности многих привычных нам явлений. Тем не менее, выбранные произведения выглядят совершенно по-разному. Это происходит в силу ряда причин: разная художественно-стилистическая направленность, различная читательская аудитория и *время* написания, обуславливающие особенности создания и, соответственно, восприятия произведений. Книги не рождаются в вакууме. При анализе художественных произведений необходимо учитывать, что писатель сам сильно зависим от *времени* (часто от цензуры) как от современной ему действительности. Мечты Стругацких о том, «что через десять-пятнадцать лет любой школьник будет лучше разбираться в теории относительности, чем современный специалист... и... для этого совершенно не нужно понимать, как происходит искривление пространства-времени, нужно только чтобы такое представление с детства вошло в быт и стало привычным» [3, с. 105], сегодня в жизнь воплощает Наталия Щерба, рассказывая детям, что «в мире всё подчинено Времени. Время — это сила, уравнивающая добро и зло, хранитель гармонии и порядка...» [5] и обозначая тем самым основной замысел и пафос обоих произведений.

Список литературы

1. Галкина Т.Г. Психолингвистическое обоснование методологии исследования образов авторского сознания в художественном тексте: на материале прозы В.В. Набокова: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Галкина Татьяна Геннадьевна; [Место защиты: Алт. гос. ун-т]. Барнаул, 2008. — 18 с.
2. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособ. для учителя — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1985. — 399 с.
3. Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу: Сказка для научных работников младшего возраста / предисл. авторов; худож. Е. Мигунов. — М.: Детская литература, 1965. — 224 с., ил.
4. Чугунова С.А. Концептуализация времени: «Поворот к телу»// Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. No 3 (23). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docplayer.ru/68595883-Konceptualizaciya-vremeni-povorot-k-telu-2012-s-a-chugunova.html> (дата обращения: 30.05.2020).
5. Щерба Н.В. Часодеи: в 5 тт. // Часодеи: [сайт] URL: <https://web.archive.org/web/20160714055040/http://www.chasodei.ru/> (дата обращения: 30.05.2020).

10.02.01

Р.С. Бытотова канд. педагог. наук, И.Д. Дамбыра канд. филол. наук

Тувинский государственный университет,
филологический факультет, кафедра русского языка и литературы,
Кызыл, brs62@yandex.ru, oduchpa@mail.ru

РУССКИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ И ИХ ВОЗМОЖНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются языковые значения русских неопределенных местоимений в качестве микросистем со своим функционально-семантическим полем, определяются их возможные соответствия в тувинском языке через призму их лексикографической характеристики в толковых словарях русского и тувинского языков.

Ключевые слова: *русский язык, тувинский язык, функционально-семантический разряд, неопределенные местоимения, языковое значение, соответствие.*

Теоретико-методологические предпосылки исследования в отношении русских и тувинских местоимений, позволяющие рассматривать соотношение их языковых значений как арсенала смысловых абстракций, заключенных в языке в целом, актуальность темы исследования, комплексное использование методов исследования, основная цель, значимость и перспективы исследования обозначены в предшествующих наших работах [2; 3].

Основная цель данного этапа работы – рассмотреть языковые значения русских неопределенных местоимений и возможные средства их выражения в тувинском языке.

Русские неопределенные местоимения – один из функционально-семантических разрядов, который означая (как и другие местоимения) смыслы, восходящие к глобальным понятиям материального и духовного мира, демонстрируют реально существующие ступени и структуру человеческого познания: «знаю» – «знаю неполно или не до конца, не уверен в своем знании» [6].

В данной статье рассматриваются русские неопределенные местоимения кто-то, кто-нибудь, кто-либо, что-то, некто, что-либо, что-нибудь, кое-кто, кое-что, какой-то, какой-нибудь, чей-либо, кое-какой, некоторый, некий.

Местоимение кто-то [1] употребляется в языковых значениях «неизвестно какой человек; некто», «какой-л. человек, безразлично кто; кто-нибудь». Это же значение выражают местоимения кто-нибудь [1] и кто-либо [1]: Языковые значения местоимения кто-то (кто-нибудь и кто-либо) в тувинском языке выражает слово бир в сочетании с существительным кижи ‘человек’ и неопределенное местоимение бир-ле [4; 5]: Кто-то тебе звонил утром. – ‘Бо эртен сенче бир кижиги долган турду’. Кто-то должен взять на себя ответственность. – ‘Бир-ле (кайы-бир) кижиги харысаалганы бодунга алыр ужурлуг’.

Местоимение что-то [1] выражает языковое значение «некий предмет, некое явление и т.п.; нечто». Данное значение в тувинском языке выражает неопределенное местоимение бир-ле [4; 5]: Он хотел сказать что-то важное. – ‘Ол бир-ле чугула чуулду чугаалааксады (чугаалаар деп турду)’. В супе чего-то не хватает. – ‘Мүннүң бир-ле чувези четпес’.

Местоимение некто [1] выражает языковое значение «некий человек, кто-то». Данное значение в тувинском языке выражает неопределенное местоимение бир-ле [4; 5]: На митинге выступал некто из администрации. – ‘Хуралга бир-ле чагырга төлээзи сөс ап турган’. Языковое значение местоимения некто в сочетании с фамилией, именем, когда говорится о мало кому известном человеке, не находит своего соответствия в ряду тувинских неопределенных местоимений: Статью написала некто Иванова. – ‘Ук чуулду Иванова дээр кижиги бижээн’ (букв. Статью написал человек по фамилии Иванова).

Местоимение нечто [1] выражает языковые значения «некий предмет, явление, событие и т.п.; что-то», «кое-что имеющее некоторое значение». Эти значения в тувинском языке выражает неопределенное местоимение бир-ле: Случилось нечто странное – ‘Бир-ле чиктиг чуул

(чүве) болган'. Должны нечто сообщить вам. – 'Силерге бир-ле чүүлду дыңнадыр ужурлуг'.

Местоимения что-либо [1] и что-нибудь [1] в соответствии с лексикографическим источником практически равнозначны. Они выражают языковое значение «какой-либо, безразлично какой предмет, явление и т.п.; дело, занятие». В тувинском языке данное значение выражает слово бир в сочетании с существительным и неопределенное местоимение бир-ле: Скажи что-либо, что ты молчишь? – 'Чүге ыттавайн тур сен, бир чүведен чугаалап көрөм'. Всегда что-нибудь забывает! – 'Кезээде бир-ле чүүлду уттуп алыр'. Языковому значению, выражаемому неопределенным местоимением в предложениях типа «Не могу сообщить чего-либо утешительного», в тувинском языке могут соответствовать предложения со значением, выражаемым определительно-отрицательным местоимением чүнү-даа [4; 5]: – 'Оожургадаыптар хире чүнү-даа дамчыдып шыдавас-дыр мен'. Значения «некий предмет, явление, особенность и т.п.; нечто», «небольшое количество, сумма чего-л. сверх данного, сколько-то денег» не находят в своем выражении соответствия в ряду тувинских неопределенных местоимений: Людей одинаковых нет, каждый имеет что-нибудь своё. – 'Дөмей улустар турбас, кижии бүрүзү тускай болур / Дөмей кижии турбас, ылгалдыг боор' (букв. Одинаковых людей нет, каждый человек своеобразен). Мне будут платить что-нибудь? – 'Меңээ төлөп бээр бе? / Төлөвирлиг бе?' (букв. Мне будут платить?)

Языковые значения местоимения кое-кто [1] «некоторые (немногие) люди», «некто (кого не хотят называть)» в тувинском языке могут выражаться словом бир в сочетании с существительным кижи 'человек' и словом чамдык [4; 5] в значении неопределенного местоимения: Кое с кем он уже успел подружиться. – 'Бир кижии-биле өңүктөжипкен хире'. Кое-кому мое предложение не нравится. – 'Мээң саналым чамдык улуска таарышпайн тур / Бир кижиге саналым таарышпас хире'.

Языковые значения местоимения кое-что [1] «нечто, небольшое или некоторые (немногие) вещи», «что-то (какой-л. предмет, факт, который не хотят назвать)» в тувинском языке выражаются неопределенным местоимением бир-ле в сочетании с существительным чүве [4] и словом чамдык в значении неопределенного местоимения: Купить кое-что. – 'Бир-ле чүве садып алыр'. Кое о чём он всё-таки умолчал. – 'Чамдык чүүлдери ол чедир чугаалаван'.

Языковое значение местоимения какой-то [1] «неизвестно, неясно какой» выражается в тувинском языке неопределенным местоимением бир-ле: Какая-то ещё не вполне ясная мысль вызывала его беспокойство. – 'Бир-ле ам-даа тодаргай эвес (тогда билдинмес) бодал ону дүвүредип турган'; языковые значения а) «приближающийся к какому-либо количеству, не превышающий какое-либо количество» (в сочетании со словами, обозначающими количество); б) проявляющиеся при примерном сопоставлении кого-либо, чего-либо по признакам, свойствам или примерном приравнивании кого-либо, чего-либо к кому-либо, чему-либо или в) при назывании каких-либо свойств предмета, лица, вызывающих удивление, недоумение, досаду говорящего; г) «неясно какой; хорошо бы знать, какой» не находят в своем выражении соответствия в ряду тувинских неопределенных местоимений: а) В какие-то две-три минуты узкая улица была запружена демонстрантами. – 'Ийи-уш хире минута дургузунда кызаа кудумчуда демонстрантылар дола берди'; б) Да он и вправду какой-то ненормальный. – 'Ол шынап-ла анаа эвес кижии чорду'; в) Доклад у него какой-то непонятный. – 'Оон дыңнады арай билдинмес чорду'; г) Какой-то вечер сегодня будет? – 'Бо кезээ кандыг болур ирги?'

Местоимение какой-нибудь [1] выражает значение «тот или иной, любой из ряда подобных» (это же значение может передавать и местоимение какой-либо). В тувинском языке данное значение выражается неопределенным местоимением кандыг-бир [4; 5], или может быть не выражено: Спойте нам какой-нибудь романс. – 'Биске кандыг-бир романстан ырлап бээр силер бе? (ырлап бериңерем)'. Этот человек не способен действовать из каких-либо личных побуждений. – 'Бо кижии бодунун хууда сонуггалы-биле шимчээшкиннер кылыр хире эвес'. Языковые значения местоимения какой-нибудь: а) «не стоящий внимания, незначительный, ничтожный»; б) «приближающийся к какому-либо количеству, не превышающий какое-либо количество» (в сочетании со словами, обозначающими

количество) не обнаруживают в тувинском языке специального выражения неопределенными местоимениями: Это был опытный инженер, а не какой-нибудь недавний выпускник вуза. – ‘Ол дээрге чоокта чаа дээди өөрөдилге чери дооскан эвес, а дуржулгалыг инженер-дыр’. На какой-нибудь час покажется солнце. – ‘Хүн чүгле чангыс-ла хире шак дургузунда көстүп келир’.

Местоимение чей-либо [1] выражает языковое значение «чей-нибудь». В тувинском языке оно передается неопределенным местоимением бир-ле: Выполнять чьё-либо указание. – ‘Бир-ле кижиниң дужаалын кууседир’.

Местоимение кое-какой [1] выражает значение «некоторый». В тувинском языке данное значение передается неопределенным местоимением кандыг-бир: Сообщить кое-какие новости. – ‘Кандыг-бир медээлерни дыңнадыр’.

Местоимение некоторый [1] выражает языковые значения «какой-то, точно не определённый», «кое-какой, незначительный», «не все, отдельные» (только мн.). В тувинском языке данные значения передаются словами кезек и чамдык [4; 5] в значении неопределенного местоимения: Некоторое время все молчали. – ‘Кезек үе иштинде шупту ыттавайн турганнар’. У неё был некоторый опыт. – ‘Ол кезек дуржулгалыг турган’. Некоторые мои друзья ушли на пенсию. – ‘Мээң чамдык эштерим пенсияже (хүндүткелдиг дыштанылгаже) үне бердилер’. Языковое значение «в какой-либо степени, несколько» (обычно при желании скрыть истинное положение вещей) не обнаруживает в тувинском языке специального выражения неопределенным местоимением (по нашему наблюдению, могут быть приведены лишь приблизительные по смыслу предложения): Он некоторым образом артист. – ‘Артист хевирлиг кижил ол / Артистерзиг кижил ол’.

Местоимение некий [1] выражает языковое значение «некоторый». В тувинском языке данное значение передается неопределенным местоимением бир-ле: Была в нём некая странность. – ‘Ол кижиде бир-ле чиктиг чүүл (байдал) турган’. Языковое значение «какой-то» в сочетании с фамилией или именем, когда говорится о ком-либо, точно не известном, не находит своего соответствия в ряду тувинских неопределенных местоимений: Спросите некого Иванова. – ‘Иванов дээр кижини айтырыптыңар’.

Рассмотренный нами иллюстративный материал показал, что языковые значения русских неопределенных местоимений могут передаваться в тувинском языке в основном неопределенными местоимениями бир-ле, кандыг-бир, словом бир в сочетании с существительными, словами кезек и чамдык в значении неопределенного местоимения, определительно-отрицательным местоимением чүнү-даа. Иллюстрационный материал исследования также позволил выявить языковые значения, не обнаруживающие в тувинском языке специального выражения в ряду неопределенных местоимений.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. Кузнецов С. А. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1534 с. С.410; 437; 477; 625; 626; 1469; 1484.
2. Бытотова Р.С., Даржаа У.А. К соотношению языковых значений русских и тувинских определительных местоимений. Часть 1. Русские определительно-выделительные местоимения и их возможные соответствия в тувинском языке // Казанская наука. № 11 2018 г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2018. – С. 74-78.
3. Бытотова Р.С., Даржаа У.А. К соотношению языковых значений русских и тувинских определительных местоимений. Часть 2. Русские определительно-обобщительные местоимения и их возможные соответствия в тувинском языке // Казанская наука. № 12 2018 г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2018. – С. 117-120.
4. Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Издательство восточной литературы, 1961. – С. 249-252.
5. Тувинско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1968. 646 с. С. 104; 105; 224; 236; 515; 552.
6. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. – М.: Азбуковник, 1998. 176 с. С. 7.

10.02.01

К.А. Калинин

Московский педагогический государственный университет,
Институт филологии,
кафедра русского языка,
Москва, filologkalinin@mail.com

СТРУКТУРА КОНСТРУКЦИЙ ГРАММАТИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА В ДРЕВНЕРУССКОЙ ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЕ

В работе предложен структурный анализ конструкций грамматического параллелизма. Особенности употребления приёма рассмотрены на материале анализа древнерусской ораторской прозы XI–XVI вв. Результаты исследования представлены в виде структурной классификации. Автор выделяет абсолютный грамматический параллелизм и различные вариации структурного оформления конструкций приёма. Статистический анализ позволяет выделить продуктивность их употребления в изученных текстах древнерусской ораторской прозы.

Ключевые слова: *грамматический параллелизм, древнерусская ораторская проза, структурная классификация.*

Тексты ораторской прозы являются одним из наиболее ярких явлений оригинальной древнерусской книжности. В них традиционные формы и способы выражения мысли сочетаются с приёмами, выработавшимися на русской основе. По замечанию А.М. Камчатнова, «древнерусские проповедники получили в наследие богатый, веками накопленный опыт эпидиктического красноречия, которым они сумели в полной мере воспользоваться» [2, с. 72]. Ораторская проза появилась и развивалась на всём протяжении древнерусского периода. В ней нашли отражение многие процессы, характерные для развития древнерусской словесности. Изучение приёмов организации текстов ораторской прозы позволяет выявить специфику развития способов построения древнерусского текста. К таким ярким явлениям его синтаксического оформления относится употребление грамматического параллелизма.

Целью исследования является описание структурных особенностей употребления конструкций грамматического параллелизма на основе анализа текстов древнерусской ораторской прозы. Для достижения поставленной цели были использованы следующие метод: метод сплошной выборки, метод структурного анализа, метод статистического анализа. Для исследования было выбрано и проанализировано более 50 текстов древнерусской ораторской прозы XI–XVI вв.

Следует отметить, что термин «грамматический параллелизм» ещё не имеет устоявшейся традиции употребления в отечественной филологии. Чаще описываемый приём получает название «синтаксический параллелизм». Однако полагаем, что выбор термина «грамматический параллелизм» представляется уместным, более точно отражающим суть изучаемого приёма. Обычно исследователи дают определение приёма через указание на тождественность или однотипность смежных конструкций текста. Таковы определения О.С. Ахмановой, П.Г. Богатырёва, Е.В. Довгаль, И.Р. Гальперина, А.П. Квятковского, П. Рощина, Л.И. Тимофеева и Н. Венгрова, В.И. Чичерова, Г.Н. Черваковой и др. В качестве примера приведём определение Д.Э. Розенталя: «одинаковое синтаксическое построение (одинаковое расположение сходных членов предложения) соседних предложений или отрезков речи» [3, с. 384].

Такой подход к определению изучаемого приёма, на наш взгляд, не отражает реальной картины его употребления: в конструкциях грамматического параллелизма тождественность структурного оформления часто нарушается, части этих конструкций могут быть изменены. Встречаются как незначительные отклонения от заданной структуры, так и сочетания нескольких вариаций построения частей в одной конструкции грамматического параллелизма. Это, впрочем, не нарушает общего впечатления структурной соотнесённости конструкций, так как они объединяются не только на основе тождественности или однотипности построения, но и скрепляются семантическими отношениями, а также функциональной значимостью для композиционного и идейно-тематического оформления текста [1, с. 98].

Появление различных вариаций в оформлении структуры конструкций грамматического параллелизма обусловлено тем, что текст не представляет строго выверенную систему, которая математически просчитывается автором. Отбор языковых средств и их объединение в текст определяется авторской задачей. Поэтому представляется необходимым описание не только конструкции, представляющей идеальную модель употребления приёма, но и различных вариаций его структуры. Анализ формирования конструкций грамматического параллелизма позволяет выделить следующие структурные разновидности употребления приёма:

I. Абсолютный грамматический параллелизм строится на тождестве грамматических форм и синтаксических функций соотносимых элементов смежных конструкций текста. Эти конструкции являются ядром реализации приёма. Приведём примеры: (1) *ихже ризы свѣтлы* (2) *тѣх рѣчь честна; и сохраняйте свои очи* (1) *от зрѣния неполезного* и (2) *от слышания душевредного*. Наблюдение над текстами показывает, что чаще всего так строятся небольшие фрагменты текста.

II. Вариации структуры грамматического параллелизма представляют частные изменения, связанные чаще всего с авторской задачей уточнения семантики отрывков текста:

1. Вставка элементов в конструкциях грамматического параллелизма позволяет автору дополнить высказывание или восполнить его лексическую неполноту: (1) *по всеи же земли роса*, (2) *по всеи же земли вѣра **простръса**; пастуси мнози* (1) *посмрадиша виноградъ мой* и (2) *оскверниша часть **възделѣнную** мою*. Часто появляются вставочные определения, передающие авторское отношение к описываемым явлениям, или слова, формирующие устойчивые формулы текста.

2. Пропуск в конструкциях грамматического параллелизма объединяет их в единое структурно-семантическое целое, так как часть с пропуском элемента перестаёт быть самостоятельной и её семантика раскрывается лишь в контексте: (1) *Иоан **образ** ветхаго закона*, а (2) *Петр новаго*; (1) *да от Бога **приимеши** мѣзду*, (2) *а от людей похвалу*, (3) *а от него честь*. В большинстве примеров опускается общий элемент для конструкций, чаще всего предикат. Это обуславливает широкое распространение в древнерусской прозе конструкций с эллипсом.

3. Инверсия в конструкциях грамматического параллелизма создаёт экспрессивное оформление текста, что соответствует главной задаче произведений ораторского красноречия. Приведём примеры: (1) *се бо время весело **наста***, (2) *се **приспѣ** день спасения* – широко распространено изменение места предиката (перенос с одного конца конструкции на другой); (1) *всякия доходы своя с **пощадюю збирати*** и (2) *всякие дела **делати милосердно*** – нарушение прямого порядка слов (инверсия предиката и обстоятельства в первой части).

4. Распространение и усечение сочинительного ряда в конструкциях грамматического параллелизма позволяет автору дублировать уже имеющиеся элементы структуры или устранять их во второй части. Это позволяет более точно выразить свою мысль, часто используя синонимы: (1) *лишаемъ не мѣсти* (2) ***ненавидимъ** любо **гонимъ** терпи* (3) *хулимъ моли; родиса* (1) ***благодѣть** и **истина***, а не закон, (2) ***сынъ***, а не рабъ.

III. Периферией употребления приёма является неполный грамматический параллелизм. Он заключается в наличии у смежных частей текста общего структурного элемента. При этом обилие вариаций строения не позволяет строго их систематизировать. Но соотнесённость этих конструкций текста связана с их семантической корреляцией. Так могут быть оформлены достаточно большие фрагменты текста (самый большой пример из «Слова о Законе и Благодати» представляет 34 соотнесённые конструкции). Обычно неполный грамматический параллелизм представляет одну из двух разновидностей:

1. Грамматическая анафора – сходное построение начал смежных конструкций текста: *Авраамъ же (1) текъ съ срѣтение ему, (2) поклонися ему до земль, и (3) приатъ и въ кушту свою.*

2. Грамматическая эпифора – сходное построение окончаний смежных конструкций текста: *тищится (1) всякымъ образом пособити ему и (2) въ пръвое познание истины привести его.*

Всего в проанализированных текстах древнерусской ораторской прозы было выявлено 745 конструкций, основанных на приёме грамматического параллелизма. Статистический анализ позволяет расположить предложенные структурные разновидности конструкций по степени продуктивности их использования в текстах.

Конструкции абсолютного грамматического параллелизма, составляющие ядро употребления приёма, в полученной выборке встречаются 229 раз. Это составляет почти треть всех случаев употребления грамматического параллелизма в проанализированных текстах древнерусской ораторской прозы.

Среди вариаций структуры конструкций грамматического параллелизма наиболее часто встречается вставка элементов (228 примеров полученной выборки). Далее по степени продуктивности выделенные вариации структуры можно расположить следующим образом: пропуски элементов (172 примера); инверсии элементов (124 примера), грамматическая анафора (63 примера), распространение сочинительного ряда (39 примеров), усечение сочинительного ряда (19 примеров), грамматическая эпифора (12 примеров).

Структурный анализ конструкций грамматического параллелизма позволяет выявить разновидности употребления приёма и расширить представления об организации древнерусского текста.

Список литературы

1. Калинин К.А. Грамматический параллелизм как единица текста древнерусской ораторской прозы // Язык как материал словесности: XXII международные научные чтения. – Казань: Бук, 2019. – С. 94–102.
2. Камчатнов А.М. История русского литературного языка (XI – первая половина XIX века). – М.: Академия, 2005. – 688 с.
3. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

Г.С. Абрамова канд. филол. наук, О.А. Титова канд. филол. наук

Московский городской педагогический университет,
Институт иностранных языков,
кафедра методики обучения английскому языку и деловой коммуникации,
Москва, ab.galina@gmail.com, titov-pv@yandex.ru

**О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ
ПОСРЕДСТВОМ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ**

В статье ставится задача проанализировать английские фразеологические антонимы, критерии определения их статуса и признаки антонимичности в рамках выделенных критериев. В результате проведенного исследования были выявлены несимметричные фразеологические антонимы, был установлен статус антонимических отношений межчастеречных антонимов, определена роль внутренней формы и образной составляющей изучаемых единиц для выражения отношений противоположности.

Ключевые слова: *фразеологические антонимы, противоположность, полные антонимы, неполные антонимы, слова-компоненты, межчастеречные лексические единицы, внутренняя форма, образная составляющая.*

Противоположность является предметом различных областей знания: от этики и эстетики до философии и психологии. В рамках лингвистики на категории противоположности базируется антонимия. В современном языкознании принято изучать природную сущность антонимии в соотношении экстралингвистических и собственно лингвистических факторов. Главной функцией антонимии остаётся отражение противоположности. С когнитивно-психологической точки зрения отношение к категории противоположности формируется в зависимости от личностных особенностей восприятия, однако, будучи языковой категорией, антонимия характеризуется универсальными чертами, так как это связано с нормами употребления лексических единиц, едиными для всех представителей лингвокультуры.

Уровень развития лексикологии и семасиологии на современном этапе даёт возможность изучать сложные закономерности, отражающие парадигматические и синтагматические отношения лексических единиц. Современные методы лексического анализа определили иерархию лексических группировок. Анализ системной соотнесенности и обусловленности лексических единиц, изучение семантического взаимодействия между словами остается актуальной задачей. Изучаются различные аспекты системности лексики. Исследователи подвергают тщательному анализу когнитивные, семантические и прагматические проявления процесса фразеологизации, вопросы о соотношении конвенциональности и креативности в языке, глубинных структур в мышлении и их лексических реализаций в словоупотреблении остаётся открытым [12, 7, 8], поэтому актуальность настоящей статьи заключается в обращении к фразеологизмам как к межчастеречным антонимам, обладающим мощной образной составляющей.

Фразеологическая антонимия неизменно находится в фокусе внимания как отечественных, так и зарубежных лингвистов, начиная с конца XX века. Оставаясь долгое время частью лексического состава языка, фразеологическая антонимия является в настоящее время самостоятельным предметом лингвистических исследований. За длительный период изучения данных фразеологических единиц были выработаны критерии определения их статуса.

Общепризнанным является семантический критерий. Учёные единодушны в понимании, что в основе данного явления лежит полярность значений таких устойчивых единиц, «архисемы которых находятся в отношении взаимоисключаемости» [6, с. 233]. Учёные также обращают внимание на осложнённую языковой реализацией противоположности посредством переосмысленных знаков по сравнению с выражением антонимических отношений знаками первичной номинации. В этом случае стоит различать антонимию двух идиом (антонимию в точном смысле) и антонимию внутри семантических полей, когда элементы семантического поля находятся в оппозиции по какому-то важному бинарному семантическому признаку. Внутри таких оппозиционных полей антонимов в точном смысле мало, ибо чистой антонимией мешает различие в категориальной принадлежности сопоставляемых ФЕ и их образной составляющей [2, с. 110].

Таким образом, разные подходы к анализу фразеологической антонимии лежат в основе понимания данного явления. При узком понимании фразеологической антонимии выделяются полные антонимы, которые прямолинейно противопоставлены. При широком понимании антонимии говорят о неполных антонимах, где один из элементов может отличаться по семантическому, синтаксическому или функциональному критерию.

Рассмотрим более подробно признаки антонимичности, выделяемые на основании выше названных критериев. На основании семантического критерия для анализа нашего фактического материала важно определить место образного компонента значения ФЕ. Образная составляющая значения ФЕ делает каждую отдельную единицу уникальной, являющейся результатом сложного механизма переосмысления. Так что именно контрастная образность, отражающая особенности мышления представителей изучаемой лингвокультуры и выражающаяся на когнитивном и лингвистическом уровнях, лежит в основе антонимических отношений между ФЕ. Отметим, что выявление контрастной образности, как правило, затруднено необходимостью установить, как соотносится тело фразеологического знака и его внутренняя семантическая составляющая.

В рамках синтаксического критерия выделяют тождественность компонентного состава в структуре фразеологических антонимов. Фразеологическая антонимия более ярко проявляется там, где она опирается на лексические элементы, являющиеся формальными указателями на антонимические отношения [9]. Однако нередко внешне противопоставленные друг другу по компонентному составу ФЕ могут и не вступать в отношения противопоставленности. Так что даже при наличии антонимических компонентов в составе ФЕ следует руководствоваться прежде всего присутствием антонимичности в их значениях.

Функционально-стилистическим критерием антонимичности является принадлежность ФА одному стилю речи. Принадлежность ФА считается признаком полной антонимии.

Представляется логичным считать, что количество противопоставляемых сем в дефинициях антонимичных ФЕ находится в прямой пропорциональности с возможностью считать такие антонимы полными. Однако главным критерием антонимичности ФЕ является, на наш взгляд, не противопоставление отдельных взаимоисключаемых компонентов значений, а значений ФЕ в целом.

Разумеется, ожидается, что признаком антонимичности знаков вторичной номинации на семантическом уровне будет принадлежность ФА к одному и тому же семантико-грамматическому классу, иными словами, полным синонимам непременно надлежит относиться к одной части речи. Одночастеречная антонимия более частотна, чем межчастеречная, она более прозрачна, наблюдаема и легко выявляется на базе выше перечисленных признаков. В свою очередь неоднотипность выражения отношений противоположности посредством разных лексико-грамматических классов слов на первый взгляд вызывает сомнение, звучит не очень убедительно, что объясняется категориальной спецификой значения межчастеречных языковых единиц. Такие случаи, как **to be down in the dumps** (*inf.* very sad and without much interest in life) ‘унывать, насть духом’ – **to keep a stiff upper lip** (*inf.* the ability to stay calm and not show your feelings in a difficult

or upsetting situation) 'не унывать, не падать духом', представляются, по мнению некоторых авторов, фактом речевой антонимии, которая образуется только в определенной позиции.

Тем не менее исследователи указывают на правомерность существования антонимических отношений между ФЕ разных частей речи. Антонимия является категорией плана содержания, в связи с этим возможно противопоставление любых номинативных единиц с противоположным значением, независимо от плана выражения [4]. Межчастеречная антонимия употребляется систематически и поэтому она есть явление и речи, и языка [5]. Существование межчастеречных оппозиций обусловлено тем, что одинаковые фрагменты действительности могут получать различное частеречное выражение. Разные части речи могут быть в равной степени противопоставлены, несмотря на различающиеся категориально-грамматические семы, если им свойственны одноименные категориально-лексические семы [10].

Помимо лексических компонентов-антонимов формально выраженное в языке отрицание (отрицательная частица *не* в компонентном составе ФЕ) также может порождать отношение противоположности. Однако данное утверждение является предметом споров многих исследователей, т.к. учёные не пришли ещё к единому мнению по этому вопросу. Представляется, что частица *not*, которая входит в состав ФЕ и способствует формированию противоположного значения, может выступать в качестве форманта антонимии. Однако, при установлении отношения противоположности у фразеологических антонимов необходимо ориентироваться прежде всего на взаимоисключающую противоположность их значений даже при наличии антонимических компонентов в составе ФЕ.

Необходимо принимать во внимание, что не только фразеологические антонимы, но и синонимы могут образовывать несимметричные соответствия из единиц, принадлежащих к разным частям речи. Этот вопрос также является актуальным для анализа фактического материала из нашей выборки. Рассмотрим ряд фразеологизмов, объективирующих сему «финансово-экономическое доминирование» и объединённых данным значением в единый синонимический ряд. Нижеследующие фразеологизмы характеризуются наличием первого адъективного компонента *big* и имеют значение «очень важная персона, шишка»: *big bug, big cat, big cheese, big fish, big gun, big noise, big pot, big wheel, bigwig*. ФЕ *top banana* и *top dog* вербализуют сему «хозяин положения, господствующая сторона». Адъективный компонент – *top* данных лексем обладает прозрачной семантикой, подчёркивая привилегированное положение индивида. Эти единицы также объединены общим значением. Понятию «доминирование» противопоставлено понятие «незначительность, подчинённое положение», объективированное единицами, означающими незаметную личность ничтожную по социальному статусу, мелкую сошку – *small timer, small fry, small potato*. Как видно, первый адъективный компонент *small* данных лексем обладает прозрачной семантикой, подчёркивая незначительность положения индивида или отсутствие у него способности влиять на что-либо.

Помимо одноструктурных единиц со схожей синтаксической моделью нами выявлены неоднородные фразеологические синонимы и антонимы, не подпадающие под определение «бинарные оппозиции», а представляющие собой несимметричные межчастеречные синонимико-антонимические ряды, объективирующие различные понятия. Так, представление о чистосердечном признании в содеянном или о признании вины выражается с помощью ФЕ *to make a clean breast, to get it off one's chest* – «выложить всё, облегчить душу». Противоположное же действие «обмануть, намеренно ввести в заблуждение» передаётся ФЕ *to lead sb up the garden path, to drag a red herring across the trail*.

Анализируя ФЕ, сложность их семантики, необходимо сказать, на чём основан важнейший элемент их значения. Фразеологический образ имеет двойственную природу: с одной стороны, он возникает в сознании в процессе мышления, с другой, он способствует мышлению, связанному с репрезентацией образов в языковой форме, которые содействуют конструированию, моделированию и структурированию языковой картины мира. Как нам представляется, образность является не только неотъемлемым, но и доминирующим

свойством фразеологических единиц. Образность фразеологизма формально проявляется в его внутренней форме (ВФ), которая является своеобразной лингвистической памятью, заключенной в лексической наполняемости, грамматической структуре, валентных связях и семантической направленности. В наименовании закрепляются не все признаки обозначаемого понятия, а лишь те, которые становятся основанием номинации и передаются через ВФ. Этнокультурный компонент фразеологического значения рассматривается некоторыми лингвистами как составной элемент внутренней формы фразеологического оборота [11] либо как факультативный компонент. Как считают Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых, фразеологическое значение в результате интегративного отражения объективной действительности и субъективного отношения к ней человека как носителя соответствующего этнокультурного сознания интегрирует два типа сознаний — языковое и культурное, воплощающее в формах родного языка этническую ментальность, особенности народного миропонимания [1, 3]. Этнокультурный компонент содержится в значении каждого фразеологизма и является его обязательным составляющим.

Обобщая вышесказанное, следует подчеркнуть, что изучение любого языкового явления неразрывно связано с анализом его речевой реализации, поэтому выделение межчастеречной антонимии кажется нам вполне правомерным в силу ее систематического проявления в речи. Межчастеречная антонимия менее частотна и менее симметрична, поэтому одночастеречную антонимию можно рассматривать в качестве первичного средства выражения противоположных значений, а межчастеречную — вторичным.

Антонимия как языковое явление обозначает и противопоставляет сущности реального мира. Языковые единицы, обозначающие единые понятия и явления, равноправны в смысловом отношении, поэтому грамматически неоднородные единицы могут иметь и имеют равные возможности в представлении объективной реальности.

Список литературы

1. *Алефиренко Н.Ф.* Спорные проблемы семантики: Монография / Н.Ф. Алефиренко. — М.: Гнозис. — 2005. — 326 с.
2. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Основы фразеологии (краткий курс): учеб. пособие / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. — М.: ФЛИНТА: Наука. — 2013. — 312 с.
3. *Золотых Л.Г.* Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики: Монография / Л.Г. Золотых. — Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет». — 2007. — 265 с.
4. *Миллер Е.Н.* Природа лексической и фразеологической антонимии / Е. Н. Миллер. — Саратов: Изд-во Саратовского университета. — 1990. — 222 с.
5. *Муташева Г.Р.* Антонимы и антонимические отношения в лексике и фразеологии кумыкского и русского языков: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Муташева Гюльзарият Ризвановна. — Махачкала. — 2010. — 173 с.
6. *Назарян А.Г.* Фразеология современного французского языка: учебник / А.Г. Назарян — 2-е изд. перераб. и доп. — М.: Высш. шк. — 1987. — 288 с.
7. *Просодия современного англоязычного устного дискурса: Социокультурный аспект* / Е.Л. Фрейдина, Д.В. Ворошкевич, Д.В. Савинова, М.С. Маковецкая, Г.С. Абрамова, Ю.П. Королева. Монография. — Москва, 2015. — 236 с.
8. *Симонян, Т.А., Прохорова, С.Б.* Анализ употребления сложных прилагательных для описания человека в современной англоязычной литературе / Т.А. Симоняна, С.Б. Прохорова // Традиции и инновации в лингвистике и литературоведении. Межкафедральный сборник научных статей. — М.: МГОУ. — 2018. — С. 123-133.
9. *Скворцова Н.С.* Опыт изучения антонимических отношений во фразеологии сквозь призму когнитивной лингвистики / Н. С. Скворцова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2018. — Вып. 13(807). — С. 259-270.

10. Соловьева Н.В. Языковая и речевая оппозиционность в тексте народной сказки / Н. В. Соловьева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2017. – №2. – С. 12-22.
11. Телия В.Н. Предисловие / В.Н. Телия, Т.Е. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева и др. // Словарь образных выражений русского языка. – М: Отечество. – 1995. – С. 5-9.
12. Титова О.А. Владение основами ономастического анализа как составляющая лингвистической компетенции учителя английского языка: Сб. материалов межд. конф., посвященной памяти Профессора Г.В. Роговой в связи со 100-летием со дня рождения. – М.: МГПУ. – 2017. – С. 288–296.
13. Dictionary.com, LLC. Copyright © 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dictionary.reference.com> (дата обращения 01.08.2020)
14. Longman Dictionary Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения 01.08.2020)
15. Roget's International Thesaurus (Seventh Edition) Ed. by Barbara Ann Kipfer – NY: Harper-Collins Publishers. – 2010. – 1282 p.

10.02.04

**С.Г. Ларина канд. филол. наук, О.Н. Поддубская канд. педагог. наук,
А.В. Сахарова канд. филос. наук**

Государственный гуманитарно-технологический университет,
факультет иностранных языков,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево, larinasvetlanag@mail.ru

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Статья рассматривает лингвостилистические особенности публицистических текстов, принадлежащих к двум видам английской прессы – качественной и массовой. Современная пресса отражает изменения, происходящие как в культуре и обществе, так и в языке. В статье сделан вывод о том, что обе разновидности текстов по-своему отражают современное состояние английского языка и одинаково важны для его изучения.

Ключевые слова: *публицистический текст, лингвостилистические особенности, качественная пресса, массовая пресса, изучение языка.*

В жизни современного общества с каждым годом всё большее значение приобретают средства массовой информации. Язык, используемый в современных печатных газетах и их электронных версиях, является отражением изменений, которые происходят в культуре и обществе.

Несмотря на глубокую изученность публицистического стиля, тексты и статьи газет и журналов, как в печатном издании, так и в электронном виде сегодня являются достойным материалом для лингвостилистических наблюдений. Так, современная пресса отражает письменно-фиксированную форму языка и продолжает оставаться надежным средством хранения и распространения языковых изменений. Этим обусловлена актуальность обращения к материалам современной прессы Великобритании. Возрастает роль газетно-публицистических текстов в межкультурной коммуникации, газеты и журналы динамично реагируют на происходящие в разговорном языке изменения, которые затем окончательно оформляются в общенациональном языке. Именно это свойство публицистических текстов порой используется в практике обучения английскому языку.

Как известно, в Великобритании существуют два основных вида прессы – качественная и массовая (популярная), которые отличаются не только по содержанию и качеству публикуемого материала, но и по своей языковой и стилистической составляющей.

Для сравнения выберем газету «The Guardian» как представителя качественной прессы, массовую прессу будет представлять «Daily Mail».

Для выявления лингвостилистических особенностей осуществим произвольную выборку. Возьмем статью «The Guardian» от 15 мая 2020 года под названием «'Weird as hell': the Covid-19 patients who have symptoms for months».

В данной статье речь идет о рассказе Пола Гарнера, профессора-инфекциониста, о симптомах перенесенной им болезни; а также о профессоре Тиме Спекторе, который делится информацией по поводу течения этой болезни у его пациентов и основанными на этом статистическими данными [2].

Анализ статьи позволяет обнаружить следующие лингвостилистические черты, характерные для подобных текстов:

- наличие аббревиатур (HIV, Aids, the UK), которые позволяют повысить информативность и сэкономить пространство текста;

- использование книжной лексики (thus, akin, likens) оттеняет научный характер данной статьи;

- большое количество медицинских терминов (myocarditis, pandemic, stomach, tinnitus, breathlessness, dizziness, arthritis, immunological, epidemiological, fever, cough, muscle ache, a sore throat, a headache, confusion, delirium, coma), что в большой степени сужает смысловую нагрузку и позволяет определить тематическую направленность текста.

Эти черты характерны для серьезной, требующей определенной умственной работы статьи. Теперь несколько характеристик, направленных для привлечения внимания читателя:

- использование эпитетов (raging, fulminating, disturbing, muggy, outrageous, debilitating, grim), с помощью которых детали текста приобретают новое значение и особый оттенок, приобретают красочность и насыщенность;

- в тексте присутствует такое средство выразительности, как сравнение (weird as hell, such as Italy and Spain, as well as China, it's like driving around), что позволяет получить новые и важные свойства высказываний;

- наличие олицетворения (illness roared back) для создания яркого и выразительного образа;

- ирония (a "ghastly" viral infection, 'if you are not dead you are fine'), отражающая мнение автора о существующей ситуации;

- присутствие идиомы (waxing and waning) придает речи живость и образность.

И наконец, несколько характеристик, относящихся скорее к изданиям массовой прессы, которых также не удалось избежать автору:

- использование некоторых разговорных слов и выражений (в прямой речи): a little bit off, clubbed over, was about to die, locked down, snakes and ladders, on-off symptoms, caboodle comes back, at the top of their game;

- использование современных графических средств для выражения информации – «хэштег» (#60plus-days and #30plus-days).

Стоит отметить, что данная статья написана с использованием «хорошего» английского языка, который соответствует данному виду прессы – качественной, ориентированной на образованного читателя.

Для выявления лингвостилистических особенностей текстов популярной прессы обратимся к статье из «DailyMail» от 18 мая 2020 года под названием «Danielle Lloyd PICTURE EXCLUSIVE: Model affectionately strokes her tummy while kissing and cuddling husband Michael O'Neill».

В статье популярной прессы речь идет о британской модели Даниэль Ллойд, матери четырех детей, которая позирует во время домашней тренировки со своим мужем Майклом О'Нилом, а также всячески демонстрирует счастливые семейные отношения [3].

Даже не затрагивая актуальность и «общественную важность» темы, необходимо отметить, что сама статья не такая объемная по сравнению с предыдущей, большую часть её составляют фотографии различного характера (всего их насчитывается 35 штук), в то время как в статье из «The Guardian» основу составлял текст, а функцией нескольких фотографий было разделение информации для наилучшего восприятия.

В данной статье видны следующие лингвостилистические особенности:

- использование аббревиатур (the PDA, CBV), относящихся к аббревиатурам повседневной жизни;

- использование таких стилистических приемов, как повтор и аллитерация (what I want when I want; a pair of grey gym leggings), восклицания (Peachy! Cheeky!);

- применение «do» для усиления значения глагола в утвердительных предложениях (she does struggle to find the time);

- употребление сокращений (I'm, aren't, that's), характерных для разговорного языка;

- использование большого количества разговорных слов (stroking, tummy, showcased, make-up, gotstuck, showedoff, cheekypatonthebottom, bumlift, topless snaps, emoji, mags, day-to-daylife, kids, lock down, posterior, loved-up), которые показывают, что данный текст ориентирован на людей с не самым высоким уровнем образования, эти слова легко воспринимаются, поэтому статья читается непринужденно и быстро;

- наличие нецензурной лексики и вульгарных слов (bottom, 'F**k, sexy, stuff, saucy topless naps, cheeky);

- для наилучшего восприятия и привлечения внимания читателей фразы под фотографиями выделены жирным шрифтом.

Важно отметить, что тексты популярных газет могут иметь ошибки, или грамматические неточности, также характерные для разговорного стиля (...people say Kerry as long as your happy and it's good for your confidence good luck; a lot of the lads mags).

Проанализировав обе статьи, приходим к выводу, что кроме общих черт, характерных для газетно-публицистических текстов, язык популярной прессы отличается использованием разговорной лексики, порой даже стилистически сниженной лексики, грамматические изменения в предложениях и даже наличие ошибок.

Человеку, изучающему английский язык, просто необходимо знать виды англоязычной прессы и свойственные ей особенности, иметь хороший словарный запас, а также уметь ориентироваться в стилистической структуре языка.

Более того, уникален сам язык прессы. С одной стороны, он своеобразен и иногда труден для понимания, а с другой – он активно проникает в повседневную жизнь, становясь ее неотъемлемой частью. Поэтому необходимо знать язык газет как можно лучше и стараться правильно понимать его, так как читая, человек не только узнает какую-либо информацию, но также повышает свою грамотность и расширяет словарный запас, особенно если газета написана на иностранном языке.

Список литературы

1. Шемелина Ю.В. Лингвокогнитивные аспекты английских новостных текстов: моногр. / Ю. В. Шемелина.- Белгород, 2008. - 114 с.
2. *Harding Luke*. 'Weird as hell': the Covid-19 patients who have symptoms for months [Электронный ресурс]: The Guardian, 2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/may/15/weird-hell-professor-advent-calendar-covid-19-symptoms-paul-garner> (Дата обращения 16.05.2020).
3. *Wheeler Olivia*. Danielle Lloyd PICTURE EXCLUSIVE: Model affectionately strokes her tummy while kissing and cuddling husband Michael O'Neill [Электронный ресурс]: Daily Mail, 2020. URL: <https://www.dailymail.co.uk/tvshowbiz/article-8331349/Danielle-Lloyd-PICTURE-EXCLUSIVE-Model-rubs-tummy-gym-wear> (Дата обращения 18.05.2020).

10.02.04

¹О.А. Орлова канд. филол. наук, ²Ю.Н. Зинцова канд. филол. наук, ³Е.Д. Ястребова

¹Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),
факультет иностранных языков,
кафедра немецкого языка,
Санкт-Петербург, o-orlowa@yandex.ru,

²Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
факультет романо-германских языков, кафедра теории и практики немецкого языка,

²Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Институт филологии и журналистики,
кафедра зарубежной лингвистики,

³Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
факультет гуманитарных наук,
кафедра иноязычной профессиональной коммуникации,
Нижний Новгород, zintsova@mail.ru, evgenia.yastrebowa@yandex.ru

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассмотрены лексические единицы современного английского языка, являющимися наименованиями лиц по профессии, с точки зрения особенностей их словообразования. Особое внимание уделяется анализу структурных типов изучаемых лексем и их классификации. Описываются модели образования номинаций и номинативных конструкций, служащих обозначениями лиц в профессиональной сфере, способы связи между их словообразовательными элементами.

Ключевые слова: *имя существительное, наименования лиц по профессии, словообразовательная модель, словообразовательная структура.*

Лингвисты отмечают, что с усложнением форм человеческой деятельности, а также профессиональной коммуникации делают сегодня группу наименований лиц по профессии (НЛП) в высокой степени подвижной, восприимчивой к этим экстралингвистическим реалиям. Примечательно, что, если ранее новые НЛП входили в лексический состав языка спонтанно, то в настоящее время повышается целенаправленное влияние на них человека через их кодификацию, изменение и обновление [2]. Возникновение новых отраслей профессиональной деятельности и усложнение, разветвление специальностей в уже имеющихся требуют называния профессиональных деятелей и определения места их профессии в различных классификациях. Н.В. Кожанова указывает на две одновременно существующих тенденции в номинации лиц по профессии: специализация и универсализм. Специализация предполагает максимально точное описание профессий одной группы с целью их разграничения. Универсализм же, напротив, нацелен на нахождение некоего общего компонента, объединяющего сходные специальности [1, с. 25]. Особого внимания заслуживает аксиологический потенциал НЛП, в том числе как один из аспектов создания образа человека, лингвокультурного типажа [3; 4].

Для настоящего исследования были выбраны единицы из англоязычного интернет-сайта, посвященного вопросам профориентации и трудоустройства и содержащего корпус наименований лиц по профессии ISCO (695 единиц) [6]. Анализ данного материала на основе ряда лексикографических источников позволяет описать словообразовательные особенности лексических единиц (ЛЕ), служащих обозначениями лиц по профессиональной направленности на материале английского языка, а также выделить и охарактеризовать их структурные типы [5, 7].

Внутреннее строение НЛП представляет большой интерес. Структура каждого такого наименования предполагает наличие доминанты и уточнителя, где доминантой служит личное имя существительное, а остальные слова в составе наименования уточняют доминанту или другие уточнители. Выделяются следующие основные структурные типы НЛП: однословные, комплексные (аппозитивные), составные (описательные) [6, с. 142]. В исследуемой выборке представлены все типы структур:

- 1) однословные наименования – 201 ЛЕ (*actuary, croupier, historian, sociologist* и др.);
- 2) комплексные наименования (два личных имени существительных, состоящие в аппозитивных отношениях) – 3 ЛЕ (*articled clerk-legal assistant, decorator-paperhanger, paver-asphalt layer*);
- 3) составные наименования – 491 ЛЕ (*fruit farmer, jewellery maker, pharmaceutical industry operative* и др.).

Во всех наименованиях были выделены доминанты. Однословные наименования состоят только из доминанты. В комплексных наименованиях доминантой является первый по счету компонент, второе является приложением, уточняя стоящее перед ним существительное с более широким значением. Составные наименования по своей сути являются словосочетаниями, в которых доминантой является определяемое слово.

В выборке насчитывается 313 доминант, некоторые из них неоднократно используются в составных наименованиях. Наиболее часто в составе НЛП употребляются следующие доминантные единицы:

worker – 45;	maker – 21;
technician – 26;	engineer – 19;
officer – 25;	fitter – 19;
manager – 25;	mechanic – 19;
clerk – 17;	operative – 10.
assistant – 14;	

Доминанты наименований чаще всего образованы по словообразовательной модели суффиксации (при помощи суффиксов **-or** – 28 ЛЕ: *conductor, translator*; **-er** – 126 ЛЕ: *lawyer, embroiderer*; **-ist** – 49 ЛЕ: *ceramicist, nutritionist*; **-ian** – 11 ЛЕ: *beautician, statistician*; **-ant** – 4 ЛЕ: *accountant, attendant*; **-ess** – 5 ЛЕ: *governess, waitress*; **-ee** – 1 ЛЕ: *referee*), также используется словосложение (сложение двух основ – 17 ЛЕ: *blacksmith, stonemason*; сложение двух основ + суффикс **-er** – 27 ЛЕ: *cabinetmaker, glasscutter, tracklayer*). Остальные доминантные единицы (46 ЛЕ) являются корневыми (*expert, guide, surgeon* и др.).

В исследуемую выборку вошли 491 составных НЛП (71%). При исследовании их внутренней структуры были выделены несколько типов уточнителей [4, с. 25]:

- НЛП с предложными уточнителями – 21 ЛЕ (4,27%) (*manager for shopping, accommodation or food-service units, operator in the tobacco industry, worker in shoe production* и др.);
- НЛП с беспредложными уточнителями – 409 ЛЕ (83,29%) (*fashion designer, glass making machine operator, personnel officer, road transport technician* и др.);
- НЛП с адъективными уточнителями – 31 ЛЕ (6,31%) (*agricultural adviser, criminal investigator, financial analyst, political scientist* и др.);
- НЛП с генетивными уточнителями – 15 ЛЕ (3,05%) (*driver of motor vehicles, fitter of gas pipelines, restorer of applied arts and crafts* и др.).

В состав ряда НЛП вошли несколько уточнителей с разным типом присоединения к доминантной единице:

- НЛП с адъективными и предложными уточнителями (5 ЛЕ) (*auxiliary worker in geological survey, auxiliary worker in pharmaceutical and medical production* и др.);
- НЛП с беспредложными и предложными уточнителями (4 ЛЕ) (*information assistant in rail transport, chemical plant machine operator in non-ferrous metal production* и др.).

Кроме вышеуказанных моделей мы выделили также группу НЛП, составные части которых объединены сочинительной связью (6 ЛЕ). В подобных случаях ставится под вопрос возможность любого из компонентов подобных наименований быть доминантой или уточнителем в словосочетании, так как оба имени существительных являются «равноправными» (*barber and hairdresser, interpreter and translator, upholsterer and decorator* и др.).

Таким образом, проанализировав группу имен существительных английского языка, являющихся номинациями лиц по профессии с позиции их структурных особенностей, можно сделать ряд выводов. В составе данной группы выделяются все основные структурные типы НЛП: однословные, комплексные и составные. Структура каждого такого наименования характеризуется наличием доминанты и уточнителя. Большинство уточнителей доминант являются именами существительными и присоединяются к доминантам беспредложным способом.

Список литературы

1. Кожанова Н.В. Описательные номинации в общей номинативной парадигме немецкого языка (на материале наименований лиц по профессии) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 4(67). С. 23-25.
2. Моисеев А.И. Наименования лиц по профессии как предмет лингвистического изучения [Электронный ресурс] // Известия Академии Наук СССР (Серия литературы и языка). 1968, том 27, вып. 2. URL: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1968/02/682-140.htm> (дата обращения 20.06.2020).
3. Плисов Е.В., Гадалова В.И., Шилина С.В. Системные и дискурсные особенности оценочной характеристики человека (на материале английского и немецкого языков) // Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве. Нижний Новгород: НГЛУ, 2018. С. 165-168.
4. Плисов Е.В., Слободенюк Е.А. Концептуализация образа немецкого политика в британском медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 235-240.
5. Dictionary by Merriam-Webster [Электронный ресурс]. – <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения 20.06.2020).
6. International Standard Classification of Occupations: ISCO-08 / International Labour Office. Geneva: ILO, 2012. 420 p. [Электронный ресурс]. – http://www.ilo.org/global/publications/ilo-bookstore/order-online/books/WCMS_172572/lang--en/index.htm (дата обращения 10.06.2020).
7. Oxford Collocations Dictionary for students of English. – Oxford University Press, 2009.

10.02.04

С.А Резцова канд. педагог. наук

Государственный социально-гуманитарный университет,
факультет иностранных языков,
кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации,
Коломна, svetareztsova@rambler.ru

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МУЛЬТФИЛЬМАХ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Статья посвящена способам выражения комического эффекта в англоязычных мультфильмах и особенностям передачи юмора на русский язык при переводе. Мультфильмы характеризуются употреблением более простой и понятной лексики, обоснованным использованием неологизмов и сниженным использованием сложных терминов и устаревших слов. Выделяют и жанрово-стилистические особенности мультфильмов, такие как связь с национальной культурой, широкое употребление сравнений, эпитетов, олицетворений, пословиц, фразеологизмов, а также наличие песен. При переводе необходимо передать смысл содержания того, о чем говорят герои, а также стремиться к максимальному сохранению особенностей звучащего текста и прагматического эффекта.

Ключевые слова: кинодиалог, комический эффект, лексические выразительные средства, переводческие трансформации.

Объектом лингвистических и переводческих исследований мультипликационные фильмы стали относительно недавно. Стилистический анализ кинофильмов вообще и мультфильмов в частности связан с понятием кинодиалога. Под кинодиалогом понимают речь персонажей, вербальный компонент фильма, смысловая завершенность которого обеспечивается его звукозрительным рядом. Кинодиалог - это подготовленное сообщение, воспринимаемое виртуальным удаленным рецептором в устной форме в формате отсроченного опосредованного контакта при отсутствии непосредственного обмена. Специфика означенного виртуального рецептора сообщения – зритель состоит в том, что последний характеризуется «множественностью, значительной социокультурной неоднородностью, неопределенной национальной принадлежностью в силу массовости кино и широты его распространения в мире в эпоху глобализации» [Горшкова В.Е.;2006]. Данные факторы, составляя экстралингвистический компонент фильмов и мультфильмов, влияют на их адекватное восприятие.

Представляется интересным рассмотреть вербальные способы создания комического эффекта. В создании комизма участвуют все уровни системы языка: на фонетическом уровне можно выделить приемы интонации, аллитерации, паронимии; в орфографии, пунктуации и графике - намеренное нарушение интервала между словами, графическое оформление текста, намеренное нарушение правил употребления; на морфологическом уровне - обыгрывание архаичных аффиксов, игра с опущением частей слова, расчленение слова, употребление несуществующих лиц и т.д.; на синтаксическом уровне выделяются парцелляция, нагромождение синтаксических конструкций, обыгрывание предикативных, номинативных, автономных употреблений единиц языка; на словообразовательном уровне - переосмысление частей речи, создание новых слов, контаминация, переосмысление частей речи.

Можно выделить жанрово-стилистические особенности мультфильмов, такие как связь с национальной культурой, широкое употребление сравнений, эпитетов, олицетворений, пословиц, фразеологизмов, а также наличие песен. При переводе необходимо передать смысл содержания того, о чем говорят герои, а также стремиться к максимальному сохранению особенностей звучащего текста и прагматического эффекта.

Для того, чтобы показать, как важен контекст и связность элементов, приведем несколько примеров из известного детского анимационного сериала *My Little Pony: Friendship Is Magic*, официальный русский перевод которого известен своими ошибками и неточностями. Для примера возьмём первые два эпизода первого сезона (*Friendship Is Magic, Part 1 & Part 2*).

По сюжету главной героине попадаетея книга о легенде, согласно которой в мир пони может вернуться древнее зло: «Legend has it that on the longest day of the thousandth year, the stars will aid in her escape, and she will bring about nighttime eternal!» В русском переводе отмечается неточность при передаче фактической информации: «Легенда гласит, что в самый длинный день за четыре тысячи лет она освободится из заточения при помощи звёзд и тогда в мире настанет вечная ночь.» Стоит заметить, что искаженная дата в «четыре тысячи лет» на протяжении эпизода сохраняется в нескольких местах.

Когда главная злодейка освобождается из своего заточения, одна из героинь пытается сразиться с ней, но её тут же останавливают:

Rainbow Dash: What did you do with our Princess?!

Applejack: [muffled] Whoa there, Nelly...

Сравним эпизод с его русским переводом:

Радуга Дэш: Что ты сделала с нашей принцессой?

Эпплджек: Ох, смотри туда, Нелли.

Мы видим, что реплика Эпплджек в переводе абсолютно потеряла изначальный смысл. Английское выражение *Whoa, Nellie!* – разговорная фраза, которую можно перевести как «Сбавь обороты!» или «Притормози-ка!». Согласно таким сайтам, как urbandictionary.com, phrases.org.uk и multitrans.ru, данная фраза – это возглас, которым останавливают лошадей, имя *Nellie* – распространенная кличка для кобыл или ослиц. Учитывая контекст и такую особенность сериала, как высокая частота использования оборотов, имен собственных и идиом, связанных с лошадьми, фразу можно перевести как «Придержи-ка лошадей!». Аналогичная ошибка была допущена при переводе фразы “*Simmer down, Sally*”, которую перевели дословно: “Успокойся, Салли”. Переводчики сериала, возможно, посчитали *Sally* именем собственным, ведь в оригинальном транскрипте оно пишется с заглавной буквы. Однако в данном случае *Sally* не обозначает имя собственное напрямую, скорее являясь обращением, и к тому же может смутить зрителя, который скорее всего не поймёт, почему к героине вдруг обратились по имени Салли. Англоязычные словари, например thefreedictionary.com, определяют *sally* как *a sudden rushing forth; a sudden outburst or emergence into action, expression, or emotion* [5]. По нашему мнению, более уместной бы оказалась версия одного из фанатских переводов: “Остынь, ретивая”.

В переводе присутствует и лексическая избыточность:

«From this moment forth, the night will last forever!» – «С этого момента, вас ждёт вечная ночь. Навсегда!» – Избыточность заключается в том, что слово «вечная» явно указывает на бессрочную продолжительность какого-либо явления. Поэтому последующее за этой фразой восклицание в переводе кажется избыточным, являясь лишним объяснением зрителю уже известных ему фактов. И хотя – как мы упоминали ранее – в сериалах часто имитируется разговорная речь (для которой присутствие многословия естественно в силу неподготовленности и спонтанности речи), кинодиалоги, тем не менее, не являются примером настоящей разговорной речи и представляют собой подготовленные, продуманные автором реплики, имитирующие живой разговор. Поэтому в данном случае многословие становится заметным для зрителя. Мы бы предложили другой вариант перевода, который, как нам кажется, более уместен: «Отныне ночь будет длиться вечно!»

Не были переданы и многие характерные черты произношения персонажей. Например, речь героини Эпплджек отличается стереотипным «южноамериканским» (Southern American accent) произношением и соответствующими «деревенскими» выражениями и грамматическими особенностями, что тесно связано с образом героини и является её отличительной чертой, например: I'm a-comin'! // No can do, sugarcube. // Are you crazy? – No, I ain't. // Boy howdy! // Attagirl. Yee haw! В русском переводе и дубляже большинство этих особенностей отражения не нашли.

Как мы можем убедиться, даже в рамках нескольких эпизодов одного сериала адекватность перевода может сильно различаться. От подобных проблем в настоящее время страдают переводы многих мультфильмов. Как нам кажется, отчасти это можно объяснить тем, что зачастую переводчики работают в крайне сжатые сроки и не всегда могут подробно изучить оригинал. С другой стороны, можно также отметить, что к анимационным фильмам и сериалам относятся прежде всего как к продуктам для детской аудитории, что, по мнению некоторых представителей более взрослой публики и поклонников анимации, и является причиной пониженного внимания к переводу мультфильмов. Таким образом, проблема адекватности перевода анимационных фильмов в нашей стране сохраняет свою актуальность и по сей день.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь : А-Я / Гл. ред. Прохоров А.М. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва ; Санкт-Петербург : БСЭ, 2000. – 1452 с.
2. Горшкова В.Е. Перевод в кино / В.Е. Горшкова. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – 278 с.
3. Значенок В.С. Особенности перевода мультипликационного фильма с английского языка на русский и с русского на английский / В. С. Значенок, М. С. Габрусенок // Гуманитарные технологии в образовании и социосфере: сб. науч. ст. / редкол.: О.И. Уланович (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2016. – с. 133–139.
4. Ильичев Л.Ф. Философский энциклопедический словарь / ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: СБ, 1983. – 840 с.
5. The Free Dictionary: Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения 02.02.20)

10.02.04

М.Ю. Сейранян д-р филол. наук, Е.Л. Фрейдина д-р филол. наук

Московский педагогический государственный университет,
Институт иностранных языков,
кафедра фонетики и лексики английского языка,
margo.seiranyan@yandex.ru, freydina55@mail.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНО-МОДАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ПРОСОДИИ В ДИСКУРСЕ БРИТАНСКИХ МЕДИА ДЕБАТОВ

В статье представлены результаты исследования, направленного на выявление роли просодических средств в реализации эмоционально-модального компонента речи участников политических медиа дебатов. Показано, что эмоционально-модальная составляющая тесно связана с прагматическим аспектом дискурса. Просодические характеристики выступают в качестве маркера эмоциональной компетенции участников дебатов – отражают способность говорящих управлять своими эмоциями, идентифицировать и контролировать чужие эмоции.

Ключевые слова: эмоционально-модальная функция, просодический компонент, эмоциональная компетенция, контекстуализация, медиа дебаты, прагматический аспект.

Одним из ключевых вопросов лингвистических исследований последних 20 лет является лингвистическая интерпретация эмоций: от эмотивных высказываний до эмоциональной компетенции в межкультурной коммуникации и определения эмоционального кода языка [1,2,5]. Междисциплинарные исследования на стыке лингвистики, психолингвистики, когнитологии, эмотиологии позволяют детально проанализировать влияние эмоций на языковые процессы, установить социокультурную и национально-культурную специфику выражения эмоций. В сферу изучения включаются также такие проблемы, как вербализация своих и чужих сиюминутных эмоций, вербальные характеристики имитации эмоций и другие.

В основе многих современных исследований в данной области концепция «эмоционального интеллекта», получившая широкое распространение, начиная со второй половины XX века и отражающая интерес представителей различных научных направлений к взаимовлиянию когнитивных и эмоциональных процессов. На первый план выходит интерес не только и не столько к высокому уровню интеллектуального развития (IQ), но и к способности воспринимать и выражать эмоции, ассимилировать эмоции и мысли, понимать и объяснять эмоции, а также регулировать эмоции (свои собственные и других людей). «слышать» других, распознавать чувства и эмоции собеседников, и управлять своими собственными эмоциями и т.д. Именно такое определение «эмоционального интеллекта», представленное П. Сэловеем и Дж. Майером [10] принято считать основным. Позже появляется теория эмоциональной компетенции Д. Гоулмена [7], широко используемая в современных мастер-классах, тренингах и курсах повышения EQ в бизнес-сфере, и некогнитивная теория эмоционального интеллекта Р. Бар-Она. Известно, что вербальная сторона эмоционального интеллекта и/или эмоциональной компетенции подразумевает согласованность лексико-синтаксического и просодического компонентов речи говорящего. В фокусе нашего внимания находится именно просодическая составляющая.

Действительно, именно интонация, способная выражать самые тонкие нюансы, возникающие в процессе социального взаимодействия в конкретной ситуации общения, играет особую роль в реализации того компонента общения, который принято связывать с эмоциональным интеллектом. «Просодическая организация речевого высказывания выступает ведущим произносительным паралингвистическим средством для выражения

коннотативных значений и наитеснейшим образом связана с функцией эмоционально-воздействующего характера» [4: с.21].

Эмоционально-модальную функцию (*attitudinal function*) относят к числу базовых функций интонации, однако исследователи сталкиваются со значительными трудностями при попытке систематизировать или классифицировать многочисленные типы эмоциональных коннотаций, которые обусловлены интонационным оформлением высказывания. Вариативность, а иногда и противоречивость данных, полученных в ходе экспериментов, направленных на выявление эмоциональных значений, передаваемых интонацией на уровне отдельного высказывания, обусловлена в первую очередь субъективностью их оценки на перцептивном уровне. Перемещение фокуса внимания исследователей с анализа специально смоделированных эмоционально окрашенных высказываний на анализ естественной звучащей речи повлек за собой необходимость более глубокой интерпретации полученных наблюдений. Вследствие признания сложности самого феномена выражения эмоции или оценки возникли следующие вопросы: как определить направленность выражаемого отношения говорящего (отношение к коммуникативному партнеру, к сообщению, к ситуации, к какому-либо внешнему событию; как разграничить истинную эмоцию или отношение от эмоции, которую говорящий намеренно хочет транслировать («if I say something in a "happy" way, this may be because *I feel* happy, or because I want to convey to you the *impression* that I am happy») [9:с.186]. Кроме того, сверхсегментные характеристики звучащей речи способны отражать эмоциональное состояние говорящего, обусловленное как психофизиологическими особенностями его личности, так и его эмоциональным состоянием в момент речи. Неоднозначным является и вопрос об адекватности интерпретации эмоционально-модальной окрашенности высказывания слушающим.

Стремление современных исследователей уточнить содержание понятий, используемых в рамках изучения просодической реализации эмоциональной составляющей устного дискурса, отразилось в попытке разграничить понятия «эмоция» (*emotion*) и «отношение» (*attitude*). Важное замечание по этому поводу сделала А.Вичманн, предложившая рассматривать интонационные характеристики, связанные с передачей «чистых эмоций» (*pure emotion*) и эмоций, возникающих в связи с выражением убеждений и мнений, в рамках «экспрессивной интонации». В то же время эмоционально-модальный аспект интонации (*attitudinal intonation*) в конкретном контексте отражает определенное речевое поведение говорящего и является составляющей смысла сообщения, выражаемого говорящим (*speaker meaning*). Для того, чтобы понять смысл сообщения и установить роль интонации в его реализации необходимо обратиться к прагматике [11: с.144]. Данная идея созвучна современным подходам к изучению просодической вариативности звучащей речи в русле дискурсивного направления исследований, в частности в рамках конверсационной фонетики, совмещающей методологию и подходы теории контекстуализации и конверсационного анализа [6,8]. Специфика ракурса научного анализа, основанного на изучении процесса контекстуализации, состоит в особом внимании к тому, как осуществляется выбор определенных языковых средств для реализации смысла сообщения (*speaker meaning, social meaning*) в процессе социального взаимодействия участников устного дискурса. Ключевым для исследования просодической реализации звучащей речи является учет актуального и глобального контекста, который позволяет представить просодический компонент дискурса как маркер существующего контекста и как фактор формирования нового контекста. Востребованность данного направления объясняется тем, что изучение просодии как связующего звена между широким контекстом и реальным актом коммуникации (метапрагматического средства в терминологии Couper- Kuhlen), позволяет получить полное представление о роли просодии в понимании и «интерпретации мира в речевом взаимодействии» [3: с.8]. Более того, в основе конверсационного направления учитываются релевантные для комплексного анализа динамики дискурса экстралингвистические (социокультурные, прагматические, историко-культурные и др.) параметры взаимодействия.

Данный подход представляется весьма продуктивным для изучения эмоционально-модальной функции просодии. Следует отметить, такого рода исследования основаны на глубинном анализе просодических особенностей речи отдельных участников дискурса с учетом контекстных факторов, что позволяет выявить самые тонкие нюансы контекстуализации.

Представим некоторые наблюдения, полученные авторами в ходе исследования, направленного на выявление роли просодических средств в реализации эмоционально-модального компонента речи участников политических медиа дебатов.

Материалом исследования являются фрагменты радиопередачи «Any questions?» (BBC Radio4) за период март-май 2020г. «Any questions?» – еженедельные политические дебаты, в которых принимают участие четыре приглашенных в студию, модератор, а также широкая аудитория слушателей канала по радиосвязи, и в сети интернет. Обращение к данному жанру устного дискурса в связи с изучением особенностей реализации эмоционально-модальной функции сверхсегментных единиц языка обусловлено, прежде всего, тем, что формат телевизионных дебатов представляет собой полилог и предполагает значительную степень эмоциональной вовлеченности участников. Это означает, что в рамках заявленного подхода при интерпретации полученных наблюдений мы можем опираться на непосредственный вербальный контекст: предшествующие и последующие реплики участников дискурса. Кроме того, в ходе исследования учитывались и такие экстралингвистические факторы, как тематика дебатов, цели участников, их политическая позиция, социальные характеристики, социокультурный и политический контекст.

Постоянным ведущим программы является Крис Мейсон (Chris Mason). В качестве гостей в ней участвуют представители органов власти, бизнеса, благотворительных организаций, министерств, культуры и искусства. Общим для состава участников всех передач является присутствие одного представителя консервативной (на данный момент правящей) партии, и одного представителя лейбористской партии. Присутствие политиков, принадлежащих к оппозиционным партиям, является важным контекстным фактором, который необходимо учитывать в ходе анализа. Площадка радиопередачи может быть использована, с одной стороны, сугубо с целью обличения оппозиции в несостоятельности, некомпетентности. Например, коммуникативные действия политика могут быть прагматически обусловлены стремлением занизить имидж, ценности, идеологию и политическую доктрину «чужого» и возвысить «свою» позицию. Следует отметить, что политик выступает одновременно в нескольких ипостасях: как представитель партии (символизируя определенные взгляды и концепции), как исполнитель определённой роли, как воплощение определённого психологического архетипа. С другой, политики, как правило, стремятся сделать все возможное, чтобы не усугубить напряжение в обществе.

Формат передачи, что следует из самого ее названия, предполагает, что слушатели из разных частей Великобритании звонят в прямом эфире и адресуют свои вопросы участникам. Роль модератора заключается в анонсировании участников, их профессии, а также темы дискуссии. Заданный слушателем вопрос может быть адресован конкретному гостю в студии, что не мешает трем другим участникам высказать свою точку зрения. В силу того, что средняя продолжительность передачи 45 минут, необходимым условием является соблюдение регламента, за которым следит модератор, обеспечивая равный «вклад» каждого приглашенного в обсуждение.

В процессе дискуссии, модератор следит за временем, которое отводится каждому из участников, следит, чтобы не было «превосходства» в мене ролей, и вклад каждого был относительно одинаковым. Если обсуждение какого-либо вопроса затягивается, и сам вопрос требует более детального рассмотрения, но ключевые аспекты освещены, модератор плавно переходит к следующему вопросу.

Помимо этого, активная позиция модератора как равноправного участника дискуссии подтверждается дополнительными включениями с его стороны: он может задавать вопросы слушателю и приглашенным гостям, высказывать свои соображения по обсуждаемой теме.

При этом следует отметить, что в силу специфики формата дискуссии модератор соблюдает баланс между личной заинтересованностью, с одной стороны, и нейтралитетом (отсутствием навязывания собственных мнений и предпочтений), с другой. Умение соблюдать данный баланс свидетельствует о высоком профессионализме и владении искусством ведения дискуссии.

Основной темой образцов звучащей речи, вошедших в корпус нашего исследования, вполне закономерно является COVID-19. Тематика дискуссии определила выбор участников: представителей здравоохранения, исследовательских институтов, политиков (министров правительства и министров теневого кабинета). Обсуждение проблем, связанных со здоровьем нации пересекается с обсуждением вопросов безопасности и стабильности экономики, в частности, поддержки бизнеса и самозанятых граждан.

В связи с актуальностью и остротой заявленной темы наблюдается особая эмоциональная напряженность коммуникации: слушатели, которые задают вопросы, не скрывают недовольства действиями правительства, полиции, что придает дискуссии конфликтный характер. Усугублению конфликта способствуют и упреки со стороны оппозиции в адрес правящей партии. В ходе дискуссии затрагивается целый комплекс проблем: отсутствие мест в больницах, временная несостоятельность системы здравоохранения в заботе о пациентах с хроническими заболеваниями, которым так же, как и зараженным коронавирусом, требуется помощь и лечение; сложности с оплатой труда, в частности самозанятым работникам, налоговые послабления компаниям, которые из-за карантина были вынуждены приостановить свою деятельность, поддержание малого и среднего бизнеса, и т.д. Тем не менее, несмотря на «накаленность» атмосферы, участники настроены на конструктивное обсуждение, признавая ошибки, демонстрируют уверенность в преодолении кризиса.

Изучая подобные дискуссии, можно проследить, как в условиях естественной конфронтации (оппозиционность взглядов, конфликт интересов, личностный конфликт) участникам удается сохранять баланс и продемонстрировать конструктивный подход. В основе подобного взаимодействия лежит характерный для британской риторической традиции принцип: *Let's agree to disagree in a civil fashion*.

В то же время реплики участников дискуссии демонстрируют высокую степень эмоциональной вовлеченности, что отражается в просодическом оформлении их речи. В ходе перцептивного анализа было установлено, что просодия выступает как маркер целого спектра эмоциональных состояний говорящих, таких, как эмпатия, соучастие, сострадание, негодование, недовольство. Рассмотрим несколько примеров.

В приведенном ниже фрагменте дискуссии обсуждается обеспокоенность населения несостоятельностью системы здравоохранения государства. Говорящий разделяет эту обеспокоенность, что проявляется в переходе от использования личного местоимения *they* к местоимению *we*, объединяющего говорящего и людей, о которых идет речь. Просодическое оформление высказывания отражает взволнованность говорящего.

They → sound \ worried||| √Public 'health \system |we| we|→ we're \ using it at the moment|| Be\ lieved| \ measured||

Членение высказывания на короткие межаузные группы, длительные синтаксические паузы, замедление скорости речи в сочетании с пословным акцентированием способствуют передаче состояния нервозности и стресса, которые испытывают люди в кризисной ситуации.

√People are | perfectly \ capable| of √taking these de|cisions for them\selves|Now| and →not | waiting for later| when the government says| we think we ought to do it.||

В приведенном выше высказывании высокая скорость речи свидетельствует о чувстве тревоги, которую говорящий разделяет с аудиторией. При этом большим прагматическим эффектом обладает именно последняя синтагма, которая отличается от предшествующего контекста снижением громкости и тонального уровня.

Специфику интонационной реализации эмоционально окрашенных высказываний такого типа можно интерпретировать в рамках так называемой «экспрессивной» интонации (Вичманн), иными словами, здесь наблюдается тесная взаимосвязь эмоционального и прагматического компонента. Так, в приведенном ниже фрагменте говорящий выражает сочувствие самозанятым гражданам, которые не могут рассчитывать на компенсации во время пандемии, и в то же время настаивает на принятии правительством необходимых мер. Интонационные характеристики речи (членение высказывания на короткие межпаузальные группы, краткие паузы, пословное акцентирование, использование высоких нисходящих и нисходяще-восходящих тонов, интонационные повторы) реализуют эмоции, связанные с передачей мнений.

They're \self-employed| and the \government| □needs to |make it \clear| how it's going to get \income| to \people|| who have >no| en□titlement to \sick pay||

Отметим, что использование восходяще-нисходящего тона (Fall-Rise) на слове *people* в данном контексте усиливает коннотацию высказывания: речь идет о людях, люди важны. Использование данного тона, на наш взгляд, передает соучастие и сопричастность.

Интересно, что ответ представителя консервативной (правящей) партии на критику, содержащуюся в предшествующем высказывании, характеризуется сглаженным, нейтральным просодическим оформлением. Отмечается умеренная скорость и громкость речи, повтор одинаковых интонационных моделей, чередование низкого нисходящего и низкого восходящего ядерных тонов (Low Rise и Low Fall).

The \Government |has been → very \clear| it will □not let |anybody \lose out| as →part of this \process| and \part /of| →using our time /well| with a →strategy of con\tain| de\lay| re\search and \mitigate|| will →give us \time, Di\ane| just ac→ross the /road| to →put those in \place|| It \doesn't /mean| □every [single \answer| is a→vailable in real \time| but it \does mean | we've got a →clear plan in \place| and we →work to pro\tect people||

С одной стороны, мы наблюдаем конфликт точек зрения, возражение оппоненту, с другой стороны, выбирая данные просодические характеристики, говорящий демонстрирует, что он стремится прояснить ситуацию и таким образом снять напряженность. Подобные случаи показывают, что политики могут соглашаться или не соглашаться друг с другом, но уличение и/или обличение в данной ситуации вторичны. В целом, стремление сдерживать эмоциональный накал других участников и придать общению более конструктивный характер отличает речь политиков.

I →might >not| >may| be| →very \popular | in certain parties | for a →number of >reasons| but I > think| if you're going to \use | the re\sources of the state| to inter\vene| to ensure more \balance||

Характерным для просодического оформления реплик, направленных на преодоление эмоциональной напряженности, является членение высказывания на короткие синтагмы, умеренная скорость речи, краткие паузы, использование низкого нисходящего терминального тона, ровной шкалы среднего уровня и постепенно нисходящей шкалы.

Интересно, что в некоторых случаях политики, представляющие правящую партию, не ограничиваются сдерживанием негативных эмоций других участников, а придают собственным высказываниям оттенок уверенности и даже оптимизма.

I \understand the |government \strategy |what it is →planning to \do | is to \see| that the \herd immunity| is →gathered among the \younger part of the population| and > that| by →isolating \those of us| in the \older group|- the most \vulnerable part of the population||To →flatten the \curve|, to ex→tend the du\ ration of the virus||

Впечатление уверенности и позитивного настроения передается за счет использования интонационных повторов, придающих высказыванию особую ритмичность.

Обобщая полученные наблюдения, следует подчеркнуть, что в динамике дискурса отмечается варьирование эмоционально-модальной составляющей и тональности общения: от тревожной и напряженной до уверенно-позитивной. При этом, в связи со спецификой формата дебатов и участием в них политиков, эмоциональный компонент во многих случаях

не является производной непосредственной ситуации общения, а формируется намеренно в соответствии с социально-политическими задачами. Это означает в том числе и то, что такой фактор, как «эмоциональная компетенция» говорящего оказывает существенное влияние на протекание дискурса и на его просодическую реализацию.

Отметим, что выявленные в ходе перцептивного анализа просодические маркеры, свидетельствующие об определенной эмоциональной окрашенности звучащей речи, сложно однозначно соотнести с определенной эмоцией, эмоциональным состоянием или отношением. Во-первых, как известно, один и тот же интонационный параметр может передавать разные коннотации в зависимости от контекста. Так, высокий нисходящий тон (High Fall) в некоторых из рассмотренных реплик является индикатором повышенной эмоциональной вовлеченности, возбуждения, тревоги, а в других случаях придает высказыванию весомость, демонстрирует уверенность говорящего в своей правоте, осведомленность, компетентность. Очевидно, что, описывая эмоционально-модальный компонент звучащей речи, необходимо рассматривать просодические параметры не изолировано, а в совокупности, в то же время учитывая их взаимодействие с лексико-синтаксическими средствами. Таким образом, речь идет скорее о некоторых тенденциях, отражающих особенности просодической реализации эмоционально-модальных отношений в динамике дискурса.

Наиболее яркая тенденция, которая прослеживается в рассмотренном нами материале, состоит в том, что эмоционально-модальная составляющая тесно связана с прагматическим аспектом дискурса. В речи участников дебатов мы наблюдаем не только проявление эмоций, но и способность управлять собственными эмоциями, идентифицировать и контролировать чужие эмоции, осуществлять выбор языковых средств (в том числе и просодических), реализующих эмоции в ходе социального взаимодействия.

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть необходимость разработки такого алгоритма изучения эмоционально-модальной функции просодии, который позволил бы полноценно отразить сложность и многоаспектность самого феномена отражения эмоций в звучащей речи.

Список литературы

1. *Ионова С.В.* Эмоции в новой коммуникативной реальности // Человек в коммуникации: мотивы, стратегии и тактики: коллективная монография. – Волгоград: Перемена. – 2010. – С. 7-2.
2. *Киселева Т.С.* Эмоциональный интеллект как жизненный ресурс и его развитие у взрослых: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2015. – 223 с.
3. *Кодзасов С.В.* Исследования в области русской просодии. М.: Языки славянских культур. – 2009. – 496 с.
4. *Потапова Р.К., Потапов В.В.* Язык, речь, личность. – Москва: Языки славянской культуры. – 2006. – 491 с.
5. *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М.: Гнозис. – 2008. – 416 с.
6. *Couper-Kuhlen E.* Interactional Linguistics: Studying language in Social Interaction. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2018 – 484 p.
7. *Goleman D.* Emotional Intelligence. Why it can matter more than IQ. – N.Y.; London: Bantam Books. – 352 p.
8. *Local J.* Variable Domains and Variable Relevance: Interpreting Phonetic exponents //Journal of Phonetics. – 2003 – Vol. 31. – Pp.321-339
9. *Roach P.* English Phonetics and Phonology: A Practical Course. – Cambridge: Cambridge University Press – 2000. – 283 p.
10. *Salovey P., Mayer J.* Emotional Intelligence.–Imagination, Cognition, Personality. – 1990 Volume: nine – issue 3 – pp.185-211.
11. *Wichmann A.* Intonation in Text and Discourse. Beginnings, Middles and Ends. – Harlow: Pearson Education Limited – 2000. – 162 p.

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

¹А.К. Булатова канд. филол. наук, ²Ф.К. Сагдеева канд. филол. наук,
¹А.Я. Хусайнова канд. филол. наук

Институт языка, литературы и искусства им. Г Ибрагимова АН РТ,

¹отдел лексикологии и диалектологии,

²отдел общей лингвистики,

Казань, alf_0082.82@mail.ru, fauzija.sagdeewa@yandex.ru, husainova_alina@mail.ru

**РАЗВИТИЕ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА *КӨМЕШ* (СЕРЕБРО) В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ
(В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ ТЮРКСКИМИ ЯЗЫКАМИ)**

*Данная статья посвящена рассмотрению изменений значений слов в татарском языке. Исследование состояния лексических составов тюркских языков даёт ценные сведения для изучения лексики татарского языка. В данной статье предлагаются некоторые наблюдения над изменениями лексико-семантических вариантов слова *көмеш*.*

Ключевые слова: *лексическое значение, полисемия, тюркские языки, татарский язык, семантическая деривация, расширение значений.*

Синхронное положение словарного состава, его состояние на определенном этапе его развития (в нашем случае современном), есть результат всех предшествующих этапов его существования, отражающий эволюцию лексики. Семантическая деривация, иными словами, изменение лексических значений, приводит к языковой многозначности. Обновление и изменение семантической структуры слова зависит от внутренних и внешних причин развития и совершенствования языка. Равным образом, как причины семантических трансформаций могут быть самыми разными, семантические изменения по своей природе могут также различаться, так как в их основе могут лежать различные закономерности: 1) расширение значения; 2) сужение значения; 3) смещение (сдвиг или перенос) значения [7, с. 148]. При расширении значения видовое понятие, присущее денотату, развивается в родовое, иначе говоря, имеет место генерализация. Расширение семантики слова, как правило, происходит в пределах одного лексико-грамматического класса. Сужение значения, наоборот, предполагает, что исходное значение выступает как родовое, а измененное — как одно из составляющих его видовых. Изменения третьего типа (смещение значения) в отличие от первых двух типов не идут постепенно, как правило, они проходят осознанно и могут быть признанными или непризнанными большинством носителей.

В настоящей статье мы обращаемся к рассмотрению семантической деривации на примере названий металлов, а именно слова *көмеш*. В процессе исследования нами были использованы толковые и этимологические словари татарского и других тюркских языков.

Необходимо отметить то, что номинация металлов представляет собой часть древнейшего основного фонда татарского языка. Данная лексико-тематическая группа восходит к древнетюркскому, и по этой же причине номинативные значения названий металлов общие в основном для всех современных тюркских языков. В татарском языке большинство данных лексем является, как правило, полисемантическими, как результат развития семантической структуры слова под воздействием экстралингвистических и внутриязыковых факторов. В отдельных же тюркских языках дальнейшее развитие лексико-семантических вариантов в некоторых случаях имеет общность, в некоторых же имеет и расхождения, так как обнаруживаются различные смысловые оттенки.

Существительное *көмеш* восходит к общетюркскому *gütüş=kümüш* (<*kütül*) > древнетюркский *күмүлч* от древнекитайского *киэм-лйеу* ‘золото-серебро’ (*kjät* – ‘металл’ + *ljan* – ‘чистое серебро’) [2, с. 449]. По всей вероятности, золото было первым металлом, который человечество начало использовать для изготовления украшений, предметов домашнего обихода и религиозного культа, и при этом золото и серебро считали одним металлом. Например, в современном якутском языке *кыһыл көмүс* – ‘золото’, *урун көмүс* – ‘серебро’. В татарском языке слово представлено в варианте – *көмеш*, башкирском – *көмөш*, киргизском – *күмүш*, казахском – *күміс*, кумыкском – *гюмюш*, крымско-татарском – *кумюш*, турецком, азербайджанском и туркменском – *gütüş*, узбекском – *kutush*, чувашском – *кёмёл* и др. Некоторые этимологи связывают происхождение слова *күмүш* с корнем *көм*=1) ‘засыпать, закапывать’; 2) ‘хоронить, погребать’; так же есть предположения общности с древнетюркской основой *көмүч* – ‘клад, сокровище’ [3, с. 314; 10, с. 97].

В татарском языке слово *көмеш* многозначно и имеет несколько лексико-семантических вариантов. Рассмотрим их.

Лексическая единица имеет номинативное значение ‘серебро, драгоценный блестящий металл серовато-белого цвета, химический элемент’: *Вөҗданымны сатмыймын алтын, көмеш һәм энҗегә*. М. Гафури. ‘Не продам свою совесть не за золото, не за серебро, не за жемчуг’. Данная сема является основной для большинства современных тюркских языков (башкирского, турецкого, туркменского, казахского, узбекского, кумыкского, крымско-татарского, киргизского, чувашского и др).

В ходе развития языка произошло расширение значения, и слово приобрело вторичную номинацию и стало обозначать ‘деньги или монеты из данного металла’: *Бәйгедә ул беренче урынны алды, хан ишарәсе буенча, аңа бер уч көмеш бирделәр*. А. Тимергалин. ‘Он выиграл в состязании, и по жесту хана, был одарен целой горстью серебряных монет’. Предположительно данный драгоценный металл начали использовать в качестве денег месопотамские торговцы около 700 года до нашей эры, а уже в 550 году появились первые серебряные монеты. С развитием товарных отношений серебро, как и золото, стало выразителем стоимости. Оно было дешевле золота, крупную торговлю удобнее было вести через посредство золота, мелкая же, более массовая, требовала серебра. Так, например, в некоторых тюркских языках сохранились смысловые оттенки: в чувашском *кёмёл* имеет значение ‘мелкая серебряная монета’, в гагаузском – ‘мелкая монета’.

Издревле татары украшали себя огромным количеством украшений из золота и серебра. В результате расширения значения, слово приобрело сему ‘ювелирное изделие из данного металла’: *Үзенең бар булган алтынарын, көмешләрен таккан, япанчасына энҗе-мәрҗәннәрен сипкән, бизәнгән*. А.Гыйләжев. ‘Он надел всё своё золото и серебро, накидка его богата украшена жемчугом’.

В татарском языке лексическая единица *көмеш* имеет и переносные значения, еще не утратившие образности. Первое из них ‘серебро, о ком-чём-нибудь имеющее серебристого цвета, блестящего’: *Миңа күп кирәкми: Тик назлы көлешең һәм сөеп сыйпавың Чәчемнең көмешен*. М.Жәлил. ‘Мне многого не нужно: лишь ласковый смех и нежные прикосновения к серебру моих волос’.

Лексическая единица в притяжательной форме является ласкательным обращением ‘данный судьбой, вторая половина, суженный’. Эта сема также используется в башкирском, турецком языках: *Кешеләр шушы ташлы-күмерле җирдә төпләнгәннәр, тамыр җиһбәргәннәр, өлешләренә тигән алтыннарын, көмешләрен тапканнар*. Д.Гыйсмәтов. ‘Люди обосновались на этих богатых камнем, углем землях, осели, нашли свою вторые половинки’.

В диалектах татарского языка можно проследить вариант *гөмөш* (бардымский диалект) в значении ‘позумент’. Рукоделие издревле было широко распространено у татар – серебряные и золотые нити, канитель использовались при вышивке, в данном случае произошел метонимический перенос наименования.

В толковом словаре башкирского языка с пометкой *миф.* представлено ещё одно значение – ‘мифический металл с функцией оберега’. Именно с серебром связано много различных поверий, этому металлу приписывают огромное количество свойств, которые помогают защищать и даже исцелять человека. В обрядовой практике татар серебро также занимает отдельное значение, например, при строительстве жилища, в четыре угла фундамента всегда закладываются серебряные монеты, в знак того, что это уберёжёт дом от нечистой силы и прочих неприятностей.

Как видим, лексико-семантическая структура слова – не застывшая категория, она подвержена постоянным изменениям. В основном эти изменения происходят по направлению расширения и семантического сдвига значений. Исходя из наших наблюдений, необходимо отметить, что при развитии лексико-семантических вариантов слова *көмеш* обнаруживаются сходства и, можно сказать, идентичность в большинстве тюркских языков. Сравнительное исследование развития, дифференциации значения слова в родственных языках дают ценные сведения для дальнейшего анализа истории семантического развития лексической единицы.

Список литературы

1. Академический словарь башкирского языка: в десяти томах / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011. Т. 1. 432 б.
2. Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда / Р.Г. Әхмәтъянов. Казан: Мәгариф-Вақыт, 2015. Т.1. 543 б.
3. Древнетюркский словарь. М.: Наука, 1969. 676 с.
4. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі / Жалпы редакциясын басқарған Т.Жанұзақов. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 968 б.
5. Казахско-русский словарь / Под ред. чл. корр. НАН РК Р.Г. Сыздыковой. проф. К.Ш. Хусаина. Алма-аты: Дайк-Пресс. 2008. 962 с.
6. Киргизско-русский словарь / Сост. К.К. Юдахин. М.: Советская Энциклопедия, 1965. 974 с.
7. Татар лексикологиясе: 3 томда / авт.: М.З. Зәкиев, Г.Р. Галиуллина, Р.Ф. Фәттахова, Ә.К. Булатова / проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина. Казан: ТӘҺСИ, 2015. Т. 1. 352 б.
8. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 6 томда. Казан: ТӘҺСИ, 2015. Т.3. 2017. 744 б.
9. Тратникова А.В. Понятие семантической деривации // Актуальные вопросы филологических наук : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2015 г.). Казань: Бук, 2015. С. 53–55.
10. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы К, Қ / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. М., 1997 368 с.
11. Türkçe sözlük. Ankara, 2005. 2244 s.
12. <http://solver.uz/>
13. <http://sostik.info>

10.02.19

А.Н. Гуров

Московский государственный лингвистический университет,
переводческий факультет,
кафедра испанского языка и перевода,
Москва, gurovan@inbox.ru

СЕМАНТИКА И ЗАЛОГОВЫЕ ФОРМЫ ОБРАТНО-КАУЗАТИВНЫХ ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

В работе рассматриваются залоговые особенности переходных глаголов, представлена классификация видов переходности. Основной акцент сделан на критическом анализе обратно-каузативных переходных глаголов.

Ключевые слова: залоговость, обратно-каузативные глаголы, категория залога, переходность, полукаузатив, каузация.

При исследовании залоговых особенностей переходных глаголов достаточно ясно определяются параметры актантной рамки предложения:

- центральная часть актантной рамки, которая выражает отношение каузации в плане переходности действия с субъекта на объект. В ее состав входят непосредственные участники действия: агентс и пациенс;

- периферийная часть актантной рамки, включающая (хотя и не всегда) актанты, которые дополнительно обуславливают процесс протекания действия (бенефициант, орудие действия).

Нам представляется, что как в испанском, так и в русском языке, каузация может использоваться как один из критериев классификации переходных глаголов. По этому параметру мы выделяем прямо-каузативные, обратно-каузативные и взаимно-каузативные переходные глаголы. В прямо-каузативных глаголах семантика переходности совпадает с направленностью отношения каузации. Субъект-агентс представляет собой основание каузации, объект-пациенс – вершина каузации [1].

Характерным для ситуаций с обратно-каузативными переходными глаголами является то, что каузативная вершина в них – агентс-субъект действия. Такие глаголы передают определенное состояние или изменение состояния субъекта действия, связанные с его отношением к объекту. Некоторые исследователи именуют такие глаголы полукаузативами, при этом разграничивая «полукаузативы действия, связанного с оценкой, и полукаузативы аффективного состояния» [3]. В первую группу входят глаголы: *уважать, ненавидеть, ценить, любить, простить и т.д.* Ко второй относятся: *одобрять, принимать, поддерживать, осуждать, опровергать, и т.д.*

Данные глаголы называют полукаузативными, поскольку их каузативная цепочка (O–S) вдвое беднее, чем в каузативах, где действие, произведённое субъектом, можно понять как реакцию на объект (O–S–O).

Нам представляется уместным именовать указанные типы глаголов обратно-каузативными, поскольку это позволит выделять как вершину, так и основание каузации.

Показательным является то, что семантика обратно-каузативных глаголов в отличие от прямо-каузативных непосредственно связана с умственным (рассудительным) или чувственным (эмоциональным) функционированием человека:

Они нас предали. Ellos nos han traicionado.

Учитель поддержал учеников. El maestro ha apoyado a los alumnos.

Мать очень любит своих детей. La madre quiere mucho a sus hijos.

Суд оправдал обвиняемого. El juzgado ha justificado al acusado.

В приведённых примерах видно, что семантика соответствующих глаголов (*предать, поддержать, любить, оправдать*) подразумевает некоторое отношение субъекта-агенса к объекту. Состояние субъекта здесь следует трактовать как вершину каузации, в то время как причиной (основанием каузации), вызвавшей определенное состояние субъекта (меняющееся или неизменное), является объект действия. Можно сказать, что объект подталкивает субъект к действию, обуславливает его реакцию.

В качестве предварительного вывода, можно отметить, что в обратно-каузативных глаголах каузация носит объектно-субъектный характер (**O-S**), а в прямо-каузативных – субъектно-объектный (**S-O**).

Каким бы ни был тип переходных глаголов, их основное предназначение – выразить направленность действия на объект. При использовании прямо-каузативных глаголов их объектно-ориентированная сущность действия совпадает с моделью каузации [2]. В случае обратно-каузативных глаголов объектная направленность действия и внутренняя каузативная модель не совпадают, так как вершиной каузации в этом случае выступает субъект-агент действия. Таким образом, можно говорить о несовпадении фактического развития действия и полученного результата. Развитие действия в обратно-каузативных глаголах связано с появлением некоторой реакции субъекта на объект, а результатом действия является состояние (оценка, чувство, отношение) субъекта.

Обратно-каузативные глаголы, позволяют, при определенных ограничениях, преобразование активной переходной конструкции в пассивную:

Эта практика была осуждена группой бельгийских правозащитных НПО, ... (МИД РФ, 07.02.2020)

Estamos convencidos de que este y otros pasos serán apreciados y comprendidos por todos los interesados internacionales que, en un momento dado, hayan podido albergar dudas sobre nuestro espíritu de colaboración con el resto del mundo. (Корпус ООН)

Функциональная направленность пассивных предложений с обратно-каузативными глаголами имеет принципиально иной характер: теперь она обращена к вершине каузации, т.е. к актанту, состояние которого претерпело изменения в результате (в ходе) осуществления действия. В представленных пассивных предложениях актант, ассоциируемый с вершиной каузации, подчеркнут.

Представляется важным обратить внимание на то, что пассивные предложения на основе глаголов совершенного вида прошедшего времени носят описательный характер: передают уже осуществленное действие, пассивная конструкция показывает фактический результат этого действия. В пассиве на первое место выходит пациент, в отношении которого осуществлялось некоторое действие. При этом функция агенса становится менее значимой, зачастую он просто опускается. В целом пассивное предложение выражает изменившееся отношение к пациенту. Стоит уточнить, что в отличие от русского языка, в испанском для передачи пассивного прошедшего действия при отсутствии агенса используется возвратная (местоименная) пассивная конструкция, а при его наличии – причастная:

В ходе дискуссии были признаны многие бесспорные преимущества быстрого развития технологий. (Корпус ООН)

Durante el debate se reconocieron los numerosos e innegables beneficios de los rápidos adelantos tecnológicos. (Корпус ООН)

Algunos incidentes fueron reconocidos por las fuerzas de seguridad internacionales.

В пассивных конструкциях на базе обратно-каузативных переходных глаголов в форме несовершенного вида прошедшего времени как в русском, так и в испанском языках используется возвратная пассивная форма глагола:

Особо признавалась важность обеспечения надлежащих ресурсов для переподготовки рабочей силы. Se reconoció especialmente la importancia de destinar recursos suficientes para el readiestramiento de los trabajadores. (Корпус ООН)

В данных типах предложений наблюдается характерное для обратно-каузативных глаголов совпадение каузативной модельной рамки (от основания к вершине) и реального процессуального развития действия.

Таким образом, в конструкциях активного залога на базе обратно-каузативных переходных глаголов мы можем говорить о несовпадении каузативной и реальной модельных рамок, а в пассивных конструкциях на базе тех же глаголов, наоборот, можно говорить о совпадении этих рамок.

Кроме того, к обратно-каузативной группе помимо глаголов эмоционально-оценочной семантики, на наш взгляд, следует отнести и глаголы, которые способны выражать определенное ментальное действие или состояние субъекта: *estudiar, comprender, ver, oír, olvidar* и т.д., поскольку каузативной вершиной в них является некоторое состояние субъекта, связанное с ментальным или чувственным восприятием объекта:

*Мы располагаем знаниями, потому что мы **изучали** историю, **знакомы** с опытом многих стран мира и **наблюдали**, как живут наши коллеги.*

*Tenemos conocimientos porque **hemos estudiado** historia, **hemos visto** las experiencias de muchos países en todo el mundo y **hemos observado** a nuestros colegas vivir sus vidas.* (Корпус ООН)

*Однако дело **было рассмотрено** Высшим юридическим советом, который заключил, что магистраты, деятельность которых была приостановлена, совершили профессиональные ошибки.*

*No obstante, el caso **fue estudiado** por el Consejo Judicial Superior que resolvió que los magistrados suspendidos habían cometido fallas deontológicas.* (Корпус ООН)

Представляется важным отметить, что обратно-каузативные отношения могут выражать не только глаголы с переходной семантикой, но также глаголы с непереходной семантикой: *Она устала от уборки.*

Итак, в отличие от прямо-каузативных глаголов, в обратно-каузативных семантика переходности не совпадает с направленностью отношения каузации; основанием каузации в этом случае выступает объект, а вершиной каузации является субъект-агенса. При этом, результатом действия является некоторое состояние (изменение состояния) субъекта-агенса.

Список литературы

1. Гуров А.Н. Функциональная семантика и позиции актантов в синтаксических конструкциях с переходным глаголом (на материале испанского, русского и английского языков), дисс. ... канд. фил. наук. – М., 2013, стр. 57.
2. Гуров А.Н. Казанская наука // Рашин Сайнс. – 2020. - № 5. – С. 130.
3. Иванов Н.В. Актуальное членение предложения в текстовом дискурсе и языке (по материалам сопоставительного изучения португальских и русских текстов): монография. – М.: Азбуковник, 2010, стр. 155-157.

10.02.19

С.А. Егорова, Я.В. Попова канд. филол. наук

Сибирский федеральный университет,
Институт филологии и языковой коммуникации, лингвистика,
кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации,
Красноярск, yegorova.sonya@gmail.com

АКТУАЛИЗАЦИЯ ХЕЙТСПИЧ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПРЕДВЫБОРНЫХ ЛОЗУНГАХ

В статье систематизируются подходы к определению актуального понятия «хейтспич». В качестве эмпирического материала, наглядно демонстрирующего лингвокоммуникативные средства репрезентации хейтспич в немецкоязычном пространстве, рассматриваются предвыборные лозунги политической партии ФРГ Alternative für Deutschland. Авторы выделяют наиболее частотные способы актуализации хейтспич, такие как эвфемизация, пейорация, инвективизация.

Ключевые слова: *хейтспич, политическая коммуникация, предвыборный лозунг, эвфемизация, инвективизация, пейорация.*

Развитие информационной эры предполагает развитие новых средств коммуникативного взаимодействия и воздействия. Буллинг (bullying), троллинг (trolling), digital-агрессия и хейтспич (hate speech) - актуальные явления, которые представляют интерес для учёных из разных областей научного знания.

Пространством функционирования феномена «хейтспич» выступают СМИ и Интернет (посты в социальных сетях, комментарии к постам и в форумах, личные сообщения), другие сферы массовой культуры (литература, кинематограф, музыка). Особый формат приобретает хейтспич в сфере политической коммуникации (речи политических деятелей, политические дебаты, популистские плакаты и лозунги, предвыборные кампании кандидатов). Материалом данного исследования послужили немецкоязычные лозунги политической партии ФРГ Alternative für Deutschland.

Оксфордский словарь определяет хейтспич (hate speech) как «speech or writing that attacks or threatens a particular group of people, especially on the basis of race, religion or sexual orientation» [6]. Онлайн-словарь Macmillan Dictionary характеризует данное понятие как «a statement expressing hatred for a particular group of people» [5].

В немецкоязычном пространстве термин хейтспич всё чаще используется в своем калькированном варианте – Hassrede. Толковый словарь Duden определяет Hassrede как «Hassbotschaften enthaltende [öffentliche] Rede» (речь, заключающая проявление ненависти), а также как «Hass verbreitende Art des Sprechens oder Schreibens» [4].

На сайте агентства Bundeszentrale für politische Bildung можно найти следующую интерпретацию Hassrede: «Wenn Menschen abgewertet, angegriffen oder wenn gegen sie zu Hass oder Gewalt aufgerufen wird, spricht man von Hate Speech. Oft sind es rassistische, antisemitische oder sexistische Kommentare, die bestimmte Menschen oder Gruppen als Zielscheibe haben». [3].

В русском языке термин хейтспич всё чаще функционирует в калькированном с английского языка виде, и соотносится с такими явлениями как «язык вражды» или «риторика ненависти». Исследователи характеризуют язык вражды как проявления религиозной или национальной интолерантности в средствах массовой информации [1].

Итак, феномен хейтспич представляет собой вербальное выражение ненависти по отношению к представителям какой-либо группы по признакам их расовой, сексуальной, религиозной, национальной принадлежности, а также их сексуальной ориентации, внешности, физических и умственных способностей, проявляющее такие типы дискриминации, как расизм, антисемитизм, сексизм, гомо- и трансфобии, антицыганизм, эйблизм, классизм, лукизм и т.д.

Рис. 1 – Рекламный плакат
AfD – shorturl.at/gtxyI

Рис. 2 – Рекламный плакат
AfD 2017 г. – shorturl.at/ijfS3

Рис. 3 – Рекламный плакат
AfD – shorturl.at/GRS18

В политических лозунгах правопопулистской партии Alternative für Deutschland (Альтернатива для Германии) явление хейтспич встречается достаточно часто (рис. 1, 2, 3). Партия поддерживает идеи антифеминизма, евроскептицизма (критика и неприятие Европейского союза), а также ксенофобии, включая ее разновидности и тенденции: исламофобию (негативное отношение к исламу и явлениям, связанным с ним), антисемитизм (негативное отношение к евреям как к этническому сообществу).

Например, обратимся к лозунгу (рис. 1), который состоит из вопроса «Was haben das dicke koreanische Kind und die EU gemeinsam?» (Что общего между толстым корейским ребенком и Европейским союзом?) и ответа «Das Demokratie-Verständnis» (Понимание демократии). На фоне текста изображен Председатель Государственного совета Корейской Народно-Демократической Республики Ким Чен Ын, которого авторы текста саркастично именуют «das dicke koreanische Kind». Прилагательное-этноним негативно-коннотированный эпитет в сочетании с номинацией «ребёнок» направлены на унижение культурной самодостаточности корейского лидера. Хейтспич актуализируется в данном случае с помощью эвфемистической замены имени собственного, обладающей инвективным потенциалом. Написание через дефис ключевых лексем в сочетании с определённым артиклем помогает расшифровать импликацию. Демократический режим Европейского союза приравнивается к тотальной диктатуре в Народной Демократической Республике.

Идея евроскептицизма вербализуется посредством вопросительной конструкции и определяет в целом отношение партии AfD к Европейскому союзу, что достаточно часто является причиной применения хейтспич.

Следующий пример (рис. 2) также представлен вопросом «„Neue Deutsche?“» (Новые немцы?) и последующим ответом «Machen wir selber!» (Мы сделаем сами!). Понятие "Neue Deutsche" в данном контексте представляет собой цитату из программы партии-оппонента Christlich Demokratische Union Deutschlands (Христианско-демократический союз Германии) «Zu unserem Land gehören alte und neue Deutsche ...» (Наша страна как для старых, так и для новых немцев). Речь идёт о мигрантах, проживающих на территории Германии в условиях настоящего миграционного и религиозного кризиса в стране. Хейтспич реализуется с помощью средств бинарной оппозиции "свой-чужой", где личное местоимение 2 лица множественного числа противопоставлено словосочетанию с этнонимом. Выражение ненависти по отношению к группе лиц определённой религиозной и национальной принадлежности усилено изображениями на плакатах, которые сопровождаются данным лозунгом. Гиперболизированное стереотипное представление о "чужих" передано с помощью специфического изображения их внешности.

Следующий пример хейтспич (рис. 3) также демонстрирует отношение ряда немцев к мигрантам и лицам, исповедующим ислам. Текст представлен вопросом, что в некоторой степени должно редуцировать негативную нагрузку, переводя категоричное утверждение в разряд риторического вопроса. «Der Islam?» (Ислам?). Однако следует ответ: «Passt nicht zu unserer Küche» (Не для нашей кухни), на фоне текста мы видим изображение свиньи, "грязного" животного, запрещённого в исламе даже для приёма в пищу. Ругательства с номинацией "свинья", использование данной лексемы по отношению к представителям ряда восточных лингвокультур являются крайне оскорбительными. В данном контексте инвективный потенциал частично смягчается с помощью лексемы "кухня", которая задаёт другой контекст. Однако импликатура сообщения поддаётся декодированию с помощью средств бинарной оппозиции "свой-чужой" и номинации "Ислам".

Подводя итог, можно отметить, что явление хейтспич входит в инструментарий политической коммуникации, выполняя конкретные манипулятивные функции. Благодаря влиянию средств массовой информации этот манипулятивный потенциал усиливается. Рассматривая примеры лозунгов политической партии Альтернатива для Германии, можно отметить, что формирование хейтспич на вербальном уровне осуществляется за счет средств эвфемизации, инвективизации и пейорации. В рассматриваемых лозунгах для репрезентации хейтспич чаще всего применяются этнонимы и лексика с религиозной семантикой. Также можно отметить, что текст зачастую построен в виде вопросительного предложения, которое предшествует утвердительному высказыванию. На невербальном уровне основными средствами актуализации хейтспич являются изображения, иллюстрирующие закодированные в тексте смыслы, что помогает реализовать подтекст.

Список литературы

1. Верховский А.М. Язык вражды против общества, 2007 Москва Центр «Панорама» Язык вражды против общества: (сб. статей) / сост.: А. Верховский. – М.: Центр «Сова», 2007. – 259 с.
2. Article 19 // Разъясняя «язык вражды»: Практическое пособие – 2019. Policy Brief [Электронный источник] URL: shorturl.at/hkwIU (дата обращения: 01.05.2020)
3. Bundeszentrale für politische Bildung [Электронный источник] URL: shorturl.at/ghlV2 (дата обращения: 10.04.2020)
4. Hassrede // Duden [Электронный источник] URL: shorturl.at/foFS1 (дата обращения: 10.04.2020)
5. Hate speech // Macmillan Dictionary [Электронный источник] URL: shorturl.at/kswQZ (дата обращения: 10.04.2020)
6. Hate speech // Oxford Dictionary [Электронный источник] URL: shorturl.at/yzAC1 (дата обращения: 10.04.2020)

10.02.19

С.Б. Какваева канд. филол. наук

Дагестанский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра теоретической и прикладной лингвистики,
Махачкала, sabri02@mail.ru

ЗАЛОГ И ЗАЛОГОВОСТЬ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается залог, понимаемый как преобразование синтаксической структуры предложения: подлежащее и дополнение как бы меняются местами, и этот факт отражается в форме глагола. В русском языке при этом переходный глагол несовершенного вида заменяется возвратным глаголом в страдательном значении. А в семантически ролевых языках такая замена в принципе невозможна, поскольку роль агенса кодируется только эргативным падежом, а роль пациенса – только абсолютным (номинативным) падежом, с которым сказуемое согласуется в спрягаемых формах.

Ключевые слова: *залог, переходные глаголы, эргативный падеж, дуративное деепричастие, аффиксальное словообразование, агенс, биноминативная конструкция, предикат, пациенс.*

Как известно, в центре внимания лингвистов оказывается *Рабочие строят дом – Дом строится рабочими*), глагол совершенного вида заменяется краткой формой страдательного причастия (*Рабочие построили дом – Дом построен рабочими*). А в семантически ролевых языках такая замена в принципе невозможна, поскольку роль агенса кодируется только эргативным падежом, а роль пациенса – только абсолютным (номинативным) падежом, с которым сказуемое согласуется в спрягаемых формах.

Однако, на наш взгляд, в поле залоговости находятся не только переходные глаголы. К залоговым могут быть отнесены более общие, универсальные значения, определяемые как действие / событие, процесс, состояние. Эти значения могут выражаться как в грамматике (морфологической форме предиката и типом синтаксической конструкции), так и на лексическом уровне. Лексический способ выражения представлен, на наш взгляд, в случае с лексемами типа *садиться* (процесс) – *сесть* (событие) – *сидеть* (состояние) в русском языке (см. также *ложиться – лечь – лежать, вешать – повесить – висеть*). По законам экономии языковых средств такие универсальные значения предрасположены к грамматикализации. В русском языке в центре этого процесса оказываются в основном переходные глаголы, поскольку «действительные» и «страдательные» значения отражаются в форме предиката и в синтаксических отношениях, лексические же способы обозначения действия, процесса и состояния находятся на периферии языка. При этом исходными считаются значения действительного залога (субъект в роли подлежащего), а страдательные конструкции считаются производными (прямой объект в роли подлежащего).

Однако в русском языке глагол может принимать показатель пассивного залога и в таких конструкциях, в которых подлежащее исходной структуры (семантический агенс) никак не выражено. Более того, как отмечает В.Г. Плунгян, такого рода «безагентивный» пассив является более распространённым, чем агентивный, т.е. предложения типа: (1а) *Разговор был прерван*, (2б) *Занятия проводились на открытом воздухе*, (1в) *В инструкции сообщались правила обращения с пейджером* – более типичны и в русском языке. Эти конструкции отнесены к пассивным, поскольку сказуемые в них выражены или возвратными глаголами в страдательном значении (1б, 1в), или кратким страдательным причастием (1а). Синонимичные конструкции (1а1) *Разговор прервался*, (1б1) *Занятия прошли на открытом воздухе*, (1в1) *Инструкции сообщали о правилах обращения с пейджером*, вероятно,

относятся к действительным, хотя и в них подлежащее выступает в семантической роли пациенса. То есть, залог в русском языке жёстко привязан, во-первых, к переходным агентивным глаголам, во-вторых, меняется способ выражения глагола-сказуемого, в-третьих, повышается синтаксический ранг прямого дополнения до подлежащего. И ещё один существенный момент – пассивные конструкции в русском языке, как и соотносительные с ними активные, указывают в большей степени на результативность действия, а не состояние.

Такой тип «безагентивных» конструкций, соотносительных с переходными глаголами, встречаются и в дагестанских языках. Например, в лакском:

2) *Жул шяраву чIярусса цIусса къатри* (4 кл.) *дурну дур* 'В нашем селе построено много новых домов'

3) *Жул шяраву чIярусса цIусса къатри* (4 кл.) *дуллай бур* 'В нашем селе строят (/строится) много новых домов'

4) *Хъуру ттихIайссар августрай* 'Поля убирают (жнут) в августе'

В принципе безагентивные предложения в лакском языке очень близки, а иногда и совпадают (как в (2)) со страдательными оборотами русского языка. Сочетание перфектного деепричастия с бытийной связкой полностью соответствует краткому причастию (в нашем примере с нулевой связкой) русского перевода, при этом оба компонента сказуемого в классе согласованы с подлежащим (семантическая роль пациенса).

В (3) сказуемое, выраженное дуративным деепричастием в сочетании с связкой, обозначает процесс, при этом в классе деепричастие согласуется с именем в номинативе, а связка классным показателем (**б-**) указывает на отсутствующий личный (люди) агенс во мн. ч., что соответствует неопределённо-личному предложению в русском языке. Хотя актант в форме аккузатива в русском эквиваленте интерпретируется как прямое дополнение, но по значению оно близко к подлежащему, а сама конструкция синонимична страдательному обороту. Поскольку в форме сказуемого в лакском языке отражена трансформация конструкции (классное согласование), то нет оснований исключать такие преобразования из поля залоговости.

Не меньший интерес представляет и конструкция (4): сказуемое в личной форме настоящего категорического итератива в хабитуальном значении соответствует обобщённо-личному предложению в русском языке, которое тоже легко трансформируется в страдательный оборот (*Урожай с полей убирают в августе* – *Урожай с полей убирается в августе*). Форма, образованная от итеративного причастия типа *ттихIайссар* тоже характеризует конструкцию, скорее страдательную. Изменяющиеся по классам глаголы согласуются в классе с именем в номинативе – в анализируемых конструкциях – с пациенсом: *Ххулув* (3 кл.) *ттукрай буххайссар* 'Сено на ослах возится'.

Таким образом, в безагентивных конструкциях с переходными глаголами, во-первых, повышается синтаксический статус пациенса (прямого дополнения), во-вторых, в пассивизации используется специальный механизм – устранение агенса, в-третьих, сказуемое имеет особые формы, реализуемые в такой трансформации. Всё это позволяет подвергнуть сомнению установившийся тезис о залоговой нейтральности глагола в дагестанских языках.

В лакском языке наблюдаются не только «безагентивные» предложения, обозначающие состояние, но и «беспациентивные» (безобъектные). Ср.:

(5) *На дукра* (4 кл.) *дукав* 'Я поел (букв.: еду поел)' – биноминативная конструкция с агентом, выраженным местоимением 1 лица, сказуемое в лице согласуется с агенсом (**-ав**), а в классе с пациенсом (**д-**).

(51) *На дуркуну ура* 'Я сыт (букв.: я поемши есть)' – конструкция, обозначающая состояние лица. Сравним также:

(6) *Мусал хIарчIун дур* 'Муса выпил (букв. Муса выпивши есть)' – «беспациентивная» эргативная конструкция (обобщённый объект «спиртное» опущен), действительный оборот. Оба компонента сказуемого в классе согласуется с опущенным объектом (*хIан* 'спиртное').

(61) *Муса* (1 кл.) ***х1арч1ун***(4 кл.) ***ур*** (1 кл., 3 л., ед.ч.) ‘Он пьян’ – биноминативная конструкция с опущенным объектом. Деепричастие аналитического сказуемого согласуется с опущенным объектом, а спрягаемая часть и в классе, и в лице согласуется с субъектом. Ср.: *Ина* (1 кл., 2 л., ед.ч.) ***х1арч1ун ура*** ‘Ты пьян’ – *Зу* (1 кл., 2 л. мн.ч.) ***х1арч1ун бурр*** (1 кл., 2 л. мн.ч.) ‘Вы пьяны’.

Конструкции (51) и (61) не могут быть формально отнесены к страдательным оборотам, поскольку в них синтаксические отношения не меняются: подлежащее не теряет своего ранга, меняется только его семантическая характеристика: субъект действия (агенса) становится субъектом состояния (пациентом).

Такие трансформации возможны и при сохранении объекта:

(7) *Буттал* чу (3 кл.) ***бавххунни*** ‘Отец продал лошадь’ – (71) *Пну чу бавххуну ур* ‘(букв.) Отец продал лошадь есть’ / *На* (1 кл., 1 л.) чу (3 кл., 3 л.) ***бавххуну ура***. В эргативной конструкции (7) сказуемое согласуется с объектом в номинативе и в классе, и в лице. В биноминативной конструкции (71) деепричастие в классе согласуется с объектом, а спрягаемая часть согласуется с субъектом и в классе (нулевой показатель 1 кл.), и в лице (-ра). Связь смысловой части сказуемого с объектом (прямым дополнением) является более тесной, субъект в номинативе является главным претендентом на роль подлежащего по всем признакам: онтологическому (название лица), коммуникативному (тема сообщения) и синтаксическому (контролёр согласования спрягаемой части сказуемого).

В лакском языке в связи с неразвитостью аффиксального словообразования в сфере глагольной лексики, в роли сказуемых часто выступают фразеологически связанные сочетания с разной степенью слитности компонентов. Когда позиция прямого объекта при переходном глаголе в таких семантически слитных сочетаниях оказывается занятой именным компонентом фраземы, реальный (семантический) прямой объект сложного предиката принимает форму одного из местных падежей. Такой «непрямой объект» при пассивизации может занять место реального прямого объекта (пациента) и повыситься до статуса подлежащего «безагентивной» пассивной конструкции. Например:

(8) *Буттал* (эргатив) *чай* (суперэссив) *к1или* (номинатив) ***дирххунни*** ‘Отец оседлал лошадь (букв.: на лошадь седло положил)’ – *Чу* (3 кл., номинатив) *к1или* ***дирххуну*** (4 кл. д-...-р) ***бур*** (3 кл. б-) ‘Лошадь оседлана’.

Залоговые преобразования в русском языке связываются в основном с переходными глаголами, а возвратные глаголы, не имеющие страдательного значения, представлены как лексико-грамматические разряды глаголов действительного залога [4., 615-618].

Если в русском языке залог связывается только с переходными глаголами, то в дагестанских языках он может иметь отношение и к непереходным глаголам – и к агентивным, и, особенно, к пациентивным, обозначающим переход из одного состояния в другое. Это можно продемонстрировать на примере агентивного одновалентного глагола действия *цйик1ан* ‘сесть’. Такие глаголы выступают в трёх онтологических характеристиках (понятийных категориях), которые, на наш взгляд, тоже относятся к полю залоговости. Ср.:

(а) *Къужа цйик1лай ур* ‘Старик садится’ (процесс-действие)

(б) *Къужа цйивк1унни* ‘Старик сел’ (переход в состояние)

(в) *Къужа цйивк1ун ур* ‘Старик сидит’ (состояние)

При этом состояние может быть результатом действия и переходного глагола *цйитан* ‘посадить’:

б1) *Оьрч1ал къужа бургьилу цйивтунни* ‘Мальчик посадил старика на солнышко (=греться)’ – (в) *Къужа бургьилу цйивк1ун ур* ‘Старик сидит на солнышке’ (как результат переходного действия); (в1) *Къужа бургьилу цйивтун ур* ‘Старика посажен на солнышко’ (букв.) // ‘Старика посадили на солнышко’ (для перевода второй вариант – неопределённо-личное предложение – более адекватен).

«Страдательные обороты», т.е. безагентивные конструкции с перфектными деепричастиями в сочетании со спрягаемым компонентом часто употребляются при описаниях и обозначают состояния, являющиеся результатом действия, направленного на объект: *Чпанкъатлувун хъаттирду дирчуну дия* 'На пол были постелены ковры'; *Магъулу лампа лархъун дия* 'Под потолком была повешена (= висела) лампа'.

Список литературы

1. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка.
2. Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. – Изд-во «Наука», М., 1980
3. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в пролематику. – М. Книжный дом «Либроком», 2010, - 384 с.
4. Шведова Н.Ю (ред.) Русская грамматика. – Изд. «Наука», М., 1982.
5. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. 1У. Лакский языка. – Тифлис, 1890
6. Эльдарова Р.Г. Лаксий глагол (Структура и семантика глагольного слова. Категории вида и залога. Вербоиды) – Махачкала, ИПЦ ДГУ, 1993

10.02.19

С.Б. Какваева канд. филол. наук

Дагестанский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра теоретической и прикладной лингвистики,
Махачкала, sabri82@mail.ru

АКТАНТНАЯ ДЕРИВАЦИЯ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена изучению типов актантной деривации, которые связаны с семантическими преобразованиями в лакском языке и отмечены повышающей деривацией. Актантная деривация в лакском языке связана, во-первых, с образованием переходных глаголов от непереходных, и, во-вторых, с образованием каузативных глаголов от глаголов переходных. В обоих случаях в качестве вспомогательного глагола используется глагол бан 'сделать', но между составными переходными глаголами и каузативными глаголами наблюдаются семантические различия, связанные в том числе, и с референциальными значениями актантов. Также следует отметить, что в лакском языке мало глаголов, противопоставленных на лексическом уровне по признаку переходности-непереходности.

Ключевые слова: залог, актантная деривация, признак переходности-непереходности, транзитивная деривация, каузативной деривации, перфектный вид, возвратное местоимение.

Как считает В.А.Плунгян, между залогом и актантной деривацией нет жёсткой границы. «Часто одни и те же показатели (типа уже известного нам русского –ся) выполняют как ту, так и другую функцию и, более того, часто в таких случаях корректнее говорить не об омонимии этих показателей, а о некотором едином значении (например таком, которое лежит в основе так называемого «среднего залога», или медия. Тем не менее, синкретизм залога и актантной деривации имеет место не во всех случаях, и с обще типологической точки зрения полезно указать на различие между этими категориями» [3, 208].

Основное различие между залогом и актантной деривацией усматриваются в том, что залоговые преобразования изменяют прагматическую интерпретацию ситуации, но никогда не затрагивают её собственно семантическую интерпретацию. Состав участников ситуации и их семантические роли остаются неизменными при переходе от исходного к производному залого, в том числе и в пассивных конструкциях с нулевым агенсом, как это наблюдается и в лакском языке (см.: Хьуру ттирхлуну дур 'Нивы сжаты'). При актантной деривации, как считает В.А.Плунгян, происходят семантические преобразования исходной структуры, при этом меняется состав и/или референциальные свойства участников ситуации. Залог им определяется как частный случай актантной деривации, охватывающей более широкий класс явлений, описываемых как «преобразование актантной структуры» [Там же].

Среди типов актантной деривации, связанных с семантическими преобразованиями, в лакском языке отмечена повышающая деривация. Она связана, во-первых, с образованием переходных глаголов от непереходных, и, во-вторых, с образованием каузативных глаголов от глаголов переходных. В обоих случаях в качестве вспомогательного глагола используется глагол бан 'сделать', но между составными переходными глаголами и каузативными глаголами наблюдаются семантические различия, связанные в том числе, и с референциальными значениями актантов.

Следует отметить, что в лакском языке мало глаголов, противопоставленных на лексическом уровне по признаку переходности-непереходности. К ним относятся прежде всего глаголы бан 'сделать' и хьун 'стать, случиться', которые и являются базовыми вспомогательными глаголами при вербализации имён и неавтономных (аморфных) слов, ср.:

гъели бан 'согреть' – гъели хьун 'согреться' (гъелисса 'тёплый'), дяъви бан 'поругать' – дяъви хьун 'разругаться' (дяъви 'ссора, война'), гъаз бан 'поднять' – гъаз хьун 'подняться' (гъаз самостоятельно не употребляется).

Среди глаголов, противопоставленных по признаку переходность-непереходность можно отметить следующие пары: бик1ан 'быть' – битан 'оставить, позволить', багъан 'упасть' – бутан 'уронить, бросить', буч1ан 'прийти' – буцин 'привести'. Отмечается также группа диффузных (лабильных) глаголов, обозначающих как непроизводное, так и производное действие, типа бивч1ан 'умереть' – 'убить', гъагъан 'сломаться' – 'сломать'. Они составляют около 8% непроизводных глаголов.

Переходные глаголы обозначают, как правило, физические действия субъекта (семантическая роль агенса), направленные на прямой объект (семантическая роль пациенса), направленные на его создание, обработку, использование и т.д. Среди непроизводных глаголов такие лексемы (57 единиц) составляют около 28 %. Большинство корневых глаголов (126 лексем) относятся к непереходным глаголам (около 63%). Но такие подсчёты являются приблизительными, поскольку большинство из них являются многозначными, при этом часть производных значений являются переходными, например, буккан 'выйти': 1. къатлува буккан 'выйти из дома'; 2. хъунт1а дуккан 'выкопать яму'; 3. аьш дуккан 'провести линию' и др. От непереходных глаголов образуются переходные при помощи вспомогательного глагола бан 'сделать', который сочетается с перфектным инфинитивом основного глагола: буккан 'выйти' → буккан бан 'вывести'; къакъан 'высохнуть' → къакъан бан 'высушить'; лекъан 'обрушиться' → лекъан бан – 'обрушить'. В данном случае происходит транзитивная деривация, которую следует отличать от каузативной деривации. При транзитивной деривации субъект может быть как личным / одушевлённым, так и неличным, прямой объект при этом является неодушевлённым. Ср.:

(1) Ниттил (эргатив) кураг къакъан бувунни 'Мать высушила курагу'

(2) Бургъил (эргатив) уртту къакъан дурунни 'Солнце высушило траву'

При этом референтная соотнесённость участников ситуации влияет на семантику эргативного падежа, который приобретает значение инструмента или причины, как в (2).

Транзитивная деривация становится ближе к каузативной, когда и агенс, и пациенс производного глагола являются личными (или одушевлёнными) именами:

(3) Ниттил (эргатив) ппалату оьл (номинатив) буккан бувунни 'Мать вывела (выгнала) из хлева корову' – значение приобретает значение каузации 'заставить'.

Отметим, что транзитивной деривации подвергаются не только глаголы физического действия («эргативные» глаголы), но и глаголы перцептивные и ментальные: баян 'услышать' → баян бан 'объявить', бувч1ин 'понять' → бувч1ин бан 'объяснить'.

При каузативной деривации актантной деривации подвергаются переходные и лабильные (в переходном значении) глаголы. В таких конструкциях совмещены две ситуации: ситуация каузации и ситуация агентивного действия Ср.:

(4) Оьрч1ал чагъар чивчунни 'Мальчик написал письмо' → 5) Ниттил оьрч1ахь чагъар чичин бувунни 'Мать заставила мальчика написать письмо'. В (4) в эргативе стоит фактический субъект действия (оьрч1ал), в (5) эргативом оформлен субъект каузации (ниттил), а субъект самого действия стоит в косвенном падеже с адресатным значением (оьрч1ахь). Можно сказать, что по отношению к агенсу переходного глагола такая деривация является понижающей: высший ранг переходит к агенсу каузации в ущерб агенсу действия. Вопрос о том, как в таких конструкциях распределяются синтаксические отношения, в литературе по лакскому языку не обсуждается. На наш взгляд, на позицию подлежащего в таких конструкциях претендует имя в эргативе (каузирующий агенс), а агенс реального действия становится непрямым дополнением.

Когда каузатором является 1-2 лицо, возможны варианты в двумя и тремя членами в номинативе:

(6) На (1л. ном.) арснахь (адрессив) чагъар (3 кл., ном.) чичин бав (л., 3 кл.) ‘Я сына заставила письмо написать (= сын написал по моей просьбе)’ – (61) На (1 л.) арс (номин., 1 кл., 3 л.) чагъар (ном., 3 кл., 3 л.) чичин ав (1кл. , 3 л.) ‘Я заставил сына написать письмо ’ – спрягаемая часть глагола в лице и классе согласуется с объектом каузации арс ‘сын’, основной глагол, если он классный, согласуется с объектом действия (... чагъар буккин ав ‘заставил прочитать ’). Конструкция (61) отражает более категоричное воздействие каузатора (‘заставить’ – при некотором нежелании объекта каузации-субъекта действия).

Ещё один нюанс, на который следует обратить внимание: каузативная деривация в лакском языке по сравнению с русским предельно грамматикализована: глагол бан ‘сделать (в значении ‘заставить’)’ является единственным и предельно абстрагированным способом обозначения каузативного значения – в русском языке в этом значении употребляются глаголы заставить, велеть, принудить и др.

Конструкции с каузативными глаголами больше имеют отношение как к морфологии, так и к синтаксису. Каузативные глаголы в словарях не фиксируются, в отличие от составных глаголов с транзитивным значением.

Образуя каузативы, глагол бан сочетается, как указано выше, с инфинитивом переходных глаголов перфектного (однократно-результативного) вида: бусан ‘рассказать’ – бусан ан ‘заставить рассказать’. Сочетаясь с формами глаголов других видов, он вносит изменения и в их семантику. Так, в сочетании с «краткими» причастиями несовершенного (дуративного) вида каузативная связка бан образует номинации, обозначающие длительное или интенсивное каузированное действие: канан ‘есть, пастись’ → канаки бан ‘пасти’, лихълан ‘убегать’ → лихълахъи бан ‘разогнать’, буслан ‘рассказывать’ → бусласи бан ‘заставить (уговорить) рассказывать’ и под. В сочетании с «краткими» причастиями повторного (итеративного) вида непереходных и переходных глаголов, каузативная связка бан образует номинации, обозначающие каузированные свойства объектов: лихъаван ‘убегать’ → лихъай бан ‘заставить (сделать способным) убегать’, бусаван ‘рассказывать’ – бусай ан ‘заставить (научить) рассказывать’. Но, в отличие от собственно каузативов модели «инфинитив + бан», в конструкциях с причастиями может быть не только глагол бан, но и хъун: иллали хъун ‘стать драчливым’, ч1у бай хъун ‘стать слышащим (преодолеть глухоту)’.

Поэтому собственно каузативные значения имеют сочетания инфинитива перфектного вида с глаголом бан.

Оператор каузации бан является морфолого-синтаксическим средством фактитивной деривации, при которой заинтересованным в действии лицом является каузатор.

В актантной деривации – изменении актантной структуры исходного глагола – в лакском языке участвует и глагол битан ‘оставить, позволить, дать возможность’. При этом возникает пермиссивная каузативная конструкция, когда в действии заинтересовано само действующее лицо, а роль каузатора пассивна – он не препятствует (или препятствует) субъекту самому совершить действие. При этом субъект пермиссивной каузации тоже оформляется эргативом, а субъект действия – номинативом. При переходных глаголах, таким образом, возникает биноминативная конструкция, в которой субъект и объект основного действия оформлены одним и тем же падежом: (6) Буттал (эрг.) арс (ном.) машина (ном.) ласун ивтунни ‘Отец разрешил сыну купить машину’. Если субъект пермиссивной каузации выражен личными местоимениями 1-2 л., то в конструкции возможны три номинатива: (7) На (ном.) арс (ном.) машина (ном.) ласун итав ‘Я позволил сыну машину купить’.

Повышающая актантная деривация с пермиссивным оператором битан ‘допустить, попустительствовать’ / къабитан (с отрицательным значением) возможна и с непереходными глаголами: уххан ‘войти ’ → уххан итан ‘впустить’: (8) На (ном.) учительнал (эрг.) классравун уххан къаивтунна ‘Меня учитель не впустил (не разрешил войти) в класс ’.

В лакском языке отмечена ещё одна конструкция, имеющая отношение к полю залоговости и актантной деривации [6, 37]. Она образуется при помощи вспомогательного глагола биклан / къабиклан ‘быть/ не быть’ в сочетании с инфинитивом основного глагола: аькъин иклан ‘дать (себе) простудиться’, ух хъун иклан ‘допустить (себе) проиграть’, ух ан

ик1ан ‘допустить (себе) быть побеждённым’. В таких конструкциях субъект действия или состояния (обычно – лицо) является претерпевающим по собственной вине. Часто такие предикаты употребляются в отрицательных или запретительных формах: (9) Ява, аькьин маик1ара ‘Смотри, не простудись (не давай себе простудиться)!’

Такую конструкцию условно можно назвать пассивно-пермиссивной, поскольку главным «героем» ситуации является лицо, позволяющее совершиться неблагоприятному для себя действию или событию. При трансформации семантические роли актантов не меняются, но появляется добавочное значение неоправданной пассивности одного из участников ситуации, выраженного личным или одушевлённым именем: (10) Муса (ном.) Асланнул (эрг.) аттан къаивк1унни ‘Муса Аслану не дал избить (себя)’. Следует заметить, что в русском языке в таких конструкциях является обязательным наличие возвратного местоимения (например: Не давай себе расслабиться).

Таким образом, залог и залоговость является сложной грамматической категорией, которая в дагестанских языках ещё недостаточно изучена. Основным способом его морфологического выражения в лакском языке является аналитический пассив в безагентивной конструкции (Хъуру ттирх1уну дур ‘Нивы сжаты’) и аналитические глаголы актантной деривации, в образовании которых участвуют вспомогательные глаголы широкой семантики бан ‘сделать’, битан ‘позволить’, бик1ан (в значении ‘дать случиться с собой чему-нибудь’).

Список литературы

1. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка.
2. Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. – Изд-во «Наука», М., 1980)
3. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в пролематику. – М. Книжный дом «Либроком», 2010, - 384 с.
4. Шведова Н.Ю (ред.) Русская грамматика. – Изд. «Наука», М., 1982.
5. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. 1У. Лакский языка. – Тифлис, 1890
6. Эльдарова Р.Г. Лаксий глагол (Структура и семантика глагольного слова. Категории вида и залога. Вербониды) – Махачкала, ИПЦ ДГУ, 1993

10.02.19

**А.В. Кириллова канд. филол. наук, Д.Е. Меренкова канд. филол. наук,
А.С. Писарихина канд. филол. наук, М.В. Шурупова канд. филол. наук**

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
кафедра романо-германской филологии,
Орехово-Зуево, mar4878@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается специфика юридической терминологической системы в английском и русском языках. Авторы предлагают обзор характерных черт англоязычной и русскоязычной юридической терминологии. Проведенное исследование подтверждает гипотезу о том, что язык права как язык профессионального общения обладает яркой национальной спецификой, обусловленной реалиями национальных правовых систем.

Ключевые слова: *термин, терминосистема английского языка, терминосистема русского языка, юридическая терминология.*

Изучение понятия «термин» ведется не первое десятилетие, но однозначного определения так и не существует. Лингвисты приводят по несколько определений этому понятию в одной статье. В.П. Даниленко в одной из своих работ дает более 19 определений, отмечая при этом, что это не конечное количество [2]. Рассматривая термин с точки зрения лингвистики, следует учитывать, что это не просто функциональная, но и лексическая единица. Как считает В.М. Лейчик, «термин – лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее, конкретное или абстрактное понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [5, с. 31–32]. На наш взгляд, наиболее точное определение приводит Л.Л. Нелюбин, говоря о том, что термин – это «слово или словосочетание специального (научного, технического военного и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов», во-вторых, термин – это «слово, не допускающее модуляций», в-третьих, – это «слово или словосочетание, являющееся точным определенным понятием в области науки, техники, искусства, общественной жизни» [6, с. 224]. В словарях лингвистических терминов можно найти следующие определения данного понятия. «Термин – слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [1]. «Термин – слово или словосочетание, точно обозначающее какое-либо понятие, применяемое в науке, технике, искусстве» [7].

Наличие разнообразных подходов к определению понятия «термин» объясняется несколькими факторами: отличием самих наук, изучающих термин; многогранностью этого понятия; индивидуальным видением автора данной проблемы. Один и тот же термин, чаще всего, имеет различные значения в разных сферах науки.

Юридические термины, которые обозначают юридические понятия, составляют главную специфику лексики языка юриспруденции, т.к. «термины, закрепленные в нормах права, обозначают только специальные нормативные понятия, и в этом смысле уникальны по своему содержанию» [3, с. 26]. В рамках данного исследования мы выявили некоторую специфику англоязычной и русскоязычной юридических терминологических систем.

Итак, англоязычная юридическая терминология характеризуется наличием синонимии и полисемии. Вариантность терминов обусловлена их включением в различные национально-правовые терминологические системы: Великобритании, США и т.д. Абсолютная синонимия появилась вследствие столкновения в юридической терминологической системе заимствований и терминов, образованных на базе исходного языка (*deceit – false representation – предоставление заведомо ложной информации*). Нередки случаи, когда абсолютные синонимы имеют различия только в синтаксической структуре (*Substantial Law – Law of substance – Материальное право*). Одним из источников пополнения юридической терминологии являются эвфемизмы, наибольшее количество которых употребляется в уголовном праве (*killing – blood – deprivation of life – лишение жизни, убийство*). Помимо этого, в системе юридической терминологии Англии абсолютные синонимы создаются путем слияния уже устоявшихся терминов и номинантов, которые перешли в терминосистему из языка сленга (*white knight – potential merger partner – «белый рыцарь» (лицо, сделавшее компании предложение о покупке акций по более выгодным условиям, чем предложило лицо)*).

Однако в терминологии юриспруденции существуют и неабсолютные синонимы (дублиеты). К примеру, у термина «иск» есть ряд понятий: *claim, suit, action, lawsuit, plea, complaint*, – которые будут идеографическими синонимами. Лишь несколько из этого синонимичного ряда будут являться абсолютными – *lawsuit, action, plea*, а термин “*complaint*” – дублет к термину «*claim*». Англоязычная юридическая литература изобилует полисемичными терминами, в том числе и сокращенными вариантами (*app. – 1) application – заявка; 2) appellate – апелляционный; 3) approved – одобренный; 4) appendix – приложение; 5) appropriation – ассигнование*).

В составе юридической терминологии наблюдается высокий процент комбинированных терминов, одна часть которых является заимствованием из латинского языка, а вторая представлена английским термином или ассимилированным заимствованием: *pro forma letter (отписка); action in rem (наложение запрета на судно или груз)*.

Говоря о лексических особенностях англоязычной юридической терминологии, следует отметить, что она состоит из сокращенных терминов (акронимы или аббревиатуры), т.к. они более удобны в употреблении. Такое сокращение характерно для многокомпонентных (сложных) терминов и словосочетаний (*Am.St.Rep. (American State Reports) – аннотированный сборник американских судебных решений; CN (CoNsols) – консолидированная рента; COD (Cash on delivery) – наложенный платеж*). Главная задача аббревиатур – экономия устной и письменной речи [4, с. 90].

Несмотря на то, что английский является официальным языком всех четырех стран (Англия, Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия) Объединенного Королевства, у них существуют расхождения в правовом языке. Например, английский закон использует термины “*defendant*” и “*arbitrator*” для обозначения участников процесса, в то время как в законах Шотландии распространены термины “*defender*” и “*arbiter*”.

Говоря об особенностях русскоязычной юридической терминосистемы, стоит отметить, что российская правовая система не претерпела столь серьезных изменений в ходе исторического развития, какие были у английской. Юридическая система практически полностью состоит из общеупотребительных терминов (*заявление, правило, заседание, порядок*). Кроме общеупотребительных терминов русскоязычная правовая терминология состоит из оценочной, эмоционально-экспрессивной лексики: слова «санкция», «посягательство», «сокрытие» относятся к терминам высокой лексики, которые служат для того, чтобы придать тексту оттенок официальности, а такие слова, как: «пособник», «халатность» являются примерами эмоционально окрашенной лексики и выражают негативное отношение к названным явлениям.

Правовая система России включает в себя и специальные юридические термины, зачастую такие термины заимствуются из римского права или других развитых правовых систем (*Термин «контрабанда» от итальянского “contraband” = contra – анти + bando – правительственный указ*). Особенно широко употребляются заимствованные термины в Гражданском кодексе РФ (*«лизинг» от англ. leasing (to lease) – сдавать, брать в аренду*). Латинизмы занимают главенствующую позицию (санкция, казус, адвокат), англоязычные термины занимают второе место, и на третьем месте располагаются термины французского заимствования. Такие термины могут иметь характерные признаки. Например, английские заимствования могут начинаться на «дж» или оканчиваться на «инг» (*джентри, демпинг*). Французские заимствования можно отличить по следующим ярким грамматическим и фонетическим признакам: сочетание букв «уа» в середине слова: (*авуары*), ударными – «е; и; о» на конце термина (*рантье*), суффиксы «аж; анс» (*куртаж, баланс*).

Еще одной особенностью русскоязычной юридической терминологической системы является ее универбация (однословность наименований), т.е. обозначение одним словом ряда значений, представленных сочетаниями слов. Такая тенденция существует в нескольких видах: аббревиатуры смешанного типа (*ВАС РФ – Высший арбитражный суд Российской Федерации*); сохранение одного слова из целого словосочетания (*оффшор – оффшорная зона*); образование деривата из одной из нескольких частей наименования (*Лубянка – главное подразделение ФСБ г. Москвы, находящееся на ул. Большая Лубянка*). Главной особенностью примеров универбации является их семантическая размытость. Например, «Лубянка» может означать станцию метро, улицу или само здание ФСБ. Только конкретная ситуация, к которой относится речь, помогает понять семантическую принадлежность номинации.

В целом современная юридическая терминологическая система обоих языков находится в процессе постоянного изменения и пополнения, что обусловлено динамичным социально-экономическим и политическим развитием мирового сообщества.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. – URL: <https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/> (дата обращения: 13.07.2020).
2. Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
3. Земляная Т.Б., Павлычева О.Н. Термин как носитель правовой информации// Журнал науч.-пед. информации. – М. – 2010. – №3. – С. 26.
4. Кириллова А.В., Меренкова Д.Е., Шурупова М.В. Явление омоакронимии в современном английском языке Казанская наука. – Казань: ООО «Рашин сайнс», 2017. – №11. – С. 90.
5. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – М.: URSS, 2007. – С. 31–32.
6. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 224.
7. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов [Электронный ресурс]. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/fc/slovar-203.htm> (дата обращения: 13.07.2020).

10.02.19

¹Л.В. Кузнецова канд. филол. наук, ²О.В. Звада канд. филол. наук

Иркутский государственный университет,
¹Институт филологии, иностранных языков и медиакommunikации,
кафедра английской филологии,
²Педагогический институт,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Иркутск, larisa.kuzneczova@mail.ru, zoksana@inbox.ru

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ: СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД

В данной статье предпринята попытка рассмотреть институциональную коммуникацию жанра «парламентские дебаты» как предмет дискурсивного и социолингвистического анализа, принимая во внимание понятие социального пространства и конституирующих его институтов. Коммуникацию в социальных институтах, каким является парламент, можно исследовать с точки зрения реализации в них разных типов коммуникативных ситуаций, которые характеризуются конкретной тематикой институционального дискурса и особым набором языковых средств.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, институциональный дискурс, парламентские дебаты, речевой акт, полилог.

Коммуникация, осуществляемая в социальных институтах, таких как школа, университет, больница, парламент, а также во многих других социальных структурах, имеет свою отличительную черту, обусловленную спецификой институциональной коммуникации. Множество разнообразных коммуникативных ситуаций пронизывают все коммуникативное пространство социальных институтов; они образуют в них устойчивую сеть коммуникаций, сосуществуя в данном континууме в виде множества вариантов.

Целью данной статьи является доказательство того, что коммуникативные ситуации, конструируемые в дискурсе парламентариев, характеризуются своим особым языковым наполнением и выражением.

Дискурсивное исследование институциональной коммуникации начинается в середине XX века, когда в социологии появилось понятие социального пространства и понятие социального института [4,5].

П. Бурдье характеризует социальное пространство как иерархическую структуру сосуществования людей; это сложное многомерное образование, сформированное комплексом подпространств, которое находит свою реализацию в физическом пространстве [1]. Каждый человек занимает свое определенное место в социальном пространстве относительно других людей согласно выполняемой им социальной роли и его социального статуса, что создает определенную упорядоченность между людьми на коллективном уровне.

С лингвистической точки зрения социальное пространство участвует в формировании коммуникативного пространства, которое представляет собой сеть коммуникаций между представителями социальных институтов. А также данное понятие используется для исследования различных коммуникативных процессов, обусловленных характером коммуникативных ситуаций, которые воспроизводятся внутри социальных институтов, в образовании которых, в свою очередь, участвует дискурс. Любые социальные институты функционируют и развиваются благодаря коммуникативной и дискурсивной деятельности языковых личностей.

Функционирование таких институтов на коммуникативном уровне осуществляется на основе реализации двух главных социальных ролей участников институционального взаимодействия – роли агента и роли клиента социального института [3]. Участники институционального дискурса следуют заданному сценарию, в котором они выполняют свои институциональные и коммуникативные роли, предписанные их социальным статусом. Внутри таких социальных образований реализуются коммуникативные ситуации различного характера, обусловленные спецификой вербального содержания и дискурсивного выражения. Мы будем рассматривать особенность коммуникативной ситуации жанра «парламентские дебаты» на лексическом уровне.

Анализируемые примеры дебатов в Британском Парламенте показывают, что выявленные типы языковых маркеров свойственны жанру «парламентские дебаты» в целом. В частности, Спикер (Mr Speaker) или его заместитель (Mr Deputy Speaker) являются главными вербальными организаторами дискурсивного формирования коммуникативной ситуации. С помощью речевых актов директивов они устанавливают порядок среди выступающих (*Order. We are not going to go down that line*), призывая участников придерживаться темы дискурса. При помощи ассертивов они передает фактуальную информацию о количестве желающих стать адресантами и устанавливают правила чередования мены коммуникативной роли – говорящий / слушающий (*Mr Speaker: Sixteen Members still wish to participate in the debate; May I point out to the hon. Member for Sheffield Central (Paul Blomfield) that quite a lot of Members are waiting to get in, including Dr Huppert?*).

Дискурсивным механизмом формирования и развития коммуникативной ситуации жанра «парламентские дебаты» является полилог. Согласно теоретическому положению, полилог – это разговор между разными людьми, предполагающий смену коммуникативных ролей – говорящий (адресант) / слушающий (адресат) [2]. Выступающие поочередно присоединяются к обсуждению того или иного вопроса, формируя вопросно-ответную структуру полилога.

Отличительной характеристикой конструирования коммуникативной ситуации жанра «парламентские дебаты» является тот факт, что она разворачивается в строго фиксированное время. Спикер (его заместитель) дискурсивно контролирует временное протяжение коммуникативной ситуации. При помощи глаголов со значением «начинать, продолжать, завершать» и других языковых средств, обозначающих дату и время, он фиксирует начало и завершение формирования ситуации взаимодействия (*I remind the House that the debate **must end at 7 o'clock** there are **only 30 minutes left before the debate will conclude**;).* В парламентском дискурсе именно Спикер (его заместитель) присваивает участникам коммуникативную роль адресанта. При помощи речевых актов директивов он предоставляет депутатам возможность выступить (*I call Dr Huppert; I call Mr James Clappison to speak*), контролируя мены коммуникативных ролей адресант / адресат. Но если участники желают задать уточняющий вопрос, они используют невербальные средства коммуникации, в частности, депутаты должны подняться с места, чтобы заявить себя в качестве адресантов (*Several hon. Members rose; Mr John Spellar (Lab) rose*).

Спикер также контролирует время выполнения коммуникативной роли адресанта в строго установленный временной отрезок (*I am having to reduce the time limit to five minutes. The point is that everyone wants to speak*). Остальные парламентарии идентифицируют себя в качестве слушающих / адресатов. Речевые акты ассертивы или эксперессивы указывают на внимательных участников (*I am pleased to hear that helpful correction*).

В парламентском дискурсе принято прерывать выступления коллег. Политики обращаются к друг другу, используя вопросительные предложения с вежливой формой *will* и словосочетание *give way* для того, чтобы прервать речь собеседника (*On that point, will the right hon. Lady give way*). Другие участники коммуникативной ситуации при помощи словосочетаний *take interventions* и *make progress* в речевых актах ассертивах информируют своих коллег о своем решении уступить роль адресанта на время, а затем продолжить выступление в роли говорящего (*I will give way to the hon. Gentleman, but we must make some progress so that other Members can contribute; so I will allow him to intervene*). Участники могут

информировать друг друга о своем нежелании выполнять роль адресата (*I think that I should make a little more progress*). В целом, все эти лексические и грамматические средства способствуют развитию полилога жанра «парламентские дебаты». Такая вопросно-ответная структура полилога способствует накоплению информации и его дальнейшему развитию, что позволяет рассматривать дебаты во время парламентских слушаний в виде разговорной коммуникативной деятельности политиков, в процессе которой они производят профессиональный дискурс. Осуществляя речевые акты деловой парламентской коммуникации, политики реализуют совместную разговорную деятельность. Парламентариям свойственно отстаивать свою точку зрения, спорить, доказывать, адресуя сообщение конкретным политикам (*Let me say a few words to my old friend, the right hon. Member for Oldham West and Royton (Mr Meacher)*). Если отстаиваемая точка зрения оппонента принимается другими, происходит положительная реакция спорящих на дискурс (*I also want to pay tribute to the former Minister, my hon. Friend the Member for Wealden*), а если парламентарии не согласны, они атакуют друг друга, реакция может быть отрицательной (*I accused the shadow Minister of being a bit Eyesore-like; Lady starts accusing my right hon. Friend for making that comment*). Все речевые акты подобного рода являются речевыми актами реагирования; они формируют и развивают коммуникативные ситуации в жанре парламентского дискурса, и присущи всей парламентской коммуникации в целом.

Подведение итогов дискуссий в парламенте отмечает заключительный этап формирования коммуникативной ситуации «парламентские дебаты». Использование формы прошедшего времени показывает, что коммуникативная ситуация закончена, завершена (*We have had a lively and wide-ranging debate; There has been a lot of talk about equality and fairness from Members on both sides of the House*).

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие коммуникативной ситуации, жанра «парламентские дебаты» происходит строго при взаимодействии адресантов и адресатов, присутствующих здесь и сейчас, и передается в форме полилога. Спикер – это главный организатор коммуникативной ситуации. В его обязанности входит контроль нормативного течения дебатов, поддержание баланса между выступающими парламентариями и желающими задать вопрос. Коммуникативные ситуации отграничиваются друг от друга набором языковых маркеров, которые фиксируют начало и завершение сотрудничества.

Список литературы

1. Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
2. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – 171 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
5. Fairclough N. Discourse and Social Change. – Cambridge: Polity Press, 1992. – 251 p.
6. House of Commons Hansard archives. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.publications.parliament.uk/business/publications/hansard> (дата обращения: 19.06.2020).

10.02.19

Н.А. Медведева

Московский городской педагогический университет,
Институт гуманитарных наук,
кафедра зарубежной филологии,
Москва, bear74@inbox.ru

РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА СПОРТА (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ СТАТЕЙ О СМЕШАННЫХ ЕДИНОБОРСТВАХ)

Психолингвистика, изначально сфокусированная на изучении личности «бесконечно меняющегося человека в бесконечно меняющемся мире» [5], при исследовании «образа» особую значимость придает вопросу о движущих силах развития данного феномена сознания. Исследование спортивного дискурса при помощи ассоциативного анализа помогает нам понять, как происходит формирование образа спорта в сознании современного человека.

Ключевые слова: *образ спорта, спортивный дискурс в СМИ, национальные символы.*

Бесспорно, спорт на сегодняшний день является частью культуры современного общества. Рассматривая понятие «образ» в современной философии и психологии обратимся к мысли Гегеля, что «образ» «являет нашему взору не абстрактную сущность, а конкретную ее действительность». В материалистической методологии разработано учение об «образе» «как форме отражения в психике действительности, при этом уточняется, что на чувственные ступени познания, образ выступает как ощущение, восприятие и представление, а на уровне мышления как понятие, суждение, концепция. Решающая роль отводится воздействию на психику внешней действительности, формирующей содержание образа» [5]. В контексте нашей статьи под «образом», мы будем понимать воздействие СМИ на психику реципиента, формирующей представление, отражающее прочитанную и осмысленную человеком информацию, наполненную смысловым содержанием.

Образ современного спорта в каждую социально-историческую эпоху наполняется более структурированным и сложным содержанием, несет социальную и воспитательную функцию, является средством формирования имиджа страны и национальных ценностей, определяет стиль жизни человека.

Среди политических деятелей, деятелей культуры и спорта стало «модно» открыто выражать собственную точку зрения на то или иное событие. Так, Рамзан Кадыров, в инстаграм-аккаунте, вызвал на поединок выдающегося российского спортсмена-бойца, члена ММА, Федора Емельяненко. Как нам представляется, читатель при декодировании этой информации предвидит результат предстоящего поединка, осознавая то, что Р. Кадыров не является профессиональным бойцом и никогда не боролся с такими именитыми спортсменами, как Ф. Емельяненко. Ответом Ф. Емельяненко послужило следующее: «*право выбора, по каким правилам, место проведения представляю тебе, мой друг, готовь перчатки, Рамзан, будем боксировать, будем пропагандировать спорт и здоровый образ жизни*» [3]. Таким образом, мы понимаем, что основной целью этого сообщения является пропаганда спорта, бокса и здорового образа жизни среди населения. Это событие также продиктовано данью современной моде, в этом признается и сам Ф. Емельяненко, заявив, что «*..друг Рамзан просто решил поддержать флешмоб, в котором его (Ф. Емельяненко) постоянно кто-то вызывает на бой*» [2] и «*сейчас мода такая, видимо, меня вызывать. Я даже запускал хайп «вызови Емельяненко на бой»*» [3].

Подобные вызовы не единичны, но, как правило, они проходят между участниками одной и той же институциональной группы. Например, всем известен бой между ирландцем Конором Макгрегором и россиянином Хабибом Нурмагомедовым, который, по мнению самого К. Макгрегора, будет “самым большим боем” в истории спорта [3]. Основной акцент в таких публикациях делается на выплаты (гонорары) бойцам после спарринга. *“Бой россиянина Хабиба Нурмагомедова с ирландцем Конором Макгрегором запомнится не только дракой после победы российского бойца. Он уже стал крупнейшим в истории Ultimate Fighting Championship (Абсолютный бойцовский чемпионат) — одной из главных в мире организаций, устраивающей турниры по Mixed Martial Arts (официальное название смешанных единоборств). Благодаря этому бою Нурмагомедов может стать самым высокооплачиваемым бойцом ММА из России. Общие выплаты россиянину могут составить \$10 млн.”* [4]. В массовом сознании болельщиков происходит формирование образа мужественного, сильного, отважного и физически подготовленного спортсмена, способного заработать славу и стать высокооплачиваемым бойцом за короткий отрезок времени.

Как нам представляется, подобные бои организуются, прежде всего, в коммерческих целях. По мнению некоторых известных спортсменов, людям не хватает шоу и зрелищ, выплеска адреналина. Таким шоу явился и бой между К. Макгрегором и Х. Нурмагомедовым. В результате победы нашего спортсмена не был поднят флаг и не прозвучал гимн РФ, как это обычно происходит в случае победы, а было «шоу» с выходом на ринг нашего бойца в традиционном дагестанском головном уборе, папахе, символизирующей образ горца, сильного и властного человека. *“По словам Нурмагомедова, национальный флаг для него не является проявлением патриотизма и любви к своей родине. Он считает, что такие вещи нужно доказывать и показывать делом, а не подобными жестами”* [1]. Подобные высказывания расширяют знания читателей об окружающем мире, рассказывают о малоизвестных субъектах РФ, их народе и традициях. Но, как нам представляется, подобные действия способствуют замене понятий в уже сложившемся многовековом образе спорта. Таким образом, мы можем сделать вывод, что национальные символы России (включая символы субъектов РФ) также способствуют формированию образа спорта, который в свою очередь является способом проявления патриотизма, прославления своего региона.

Еще одним ярким примером является недавнее интервью с Дэвидом Аванесяном, одним из самых успешных российских боксеров за последние пять лет. В статье особо подчеркивается, что российский боксер больше известен в западных спортивных кругах, чем у нас. Д. Аванесян связывает это с нехваткой пропаганды спорта и внимания прессы в нашей стране, но с нашей точки зрения, связано это с тем, что классический бокс недостаточно популярен на просторах нашей страны, а люди привыкли к шоу и зрелищам, которые транслируются в ММА. Также спортсмен сетует, что в нашей стране не происходит «омоложения» спорта, а на экранах отечественного телевидения мелькают только именитые и сделавшие головокружительную карьеру спортсмены, такие как А. Поветкин, Д. Лебедев, К. Цзю, Н. Валуев. Таким образом, известность и узнаваемость в обществе, согласно данной статье, также являются неотъемлемыми характеристиками образа спорта.

Бесспорно, спорт является частью экономической и культурной системы страны, поэтому отношение и «образ спорта», сформированные СМИ, находятся в прямой зависимости от идеологических установок государства. В процессе анализа спортивных текстов были выявлены ассоциативные связи со следующими областями: национальная принадлежность, деньги, известность, узнаваемость.

Список литературы

1. Андреев И., 2019, Александр Емельяненко – про Кокляева, гонорары, нокаут на тренировке и свое будущее. / <https://www.sport-express.ru/martial/mma/reviews/aleksandr-emelyanenko-mihail-koklyaev-itogi-boya-intervyu-emelyanenko-cto-budet-dalshe-1618295/>
2. Волински А., 2020, Нурмагомедов объяснил почему не выносит флаг на бой. / <https://inforeactor.ru/265896-nurmagomedov-obyasnil-pochemu-ne-vynosit-flag-rossii-na-boi>
3. Домчев. М., 2020 Александр Емельяненко согласился на бой с Кадыровым. / <https://rg.ru/2019/12/26/reg-skfo/aleksandr-Emelianenko-soglasilsia-na-boj-s-ramzanom-kadyrovym.html>
4. Культурология XX век, Энциклопедия, 2020, / <http://www.вокабула.рф/энциклопедии/культурология-xx-век-энциклопедия/образ---явление>
5. Леонтьев А.А. УССУ НОМО «Вершинная психология и перспективы исследования деятельности». //Деятельностный подход в психологии, проблемы и перспективы/Под ред. В. В. Давыдова и др. М.1990. с. 5-14

10.02.19

¹О.И. Налдеева д-р филол. наук, ¹С.Н. Маскаева канд. филол. наук,
²Л.В. Кирдянова канд. педагог. наук, ³М.И. Кокнаева

Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева,
филологический факультет,

¹кафедра родного языка и литературы,

²кафедра русского языка и методики преподавания русского языка,
Саранск, maskaeva77@rambler.ru, kirdaynova-luda@mail.ru,

³Московский педагогический государственный университет,
географический факультет,

кафедра экологии и природопользования,

Москва, marina.koknaeva@gmail.com

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРМИНОВ РОДСТВА ФИННО-ВОЛЖСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ГРУППЫ

В статье рассматриваются сходства и отличия терминов родства в финно-волжских языках, выявленные в результате лексического анализа. Представлены наиболее значимые исследования лексики языков данной группы.

Ключевые слова: *финно-угорские языки, термины родства, лексика.*

Исследование лексики финно-угорских языков в сравнительном плане представляет собой постоянный интерес для всей финно-угристики.

В настоящее время учеными доказано, что после отделения от финно-угорского языкового единства угров, а позднее пермских народов, мордовские (мокшанский, эрзянский), марийский, прибалтийско-финские языки составляли финно-волжскую общность. Относительно существования этой общности мнения многих ученых не совпадают. Остается неразрешенной проблема взаимосвязи между ветвями этой языковой общности. В связи с этим нам представляется интересным рассмотрение общей финно-угорской лексики в мордовских (мокшанский, эрзянский) и марийском языках. Известно, что основной словарный фонд мордовских языков составляет слова уральского и финно-угорского происхождения [2, с.148].

Из российских финно-угроведов общую лексику в приводимых языках рассматривали В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев в работе «Краткий этимологический словарь коми языка» (Москва, 1970). В данном словаре приведено примерно 150 соответствий рассматриваемых нами языков, здесь приводятся параллели почти из всех остальных финно-угорских языков.

Известный финно-угровед П.Хайду отмечает, что между двумя современными волжскими финно-угорскими языками – марийским и мордовскими – нет такого количества общих черт, как, например, между двумя пермскими языками. В то же время мордовские языки обнаруживают более тесные связи с прибалтийско-финскими языками, чем марийский. Из этого можно сказать, что связи между волжскими языками после распада финно-волжской общности были недостаточно прочны и что предки мордвы занимали западные, более близкие к прибалтийско-финским, а предки марийцев – более восточные районы.

Кроме вышеприведённых исследований, мордовско-марийские лексические соответствия рассматриваются в работах и статьях таких финно-угроведов: Б.А. Серебренникова (1989), И.С. Галкина (1978), Л.П. Грузова (1969), Д.Е. Казанцева (1985), М.Е. Митрофановой (1997).

Исследуемый материал позволяет дополнить ранее рассмотренные этимологии. По лексико-семантическим признакам данные соответствия распределены, а именно:

Термины родства и свойства. В пределах данной лексико-семантической подгруппы рассматриваются термины родства вообще, термины родства по браку, термины родства по крови.

а) Общие понятия родства:

Мд. атя "старик", "пожилой, мужчина", "старейшина", мар. Ача "отец", "свёкор", "отчим" [5, с. 36]. Слово очень древнее, встречается как в финно-угорских: фин. attu "отец", эст. att "отец", "дед", удэ. атай "отец", так и в тюркских: чув. атте "тётя", тат. "ата" "тётя" и в индоевропейских языках: лат. atta "тётя", немецк. (диал.) atte «тетя». По мнению Л. Керестеша, его финно-волжская форма ≤ ф.-в. *atta/*atta.

Эрз. бие, бие "племя", "род", "сын", мар. пу - пуэргы "парень", "мужчина" < ф.-у *poika "мальчик, сын" [3, с. 413]. В современном эрзянском литературном языке встречается только в географических названиях, где, по мнению М.В. Мосина, показывает родоплеменные отношения.

Мд. ломань "человек", "чужой", мар. ульмо "муж". По мнению Д.В. Цыганкина и М.В. Мосина, источником данного слова являются

сарматские языки: *aliman "чужой, нелюбимый, недруг", осетин. luman, liman "друг, приятель", "любовник, любовница" (< иран. friumana-) "любить". Эрзянское и марийское слова образовались из слова (алиман).

И.С. Галкин считает, что для сравнения с мордовским словом ломань не подходит марийское слово ульмо "муж", "женатый человек". Он приводит к марийскому слову ульмо "женатый человек", "мужчина" мордовское аля "мужчина", "парень", "старший брат мужа". Историческое развитие которого происходило следующим образом: *аляма> альма> альма> ульмо. Как отмечает И. С. Галкин, здесь действовали три фонетических закона: огубление а>о, сужение а>о>у и выпадение [1, с. 118].

б) Термины родства по крови:

Эрз. левкс, мокш. лефкс "детёныш", мар. lia- "быть, становиться, делаться, жить, телиться, ягниться", "ожеребиться" KB., "мочь, быть в состоянии" В. < ф.-у. *le- "быть", "стать" [5, с. 78].

Мокш. оця "брат отца (старше отца)", оцю "большой", "старший", "старейшина", мар. еза, иза "старший брат", "младший дядя по отцу (моложе отца)" < ур. *ica "отец", "большой" [3, с. 402].

Мд. сазор, мар. шугар "младшая сестра", "племянница" < ф.-п *sugar "сестра" [3, с. 426]. Учёные предполагают, что финно-угорские слова заимствованы не из одного источника, а из разных индоевропейских языков. Например, Э. Итконен считает, что фин. sisar - из балтийских языков; мар. шужар (w) sɛ.zar, (0) suzar - из балтийских или иранских языков; морд. сазор, коми-перм. созор, удм. сузэр - иранских языков (Zur Gesch, 182).

Эрз. тейтерь, мокш. стирь "дочь", "девушка", мар. Удыр "дочь", "девушка" < ф.-в. *tuktar (e) [5, с. 166]. Есть соответствия в фин. tytär, эст. tutar, кар. tutar, вепс. tutar, вод. tutar "дочь".

в) Термины родства по браку (термины свойства):

Эрз. веста (фольк.) "супруг", мар. вате, ваты "жена". По словам Ф.И. Гордеева, позднесарматское (доосетинское) проникновение: осет. vosa, оса, авест. vadu, др.-инд. vadhuh "невеста, молодая жена". По мнению М.В. Мосина, данная этимология весьма сомнительна, так как эрзянское веста "супруг" возникло от глагола вастомс "встретить", как и слово пола "супруг", от глагола поладомс "дополнить, продолжить, прибавить".

Мд. ов "зять, (муж дочери)", мар. вингы "зять (муж дочери)", "деверь", "шурин", мар. венгы, венге "муж младшей сестры", "(муж дочери), зять" < ур. *wan3 "зять" [5, с. 104]. В фин. vavu, эст. wau "зять"

Мд. чече, чичи: шичалы "муж сестры", "муж старшей сестры", мар. чучу "дядя", "младший брат матери" < ур. *сеса "дядя" [3, с. 401].

Эрз. urva "невестка (жена сына)", erva "жена", "супруга", мокш. arva, arva "жена", "супруга", aurvana "молодая жена", "сноха", "жена", эрз. urvakstoms, мокш. ervaja "жениться (о мужчине) (Е.М.)", "женить сына (Е.)", мар. KB. arweza U. arweze "юноша или девочка 10-15 лет" <ф.-в *огра "брат", "сестра", "кузина", "родственник" [4, с. 1320].

В данной лексико-семантической группе приведено 12 общих соответствий в мордовских и марийском языках, этимология трёх является спорной. Надо сказать, что значительная часть приведённых терминов родства составляют индоиранские заимствования. Исконно финно-угорскими являются только 5 соответствий: эрз. бие, бие "племя", "род", "Сын", мар. пуэргы "парень"; мд. левкс/лефкс "детёныш", мар. лияца "телиться, ягниться, ожеребиться", "быть"; мокш. оця "старший брат отца" оцю "большой", "старший, старейшина", мар. еза, иза "старший брат, младший дядя по отцу (моложе отца)", мд. ов "зять (муж дочери)", марвин и "зять (муж дочери)"; мд. чище "муж старшей сестры", мар. чучу "дядя", "младший брат матери".

Исследователи отмечают, что термины родства, как особый пласт лексической системы языка сохраняют следы прежних стадий развития человечества. Такие мордовские термины как урьва, уряж означают "сноха", возникли из уре, что означает "раб", ср. мар. эрвезе "юноша или девочка 10-15 лет".

Возникновение этих терминов, как отмечает Р.В. Бабушкина, возможно, относится ко времени патриархата, когда женщина действительно выполняла обязанности рабыни, особенно молодая невестка.

Однако, после распада у мордвы большой патриархальной семьи многие термины родства и свойства перешли из активного употребления в пассивный словарный запас и стали в современных литературных языках архаизмами. Также в результате языковых контактов с более крупными этническими общностями в этой лексическо-тематической группе появились новые слова, изменились их первоначальные значения.

Список литературы

1. Галкин И.С. Слова, обозначающие людей мужского пола в современном арийском языке и их происхождение // Финно-угроведение №3-4– Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1995. – 166 с.
2. Налдеева О.Н. Исследования в области мордовского языкознания в финно-угорском мире / О.И. Налдеева, С.Н. Маскаева, Л.И. Макушкина, М.И. Кокнаева // Казанская наука. №4 2019г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2019. – С.147-149.
3. Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. – М. : Наука, 1976. – 464 с.
4. Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch (Мордовский словарь) / H. Paasonen. – Helsinki : Suomalais – Ugrilainen Seura, 1990 – 1996. – Bd. – 1 – IV. – 2703 s.
5. Keresztes L. Yeschichte des mordvinischen Konsonantismus II. Etymologisches Belegmaterial. – Szeged, 1986. – 212 s.

10.02.19

О.Г. Остапенко канд. филол. наук

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево, oxygri@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АНТРОПОНИМОВ В АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматриваются особенности использования антропонимов в английской художественной речи. Автор делает обзор наиболее употребляемых лексических единиц, которые приобрели интернациональный характер. Проведенный анализ показывает, что антропонимы становятся опорными единицами в международной коммуникации и требуют дальнейшего изучения.

Ключевые слова: *антропоним, лексическая единица, способы словообразования, антропонимические системы.*

Имена собственные являются неотъемлемой частью любого художественного произведения. Лингвисты уделяют повышенное внимание изучению данных лексических единиц в художественной литературе не только родного, но и иностранного языков, в частности английского. Это связано с тем, что необходимо правильно распознать заложенный в имени собственном смысл, определить ту роль, которое оно играет в художественном произведении.

Изучением имен собственных в лингвистике занимается ономастика. Она включает в себя несколько разделов: топонимику, антропонику, зоонику, космонику и другие. В значении имен собственных Д.И. Ермолович выделяет четыре компонента: бытийный или интродуктивный, классифицирующий, индивидуализирующий и характеризующий [1]. Р.Ю. Намитокова выделяет имена собственные традиционные и прозвища [3]. Однако наиболее полную классификацию имен собственных дают Д.И. Ермолович и А.В. Суперанская, они подразделяют имена собственные на: антропонимы, топонимы, зоонимы, космонимы, мифонимы, хрематонимы и многие другие [1,4].

Д.И. Ермолович предлагает следующее определение антропониму: «Антропоним – это имя собственное (или набор имён, включая все возможные варианты), официально присвоенное отдельному человеку как его опознавательный знак. Антропоним называет, но не приписывает никаких свойств» [1, с.38]. Лингвист замечает то, что в значение антропонима входит три основных признака: указание на то, что носитель антропонима – человек; указание на принадлежность к национально-языковой общности; указание на пол человека. Антропонимы могут подразделяться на индивидуальные и групповые, а также на единичные и множественные. Категория рода у антропонимов выражена противопоставлением женских и мужских имен. Вместе с тем, в английском языке, как и во многих других языках, существуют некоторые лексемы, которые могут обозначать как лиц женского, так и мужского рода. Категория рода может быть выражена в фамилиях при помощи титульных приложений *Mr, Mrs, Miss* или *Mrs* и *Miss*, которые также обозначают семейный статус человека [1, с. 81-84].

По мнению Д.И. Ермоловича, транскрипция является главным современным принципом передачи имен собственных на русском языке. Ученый считает, что «цель, которой должна стремиться система транскрипции, состоит не столько в том, чтобы как можно ближе представить звучание иноязычного имени буквами принимающего языка, сколько в том, чтобы соблюсти принцип взаимно однозначного соответствия между фонемами оригинала и их графическими соответствиями в принимающем языке» [1, с. 19].

Понимание этого особенно важно при переводе антропонимов в художественной литературе. Набор правил переводческой транскрипции с английского языка на русский разработан достаточно полно, и профессиональные переводчики обычно пользуются ими. Правила переводческой транскрипции англоязычных имен отражены в целом ряде публикаций, а также в многочисленных словарях. Сложнее дело обстоит с правилами переводческой транскрипции при переводе с русского языка на английский. Так, Т.А. Казакова замечает, что для передачи звуков [ж] и [х] в английском языке устойчиво применяются соответствия *zh* и *kh*, но гораздо сложнее передать йотированные гласные, правила их передачи весьма условны, например, имя Юрий может передаваться, как *Yurigu*, *Yuryu*, встречается даже *Uryu*. Это объясняется тем, что начальная позиция буквы *U* позволяет не применять дополнительного обозначения для йота, поскольку английский аналог содержится в самом названии этой буквы и согласно правилам чтения произносится в этом типе слога.

Д.И. Ермолович же считает, что, несмотря на то, что лингвисты рекомендуют ориентироваться на фонетику имени при межъязыковой передаче исходного языка, исходя из того, что устная речь первична, а письменная вторична, это далеко не всегда справедливо в реальной межъязыковой коммуникации, а только лишь в плане истории языка. Автор замечает, что знакомство с именами и названиями происходит с помощью письменных источников. Очень часто графическая форма слова переносится из текста на одном языке в текст на другом языке, не изменяясь, при условии, что эти языки пользуются общей графической основой письменности. Также письменный облик имени выполняет еще и функцию юридической идентификации. Имена собственные в западноевропейских языках, как правило, при заимствовании не изменяют орфографии. Недостаток практик и прямого переноса состоит в том, что говорящие на другом языке часто не могут определить по написанию, как произносится иноязычное имя собственное. Особенно важно это оказывается при передаче антропонимов в художественной речи. Замысел автора во многом отражается в именах героев произведения. К примеру, перевод имени одного из персонажей произведения Толкиен Дж.Р.Р. «Властелин Колец» *Milo Burrows* осуществляется при помощи калькирования *Милл Глубокон* [8]. В других переводах можно встретить, на наш взгляд, более удачный эквивалент этого антропонима *Мил Кром* [5], так как здесь сохраняются замысел автора, но отсутствует излишняя дословность перевода.

При заимствовании имени в незнакомой форме очень часто носители принимающего языка навязывают имени произношение, соответствующее правилам чтения на их родном языке.

Tobold Hornblower в переводе В.С. Муравьева и А.А. Кистяковского звучит как *Тобольд Громобой* [7]. В данном случае имя героя передано при помощи транскрипции, а фамилия переведена не вполне адекватно, так как при переводе не отражены характеристики, присущие персонажу. Н. Григорьева и В. Грушецкий перевели этот антропоним как *Тобольд Дудкинс*, при переводе имени используя транскрибирование, а при переводе фамилии – калькирование [5].

В. С. Муравьев и А. А. Кистяковский перевели *Isengrim the Second* как *Изенгрим Второй*, использовали они при этом смешанный тип перевода (калькирование и транскрипцию) [7]. В переводе Н. Григорьевой и В. Грушецкого имя героя звучит как *Изенгрим Второй* [5]. Они также передали его при помощи смешанного типа перевода (калькирование и транскрипция). Мария Каменкович и Валерий Каррик перевели имя персонажа практически также, *Исенгрим Второй*, но с использованием другого смешанного типа перевода (калькирование и транслитерация) [6].

Old Toby был переведен В.С. Муравьевым и А.А. Кистяковским как *Старый Тоби* [7]. Переводчики использовали при передаче имени смешанный тип перевода (калькирование и транслитерация). Аналогичным образом перевод осуществили Н. Григорьева и В. Грушецкий, *Старый Тоби* (смешанный тип: калькирование и транслитерация) [5].

В.С. Муравьев и А.А. Кистяковский перевели имя Sancho Proudfoot как *Гризли Шерстолап* [7]. Они допустили ошибку как в переводе имени, так и в переводе фамилии. Что касается имени, то переводчики создали совершенно новое имя, отойдя от оригинала и нарушив замысел автора. При переводе фамилии также была нарушена адекватность и эквивалентность перевода. Правильно был переведен только второй сегмент фамилии, сделано это было при помощи калькирования. В переводе Н. Григорьевой и В. Грушецкого имя героя пишется как *Санчо Большеног* [7]. Имя переводчики перевели при помощи транскрибирования, а вот при передаче фамилии была нарушена эквивалентность перевода в первом сегменте фамилии. Второй же сегмент был переведен при помощи калькирования.

Проведенный анализ позволил выяснить, что наиболее часто переводчиками использовалась транслитерация как прием перевода имен собственных, на втором месте оказалась транслитерация, третье место было отведено для смешанного типа перевода, к использованию же такого приема перевода как калькирование переводчики прибегали наиболее редко. При переводе некоторых антропонимов была допущена некоторая неадекватность, которая приводила к потере авторского замысла. Переводчики создавали новые имена, отходя от идеи автора и тем самым нарушая эквивалентность и адекватность перевода. Но в некоторых случаях это было оправдано, поскольку переводчики через имена персонажей передавали их характеристики или старались избежать неблагозвучия при передаче того или иного имени на русский язык.

Список литературы

1. *Ермолович Д.И.* Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. – М.: Р.Валент, 2001. – 200 с.
2. *Казакова Т.А.* Практические основы перевода. Серия: Изучаем иностранные языки. – СПб.: Издательство Союз, 2001. – 320 с.
3. *Намитокова Р.Ю.* В мире имен собственных: Лингвистические беседы по краеведению. – Майкоп: Изд-во Адыг.кн., 1993. – 184 с.
4. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. [Электронный ресурс]. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003150754> (Дата обращения 15.07.2020).
5. *Толкиен Дж.Р.Р.* Властелин Колец / Пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. – СПб.: Северо-Запад, 1992. – 510 с.
6. *Толкин Дж.Р.Р.* Хоббит, или Туда и Обратно / Пер. с англ. С. Степанова, М. Каменкович; Коммент: М. Каменкович, В. Каррика. – СПб.: Азбука, 1999. – 368 с.
7. *Толкин Дж.Р.Р.* Хранители: Летопись первая из эпопеи "Властелин колец" [Электронный ресурс]. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001610456> (Дата обращения 15.07.2020).

10.02.19

К.Л. Шарандир, Д.А. Саркисова, А.В. Айгашева

Краснодарский государственный институт культуры,
Информационно-библиотечный факультет,
Краснодар, maytelez@mail.ru, di1990.90@mail.ru, khanaeva@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ИГРОВОГО МЕТОДА В РЕАЛИЗАЦИИ ОНЛАЙН-ИГР ДЛЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В статье описывается адаптирование игрового метода под создание обучающих онлайн-игр в условиях дистанционного обучения, обосновываются преимущества игрового онлайн-обучения, приводятся структура и средства, используемые при реализации обучающих онлайн-игр. Приведённые в статье анализ системы и зарубежный опыт в сфере дистанционного обучения с помощью игровых платформ могут быть применены в отечественном образовании и сфере обучающих развлечений.

Ключевые слова: *английский язык, дистанционное обучение, дистанционное образование, игровой метод, игрофикация.*

Дистанционное обучение – это гибкая система образования, которая в последние годы переживает активное развитие. Дистанционное обучение позволяет ученику самому выбирать темп усвоения материала, а также средства развития, закрепления и проверки знаний. Многие платформы на сегодняшний день ориентируются на личностную свободу обучающегося в усвоении материала. Интерактивные системы дистанционного обучения, такие как «Интернет-урок», претендуют на революцию в изменении подхода к образованию. Но если речь идёт о получении знаний в отдельной области, например, в изучении языков, то это могут быть различные приложения (к примеру, «Duolingo» и «Drops»), а также курсы и онлайн-школы («Skyeng», «Englex» и другие), которые применяют авторские технологии для эффективного обучения людей английскому языку за доступные деньги.

Но не всех привлекает обучение в вышеописанном формате по многим причинам. Среди них – отсутствие денежных средств, нехватка дисциплинированности в соблюдении расписания, привыкание к шаблонному формату урока и, как следствие, потеря интереса. Поэтому желающих изучать языки привлекает игровой метод как более доступный, зачастую бесплатный и более разнообразный по содержанию. Для лояльных к такому методу гораздо больше подходят обучающие программы, разрабатываемые для различных платформ, таких как ПК, смартфоны, игровые приставки. Приложения с понятной механикой и увлекательным сюжетом привлекают внимание и удерживают его долгое время. Стоит отметить, что методика обучения с помощью интерактивных игр привлекает обучающихся всех возрастных категорий.

При анализе видеоигры как системы выявляются следующие компоненты обучения: мотивационный (отношение игроков к процессу, включающий мотивы, интересы и потребности играющих); познавательный (приобретение новых знаний и навыков); ориентационный (определение и выполнение необходимых для обучающихся целей); оценочный (соотношение результатов игровой деятельности с целью игры) [2, стр. 111].

Воздействовать на обучающихся с помощью игрового метода помогает система игрофикации. Практикующий спикер и бизнес-консультант Карл Капп даёт подробное определение этой системы. Он описывает её как использование принципов игровой механики, эстетики и мышления для того, чтобы вовлечь людей в процесс обучения, развить и повысить мотивацию, решить существующие проблемы и достигнуть поставленных целей. Он же описывает и классическую структуру обучающей игры, состоящей из следующих пунктов: дидактическая задача, игровая задача, результат игры, персонажи/среда, правила и действия, обратная связь [3, стр. 10].

Эта структура присутствует как в стационарных (оффлайн) играх, так и играх с возможностью выхода в Интернет. Считается, что онлайн-игры – система относительно молодая, но быстро развивающаяся. Первая образовательная игра в режиме реального времени «Whyville» была выпущена только в 1999 году, в то время как обычные программы выпускали ещё с 60-х годов прошлого века. Развивающих онлайн-игр сравнительно мало, но у них есть сильные стороны, которые дают возможность конкурировать со стандартными программами без сетевого подключения. На фоне такой популярной темы, как изучение языков, лингвистические онлайн-игры способны занять нишу в образовательно-развлекательной индустрии.

Система онлайн-игр является более популярной и усовершенствованной. Так, Ж. Жербо утверждает, что «онлайн-средства для желающих выучить иностранный язык гораздо разнообразнее, чем оффлайн-ресурсы, благодаря ежедневным обновлениям и дополнениям» [5, стр. 223].

Таким образом, если расширить данный тезис, онлайн-игра имеет над оффлайн-игрой ряд преимуществ:

- возможность соревноваться с другими игроками с помощью онлайн-рейтингов и личного продвижения посредством повышения уровня. Возникает психологический элемент соревновательности и превосходства, что повышает мотивацию;
- сохранение прогресса в режиме реального времени;
- обновление игрового клиента и его механизмов на протяжении поддержки игры и серверов производителем;
- постоянное закрепление полученных навыков путём выполнения основных или побочных заданий (квестов);
- расширенный или открытый игровой мир (опционально).

Игрофикация включает в себя следующие элементы: очки (баллы), получаемые за достижение прогресса; уровни, отвечающие за статус игрока; игровой рейтинг, мотивирующий делать успехи и занимать лидерские позиции, тем самым получать больше знаний; задания (квесты), которые необходимо выполнить, в связи с чем у человека проявляются и закрепляются навыки; сигналы, оповещающие о завершении заданий или недостающих пунктах их выполнения [7, стр. 282]. Эти и другие элементы объединяют в себе сразу несколько функций интерактивного образования, что способствуют прогрессу в изучении иностранного языка.

Содержание обучающих английскому языку онлайн-игр может быть совершенно разным: от простых тестовых заданий и мини-дополнений до полноценных игр с миром и сюжетом. Как и оффлайн-игры, онлайн-игры могут подразделяться на уровни изучения английского – от Elementary до Upper-Intermediate и выше. Цели у этих приложений также могут варьироваться: они могут специализироваться как на изучении отдельных аспектов (алфавит, грамматика, лексика, и т.д.), так и на комплексном прохождении материала. Одним из лидеров в данной области, преимущественно у западной и азиатской аудиторий, является гонконгская компания «Eduterials Limited» и их проект «ESL Games Plus». Он включает в себя социальную сеть с возможностью регистрации, набор различных игр, онлайн-рейтинг, печатные учебные материалы для применения их в учебном процессе образовательных учреждений. Ориентирована она на детей дошкольного и младшего школьного возраста [6].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что с течением времени дистанционное обучение активно развивается, совершенствуется и приобретает новые формы. Практически все заинтересованные возрастные группы всё больше сталкиваются с интерактивно-игровой средой, поэтому важно пользоваться её преимуществами для создания комфортного и увлекательного обучения, что и позволяет сделать игрофикация [4, стр. 1375]. Игровой метод в изучении иностранного языка существенно повышает мотивацию, которая достигается за счет сюжетной линии, дизайна интерактивной среды и пошаговому освоению тех или иных навыков. Среди российской молодёжи образовательные онлайн-игры пока не широко распространены, а в большинстве отечественных учебных заведений не хватает

молодых специалистов, приветствующих современные методики. Но в связи с модернизацией образования у данной системы есть все шансы стать популярной, востребованной и распространённой [1, стр. 45].

Список литературы

1. *Абрас, С.Н.* 2008. Внедрение дистанционного обучения: теории, инструменты, непрерывное педагогическое образование и меняющаяся среда дистанционного обучения. М.: Просвещение, 2017. – 137 с.
2. *Жарова, Т.К.* Искусство, воспитание и компьютер. [Текст] / Т.К. Жарова // Актуальные вопросы современного образования: Сборник статей. Выпуск 3: Методология, педагогика, психология, методика - М.: Изд-во МГУ, 2006. - С. 111-114.
3. *Kapp, К.М.* The gamification of learning and instruction: game-based methods and strategies for training and education. — John Wiley & Sons, 2012. – 336 pages
4. *Краснова Т.И.* Геймификация обучения иностранному языку [Текст] / И.Т. Краснова // Научный журнал «Молодой учёный» №11 (91) – Чита: Изд-во «Молодой учёный», июнь 2015. – С. 1373 - 1375
5. *Gerbault J.* TIC et diffusion du français: des aspects sociaux, affectifs et cognitifs aux politiques linguistiques. Paris, Éd. L'Harmattan, coll. Langue et parole, 2002. 223 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://questionsdecommunication.revues.org/7137/> (дата обращения: 11.06.2020).
6. ESL Games Plus [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.eslgamesplus.com/> (дата обращения: 11.06.2020).
7. *Татаринов К.А.* Геймификация в обучении студентов // Балтийский гуманитарный журнал. - Калининград: 2019. - С. 281-282.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTSР.Р. Хуснулина
ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НА ТАЙВАНЕ

Ключевые слова: перевод, преемник, русская литература, политические факторы.

История распространения переведенных произведений русской литературы на Тайване длится 100 лет. По сравнению с материковым Китаем, история эта не долгая, но, несомненно, сложная, здесь всегда наблюдалось влияние внешних политических факторов либо со стороны Китая, либо Японии, либо Америки. Кроме того, история перевода и распространения произведений русской литературы на Тайване была прерывистой, связь между переводами разных периодов отсутствовала, а опыт переводчиков-предшественников не всегда наследовался преемниками. Все это, конечно, повлияло и на распространение произведений русской литературы на Тайване.

Ай Хуэйжун

ФОНОГРАММА В «ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЕ»: ЕЕ ФУНКЦИИ В
КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ОБРАЗА ХОРА В ДРАМАТУРГИИ
АРБУЗОВА

Ключевые слова: фонограмма, хор, Арбузов, функция, эволюция. Статья посвящена анализу функционирования фонограммы в пьесе «Победительница» в контексте эволюционного развития образа хора и его функций в драматургии А.Н. Арбузова. Формы присутствия и функционирования хора в пьесах Арбузова постепенно упрощаются и облегчаются. В «Победительнице» хор заменен современной фонограммой, реализующей функцию фоно-декорационную, психологическую, репрезентативную, выводя на сцену мотивы философско-медитативный, лирический.

Сунггеон Ким

ОБРАЗ СТАРУХИ И МОТИВ СТАРЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ В
ТВОРЧЕСТВЕ М.А. БУЛГАКОВА

Ключевые слова: М.А. Булгаков, образ старухи, женский образ, старость, мотив старения.

В статье рассматривается специфика образа старухи и связанного с ним мотива старения женщины в произведениях М.А. Булгакова. Выявлено, что в его творчестве присутствуют две тесно взаимосвязанные разновидности образа старухи: старуха-мать и старуха-ведьма. В этой связи двойственно проявляет себя и мотив старения женщины как влияния катастрофической реальности и как проявления косных начал.

А.Ф. Ганиева, И.А. Еникеев

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ТРИЛОГИИ
Ф.САДРИЕВА «СЧАСТЬЕ НЕСЧАСТНЫХ»

Ключевые слова: публицистика, дискурс, журналист, личность и общество, татарская литература, роман, Фоат Садриев.

В статье исследовано философское мировоззрение персонажей трилогии Ф. Садриева «Счастье несчастных». Показано, как публицистический пафос автора раскрывается через образ писателя-журналиста Ирека и окружающих его героев произведения. На примере эпического романа раскрыта связь личности и общества.

А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксёнов, В.Д. Чистонов, А.Р. Демаева,
В.Ф. Усманов, Р.Э. Сафаров, В.А. Перминова,
Р.Р. Норматов, Ф.Б. Рахматова

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕКЦИИ МОЛОДЫХ
ЖУРНАЛИСТОВ В МЕДИЦИНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Ключевые слова: журналистика, медицина, здравоохранение, общественное здоровье, спорт.

Студентами Башкирского государственного медицинского университета (БГМУ) становятся выпускники гимназий, лицеев, школ, колледжей, имеющие в Республике Башкортостан

R.R. Khusnulina

THE HISTORY OF TRANSLATIONS OF RUSSIAN
LITERATURE IN TAIWAN

Keywords: translation, successor, the Russian literature, political factors.

The history of distribution of translated works of Russian literature in Taiwan lasts for 100 years. Compared to mainland China, this history is not long, but it is undoubtedly complex. There has always been an influence of external political factors, either from China, Japan, or America. In addition, the history of translation and distribution of works of Russian literature in Taiwan was intermittent, there was no connection between translations of different periods, and the experience of the predecessor translators was not always inherited by the successors. All this, of course, also influenced upon the distribution of works of Russian literature in Taiwan.

Ai Huirong

PHONOGRAM IN THE "WINNER": ITS FUNCTIONS IN THE
CONTEXT OF THE CHORUS IMAGE EVOLUTION IN
DRAMATURGY OF ARBUZOV

Keywords: phonogram, chorus, Arbuzov, function, evolution. This paper is devoted to the analysis of the functioning of the phonogram in the play "The Winner" in the context of the evolution of the image of the chorus and its functions in dramaturgy of A.N. Arbuzov. The forms of presence and functioning of the chorus in the plays of Arbuzov are gradually simplified and facilitated. In "The Winner", the chorus is replaced by a modern phonogram, realizing a phono-decoration, psychological, representative function, displaying philosophical-meditative, lyrical motifs on the stage.

Sunggeon Kim

THE IMAGE OF THE MOTHER AND THE MOTIV OF
AGING WOMEN IN THE WORKS OF BULGAKOV

Keywords: M.A. Bulgakov, the image of an old woman, female image, old age, the motive of aging

The article examines the peculiarity in the image of an old woman and the significance of the motive of aging of a woman in the works of M.A. Bulgakov. It was revealed that two images of an old woman can be distinguished in his work: an old woman-mother and an old woman-witch, and that Bulgakov does not have a positive attitude towards aging.

A.F. Ganieva, I.A. Enikeev

JOURNALISTIC DISCOURSE IN F. SADRIEV'S TRILOGY
"HAPPINESS OF THE UNFORTUNATE"

Keywords: journalism, discourse, journalist, personality and society, Tatar literature, novel, foat Sadriev.

The article examines the philosophical worldview of the characters of F. Sadriev's trilogy "The Happiness of the unfortunates". It is shown how the author's journalistic pathos is revealed through the image of the writer-journalist Irek and the heroes of the work around him. On the example of an epic novel, the connection between personality and society is revealed.

A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksyonov, V.D. Chistonov,
A.R. Demaeava, V.F. Usmanov, R.E. Safarov, V.A. Perminova,
R.N. Normatov, F.B. Rakhmatova

ORGANIZATION OF ACTIVITIES OF THE SECTION OF
YOUNG JOURNALISTS AT THE MEDICAL UNIVERSITY

Keywords: journalism, medicine, health care, public health, sports.

Students of the Bashkir State Medical University (BSMU) are graduates of gymnasiums, lyceums, schools, colleges, who in the Republic of Bashkortostan have the highest average USE scores

самые высокие средние показатели ЕГЭ по сравнению с другими образовательными учреждениями высшего образования. В БГМУ при активном содействии Молодежного научного общества создана секция молодых журналистов, которая активно сотрудничает с Пресс-центром Министерства здравоохранения Республики Башкортостан.

Л.А. Меметова

ГЕНЕЗИС КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ДЕТСКОЙ ПРЕССЫ

Ключевые слова: крымскотатарские СМИ, детская пресса, «Алем-и субьян» (Детский мир).

Статья посвящена изучению актуального на сегодняшний день для отечественной журналистики вопроса – крымскотатарской детской периодики. В работе исследованы условия возникновения крымскотатарской прессы для детей, обозначена цель и роль первого специализированного детского периодического издания в последующем развитии данного сегмента этнической журналистики.

Л.Р. Насыйхова

ПИСЬМО КАК ЖАНР ВОЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКИХ ГАЗЕТ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

Ключевые слова: эпистолярный жанр, военная публицистика, Великая Отечественная война, фронтовое письмо.

В данной статье предпринимается попытка анализа жанра письма татарской газеты периода Великой Отечественной войны на примере газет «Ватан очен» («За Родину»), «Кызыл Татарстан» («Красный Татарстан»), «Сталин сугышчысы» («Сталинский воин»), «Фронт правдасы» («Фронтальная правда»). В фронтовых письмах повествовалось о жизни людей на фронте, об их чувствах и духовных переживаниях, об их отношении к различным фактам войны.

О.А. Астафьева, А.В. Блохин, Т.А. Колоскова

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КАЛАМБУРНЫХ ЗАГОЛОВКОВ

Ключевые слова: каламбур, заголовок, лексические средства, пароним, омоним, контаминация.

Данная статья посвящена структурно-семантическому исследованию газетных каламбурных заголовков. В работе рассматриваются особенности создания каламбурного заголовка. Авторами делается вывод о том, что для создания выразительности, иронической экспрессии в состав заголовка нередко включаются каламбурные структуры, созданные лексическими средствами (контаминацией паронимов, омонимов, многозначных слов).

Н.А. Бурмакина, Н.Н. Кононенко, О.А. Остыловская ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ “ВРЕМЯ” В ПОВЕСТИ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ “ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ” И В КНИГЕ Н. ШЦЕРБЫ “ЧАСОДЕИ”

Ключевые слова: филологический анализ текста, функционально-семантическая категория, стилистика художественного текста, категория времени, языковая категория.

Авторы статьи проводят филологический анализ категории «Время», которая отражает замысел создателя фантастического художественного текста. Для анализа выбраны повесть братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» и книги Натальи Шцерб «Часодеи». Исследование ориентировано на идеи А.В. Бондарко, Г.А. Меновщикова, М.В. Всеволодовой, С.А. Чугуновой о темпоральности и классификации временной лексики.

Р.С. Бытотова, И.Д. Дамбыра

РУССКИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ И ИХ ВОЗМОЖНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: русский язык, тувинский язык, функционально-семантический разряд, неопределенные местоимения, языковое значение, соответствие.

compared to other educational institutions of higher education. At BSMU, with the active assistance of the Youth Scientific Society, a section of young journalists has been created, which actively cooperates with the Press Center of the Ministry of Health of the Republic of Bashkortostan.

L.A. Memetova

THE ORIGIN OF THE CRIMEAN TATAR CHILDREN'S PRESS

Keywords: Crimean Tatar mass media, children's press, “Alem-i subyan” (Children's world).

The article is devoted to the study of the Crimean Tatar children's periodicals which is the current issue for domestic journalism. The conditions of occurrence of the Crimean Tatar press for children is investigated, the goal and role of the first specialized publication in the subsequent development of this segment of ethnic journalism are indicated in the work.

L.R. Nasyikhova

WRITING AS A GENRE OF MILITARY JOURNALISM (ON THE MATERIAL OF THE TATAR NEWSPAPERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR)

Keywords: epistolary genre, military journalism, The Great Patriotic War, front-line writing.

This article attempts to analyze the writing genre of a Tatar newspaper during the Great Patriotic War using the example of the newspapers «Watan ochen» («For the Motherland»), «Kyzyl Tatarstan» («Red Tatarstan»), «Stalin Sugyshchysy» («Stalin Warrior»), «Front Pravdasy» («Frontovaya Pravda»). The front-line letters described the life of people at the front, their feelings and spiritual experiences, their attitude to various facts of the war.

O.A. Astafieva, A.V. Blokhin, T.A. Koloskova

THE LEXICAL WAYS IN THE PUNS OF THE HEADLINES

Keywords: pun, headline, lexical means, paronym, homonym, contamination.

This article is devoted to the structural and semantic research of newspaper punning headlines. This paper discusses the features of creating a pun title. The authors conclude that to create expressiveness, ironic expression, the title often includes punning structures created by lexical means (contamination of paronyms, homonyms, polysemous words).

N.A. Burmakina, N.N. Kononenko, O.A. Ostlyovskaya THE LINGUISTIC EXPRESSION OF THE CATEGORY OF “TIME” IN THE STORY OF THE STRUGATSKY BROTHERS “MONDAY BEGINS ON SATURDAY” AND IN N. SHCHERBA'S BOOK “CHASODEI”

Keywords: philological analysis of the text, functional and semantic category, stylistics of the artistic text, category of time, language category.

The authors of the article conduct a philological analysis of the category «Time», which reflects the idea of the Creator of a fantastic literary text. For analysis, the story of the Strugatsky brothers «Monday begins on Saturday» and the book «Chasodei» by Natalia Shcherba were selected. The research is focused on the ideas of A.V. Bondarko, G. A. Menovshchikov, M. V. Vsevolodova, and S. A. Chugunova on the temporality and classification of temporary vocabulary.

R.S. Bytotova, I.D. Dambyra

RUSSIAN INDEFINITE PRONOUNS AND THEIR POSSIBLE CORRESPONDENCES IN THE TUVAN LANGUAGE

Keywords: Russian language, Tuvan language, functional-semantic category, indefinite pronouns, language meaning, correspondence.

В статье рассматриваются языковые значения русских неопределенных местоимений в качестве микросистем со своим функционально-семантическим полем, определяются их возможные соответствия в тувинском языке через призму их лексикографической характеристики в толковых словарях русского и тувинского языков.

К.А. Калинин

СТРУКТУРА КОНСТРУКЦИЙ ГРАММАТИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА В ДРЕВНЕРУССКОЙ ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЕ

Ключевые слова: грамматический параллелизм, древнерусская ораторская проза, структурная классификация.

В работе предложен структурный анализ конструкций грамматического параллелизма. Особенности употребления приёма рассмотрены на материале анализа древнерусской ораторской прозы XI–XVI вв. Результаты исследования представлены в виде структурной классификации. Автор выделяет абсолютный грамматический параллелизм и различные вариации структурного оформления конструкций приёма. Статистический анализ позволяет выделить продуктивность их употребления в изученных текстах древнерусской ораторской прозы.

Г.С. Абрамова, О.А. Титова

О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Ключевые слова: фразеологические антонимы, противоположность, полные антонимы, неполные антонимы, слова-компоненты, межчастеречные лексические единицы, внутренняя форма, образная составляющая.

В статье ставится задача проанализировать английские фразеологические антонимы, критерии определения их статуса и признаки антонимичности в рамках выделенных критериев. В результате проведенного исследования были выявлены несимметричные фразеологические антонимы, был установлен статус антонимических отношений межчастеречных антонимов, определена роль внутренней формы и образной составляющей изучаемых единиц для выражения отношений противоположности.

С.Г. Ларина, О.Н. Поддубская, А.В. Сахарова ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Ключевые слова: публицистический текст, лингвостилистические особенности, качественная пресса, массовая пресса, изучение языка.

Статья рассматривает лингвостилистические особенности публицистических текстов, принадлежащих к двум видам английской прессы – качественной и массовой. Современная пресса отражает изменения, происходящие как в культуре и обществе, так и в языке. В статье сделан вывод о том, что обе разновидности текстов по-своему отражают современное состояние английского языка и одинаково важны для его изучения.

О.А. Орлова, Ю.Н. Зинцова, Е.Д. Ястребова СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: имя существительное, наименования лиц по профессии, словообразовательная модель, словообразовательная структура.

В статье рассмотрены лексические единицы современного английского языка, являющимися наименованиями лиц по профессии, с точки зрения особенностей их словообразования. Особое внимание уделяется анализу структурных типов изучаемых лексем и их классификации. Описываются модели образования номинаций и номинативных конструкций, служащих обозначениями лиц в профессиональной сфере, способы связи между их словообразовательными элементами.

Russian Russian indefinite pronouns are considered in the article as Microsystems with their own functional and semantic field, and their possible correspondences in the Tuvan language are determined through the prism of their lexicographic characteristics in the explanatory dictionaries of the Russian and Tuvan languages.

K.A. Kalinin

THE STRUCTURE OF CONSTRUCTIONS OF GRAMMATICAL PARALLELISM IN AN OLD RUSSIAN ORATORICAL PROSE

Keywords: grammatical parallelism, Old Russian oratorical prose, structural classification.

The paper proposes a structural analysis of constructions of grammatical parallelism. Features of the use of the technique are considered on the basis of the analysis of Old Russian oratorical prose of the 11th–16th centuries. The results of the study are presented in the form of structural classification. The author emphasizes absolute grammatical parallelism and various variations of the structural design of reception structures. Statistical analysis allows us to highlight the productivity of their use in the studied texts of Old Russian oratorical prose.

G.S. Abramova, O.A. Titova

ON THE WAYS TO EXPRESS OPPOSITES THROUGH ENGLISH PHRASEOLOGY

Keywords: phraseological antonyms, opposition, full antonyms, incomplete antonyms, words-components, interpartial lexical units, inner form, figurative component.

The aim of the article is to analyze English phraseological antonyms, the criteria for determining their status and signs of antonymy within the framework of the selected criteria. As a result of the conducted research asymmetrical phraseological antonyms have been singled out, the status of antonymous relations of interpartial antonyms has been established, the role of internal form and figurative component to convey the idea of opposition has been determined.

S.G. Larina, O.N. Poddubskaya, A.V. Sakharova LINGUOSTYLISTIC FEATURES OF MODERN ENGLISH PUBLICISTIC TEXTS

Keywords: publicistic text, linguostylistic features, quality press, mass press, language learning.

The article examines the linguistic and stylistic features of publicistic texts belonging to two types of English press – high-quality and mass. The modern press reflects changes in culture and society, as well as in the language. The authors come to the conclusion that both types of texts reflect the current state of the English language in their own way and are equally important for learning the language.

O.A. Orlova, Yu.N. Zintsova, E. Yastrebova FORMATION OF NAMES OF JOBS AND PROFESSIONS IN MODERN ENGLISH

Keywords: noun, names of professions and jobs, word formation models, word structure.

The article considers formation of modern English lexical units, naming professions and jobs. Much attention is given to the analysis of the lexical units structural types and their classification. Models of the names formation and ways of their derivational elements connection are described.

С.А. Резцова

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МУЛЬТФИЛЬМАХ: ПРОБЛЕМЫ
ПЕРЕВОДА

Ключевые слова: кинодиалог, комический эффект, лексические выразительные средства, переводческие трансформации.

Статья посвящена способам выражения комического эффекта в англоязычных мультфильмах и особенностям передачи юмора на русский язык при переводе. Мультфильмы характеризуются употреблением более простой и понятной лексики, обоснованным использованием неологизмов и сниженным использованием сложных терминов и устаревших слов. Выделяют и жанрово-стилистические особенности мультфильмов, такие как связь с национальной культурой, широкое употребление сравнений, эпитетов, олицетворений, пословиц, фразеологизмов, а также наличие песен. При переводе необходимо передать смысл содержания того, о чем говорят герои, а также стремиться к максимальному сохранению особенностей звучащего текста и прагматического эффекта.

S.A. Reztsova

MEANS TO CREATE COMIC EFFECTS IN ENGLISH
CARTOONS: HOW TO TRANSLATE

Keywords: a movie dialogue, a comic effect, lexical expressive means, translation techniques.

The paper discusses the means of creating a comic effect in cartoons and translation techniques to render humor into Russian. The stylistics analysis of movies in general and cartoons in particular is connected with the notion of a movie dialogue, which implies a speech act of characters that is a verbal component of the movie. Cartoons are characterized by the use of words which are simpler and easier to understand, limited usage of neologisms and ironic usage of complicated terms and archaisms. There are stylistic features of cartoons, such as links to the national culture, wide-spread usage of comparisons, epithets, proverbs, idioms and songs. In translation it is necessary to present the meaning of the characters' speech, as well as preserve as many features of the verbal component of the text and as much of its pragmatic impact as possible.

М.Ю. Сейранян, Е.Л. Фрейдина

ЭМОЦИОНАЛЬНО-МОДАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ПРОСОДИИ В
ДИСКУРСЕ БРИТАНСКИХ МЕДИА ДЕБАТОВ

Ключевые слова: эмоционально-модальная функция, просодический компонент, эмоциональная компетенция, контекстуализация, медиа дебаты, прагматический аспект.

В статье представлены результаты исследования, направленного на выявление роли просодических средств в реализации эмоционально-модального компонента речи участников политических медиа дебатов. Показано, что эмоционально-модальная составляющая тесно связана с прагматическим аспектом дискурса. Просодические характеристики выступают в качестве маркера эмоциональной компетенции участников дебатов – отражают способность говорящих управлять своими эмоциями, идентифицировать и контролировать чужие эмоции.

M.Yu. Seiranian, E.L. Freydina

ATTITUDINAL FUNCTION OF PROSODY IN BRITISH
MEDIA DEBATE DISCOURSE

Keywords: attitudinal function, prosodic component, emotional competence, contextualization, media debates, pragmatic aspect. The article focuses on some results obtained during the research of attitudinal function of prosody in British political media debates. It was found out that attitudinal function of prosody is closely related to the pragmatic aspect of debates. Prosody performs as a marker of speakers' emotional competence – reveals their ability to convey their emotions, identify and control the emotions of other participants of debates, etc.

А.К. Булатова, Ф.К. Сагдеева, А.Я. Хусаинова
РАЗВИТИЕ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА КӨМЕШ (СЕРЕБРО) В
ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

(В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ ТЮРКСКИМИ ЯЗЫКАМИ)

Ключевые слова: лексическое значение, полисемия, тюркские языки, татарский язык, семантическая деривация, расширение значений.

Данная статья посвящена рассмотрению изменений значений слов в татарском языке. Исследование состояния лексических составов тюркских языков даёт ценные сведения для изучения лексики татарского языка. В данной статье предлагаются некоторые наблюдения над изменениями лексико-семантических вариантов слова көмеш.

A.K. Bulatova, F.K. Sagdeeva, A.Y. Husainova
DEVELOPMENT OF THE MEANING OF THE WORD
KOMESH (SILVER) IN TATAR LANGUAGE

Keywords: lexical meaning, polysemy, Turkic languages, Tatar language, semantic derivation, extension of meanings.

The study of the state of the lexical structures of the Turkic languages provides some information for studying the vocabulary of the Tatar language. This article offers some observations on changes in lexical and semantic variants of the word komesh.

А.Н. Гуров

СЕМАНТИКА И ЗАЛОГОВЫЕ ФОРМЫ ОБРАТНО-
КАУЗАТИВНЫХ ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ (НА
МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Ключевые слова: залоговость, обратно-каузативные глаголы, категория залога, переходность, полукаузатив, каузация.

В работе рассматриваются залоговые особенности переходных глаголов, представлена классификация видов переходности. Основной акцент сделан на критическом анализе обратно-каузативных переходных глаголов.

A.N. Gurov

SEMANTICS AND VOICE FORMS OF INVERSE -
CAUSATIVE TRANSITIVE VERBS (BASED ON THE
MATERIAL OF SPANISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

Keywords: voice, inverse-causative verbs, the category of voice, transitivity, processuality, semi-causative, causation.

The paper considers the collateral features of transitive verbs, presents a classification of types of transitivity. The main focus is on the critical analysis of inverse-causative transitive verbs.

С.А. Егорова, Я.В. Попова

АКТУАЛИЗАЦИЯ ХЕЙТСПИЧ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ
ПРЕДВЫБОРНЫХ ЛОЗУНГАХ

Ключевые слова: хейтспич, политическая коммуникация, предвыборный лозунг, эвфемизация, инвективизация, пейорация. В статье систематизируются подходы к определению актуального понятия «хейтспич». В качестве эмпирического материала, наглядно демонстрирующего

S.A. Egorova, Ya.V. Popova

HATE SPEECH ACTUALIZATION IN GERMAN
ELECTION SLOGANS

Keywords: hate speech, Hassrede, political communication, election slogan, euphemism, pejorative, invective

The article classifies different approaches to defining hate speech. The empiric material includes election slogans of Alternative für Deutschland party. The authors define most

лингвокоммуникативные средства репрезентации хейтспич в немецкоязычном пространстве, рассматриваются предвыборные лозунги политической партии ФРГ Alternative für Deutschland. Авторы выделяют наиболее частотные способы актуализации хейтспич, такие как эвфемизация, пейорация, инвективизация.

С.Б. Какваева

ЗАЛОГ И ЗАЛОГОВЕНОСТЬ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: залог, переходные глаголы, эргативный падеж, дуративное деепричастие, аффиксальное словообразование, агенс, биноминативная конструкция, предикат, пациенс.

В статье рассматривается залог, понимаемый как преобразование синтаксической структуры предложения: подлежащее и дополнение как бы меняются местами, и этот факт отражается в форме глагола. В русском языке при этом переходный глагол несовершенного вида заменяется возвратным глаголом в страдательном значении. А в семантически ролевых языках такая замена в принципе невозможна, поскольку роль агенса кодируется только эргативным падежом, а роль пациенса – только абсолютным (номинативным) падежом, с которым сказуемое согласуется в спрягаемых формах.

С.Б. Какваева

АКТАНТНАЯ ДЕРИВАЦИЯ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: залог, актантная деривация, признак переходности-непереходности, транзитивная деривация, каузативной деривации, перфектный вид, возвратное местоимение.

Статья посвящена изучению типов актантной деривации, которые связаны с семантическими преобразованиями в лакском языке и отмечены повышающей деривацией. Актантная деривация в лакском языке связана, во-первых, с образованием переходных глаголов от непереходных, и, во-вторых, с образованием каузативных глаголов от глаголов переходных. В обоих случаях в качестве вспомогательного глагола используется глагол бан 'сделать', но между составными переходными глаголами и каузативными глаголами наблюдаются семантические различия, связанные в том числе, и с референциальными значениями актантов. Также следует отметить, что в лакском языке мало глаголов, противопоставленных на лексическом уровне по признаку переходности-непереходности.

А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, А.С. Писарихина,
М.В. Шурупова

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: термин, терминосистема английского языка, терминосистема русского языка, юридическая терминология. В статье рассматривается специфика юридической терминологической системы в английском и русском языках. Авторы предлагают обзор характерных черт англоязычной и русскоязычной юридической терминологии. Проведенное исследование подтверждает гипотезу о том, что язык права как язык профессионального общения обладает яркой национальной спецификой, обусловленной реалиями национальных правовых систем.

Л.В. Кузнецова, О.В. Звада

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ: СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, институциональный дискурс, парламентские дебаты, речевой акт, полилог.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть институциональную коммуникацию жанра «парламентские дебаты» как предмет дискурсивного и социолингвистического

frequently used mechanisms of hate speech representation by means of euphemisms, pejoratives and invectives.

S.B. Kakvaeva

VOICE AND ACTANTIAL DERIVATION IN LAK

Keywords: voice, transitive verbs, ergative case, deductive participle, affix derivation, agent, binominative construction, predicate, patient.

The article considers the pledge, understood as a transformation of the syntactic structure of the sentence: the subject and the supplement seem to change places, and this fact is reflected in the form of a verb. In Russian, the transitional verb of an imperfect form is replaced by a reflexive verb in a passive meaning. And in semantically role-playing languages, such a replacement is impossible in principle, since the role of the agent is encoded only by the ergative case, and the role of the patient is encoded only by the absolute (nominative) case, with which the predicate is consistent in conjugated forms.

S.B. Kakvaeva

ACTANT DERIVATION IN LAK LANGUAGE

Keywords: pledge, actant derivation, sign of transition-intransition, transitive derivation, causative derivation, perfect form, reflexive pronoun.

The article is devoted to the study of types of actant derivation that are associated with semantic transformations in the Lak language and are marked by up-derivation. Actant derivation in the Lak language is associated, firstly, with the formation of transitive verbs from intransitive, and, secondly, with the formation of causative verbs from transitive verbs. In both cases, the verb ban 'do' is used as an auxiliary verb, but semantic differences are observed between compound transitive verbs and causative verbs, including those related to the referential meanings of actants. It should also be noted that in the Lak language there are few verbs contrasted at the lexical level on the basis of transitivity-intransitivity.

A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, A.S. Pisarikhina,
M.V. Shurupova

ON THE QUESTION OF ENGLISH AND RUSSIAN LAW TERMINOLOGICAL SYSTEM PECULIARITIES

Keywords: term, English terminological system, Russian terminological system, law terminology.

The article studies the peculiarities of the English and Russian law terminological systems. The authors suggest a survey of the English and Russian law terminology characteristic features. The given study proves the hypothesis that the law language as the professional language possesses a bright national colouring caused by judicial realities of national law systems.

L.V. Kuznetsova, O.V. Zvada

THE SPECIFICITY OF THE COMMUNICATIVE SITUATION IN PARLIAMENTARY DISCOURSE: SITUATIONAL APPROACH

Keywords: communicative situation, institutional discourse, parliamentary debates, speech act, polylogue.

This article attempts to consider the institutional communication of the «parliamentary debate» genre as a subject of discursive and sociolinguistic analysis, taking into account the concept of social space and its constituent institutions. Communication in

анализа, принимая во внимание понятие социального пространства и конституирующих его институтов. Коммуникацию в социальных институтах, каким является парламент, можно исследовать с точки зрения реализации в них разных типов коммуникативных ситуаций, которые характеризуются конкретной тематикой институционального дискурса и особым набором языковых средств.

Н.А. Медведева

РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА СПОРТА (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ СТАТЕЙ О СМЕШАННЫХ ЕДИНОБОРСТВАХ)

Ключевые слова: образ спорта, спортивный дискурс в СМИ, национальные символы.

Психолингвистика, изначально сфокусированная на изучении личности «бесконечно меняющегося человека в бесконечно меняющемся мире» [5], при исследовании «образа» особую значимость придает вопросу о движущих силах развития данного феномена сознания. Исследование спортивного дискурса при помощи ассоциативного анализа помогает нам понять, как происходит формирование образа спорта в сознании современного человека.

О.И. Налдеева, С.Н. Маскаева, Л.В. Кирдянова, М.И. Кокнаева
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРМИНОВ РОДСТВА ФИННО-ВОЛЖСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ГРУППЫ

Ключевые слова: финно-угорские языки, термины родства, лексика.

В статье рассматриваются сходства и отличия терминов родства в финно-волжских языках, выявленные в результате лексического анализа. Представлены наиболее значимые исследования лексики языков данной группы.

О.Г. Остапенко

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АНТРОПОНИМОВ В АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ключевые слова: антропоним, лексическая единица, способы словообразования, антропонимические системы.

В статье рассматриваются особенности использования антропонимов в английской художественной речи. Автор делает обзор наиболее употребляемых лексических единиц, которые приобрели интернациональный характер. Проведенный анализ показывает, что антропонимы становятся опорными единицами в международной коммуникации и требуют дальнейшего изучения.

К.Л. Шарандир, Д.А. Саркисова, А.В. Айгашева
ПРИМЕНЕНИЕ ИГРОВОГО МЕТОДА В РЕАЛИЗАЦИИ ОНЛАЙН-ИГР ДЛЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Ключевые слова: английский язык, дистанционное обучение, дистанционное образование, игровой метод, игрофикация.

В статье описывается адаптивное использование игрового метода под создание обучающих онлайн-игр в условиях дистанционного обучения, обосновываются преимущества игрового онлайн-обучения, приводятся структура и средства, используемые при реализации обучающих онлайн-игр. Приведённые в статье анализ системы и зарубежный опыт в сфере дистанционного обучения с помощью игровых платформ могут быть применены в отечественном образовании и сфере обучающих развлечений.

social institutions, such as Parliament, can be studied from the viewpoint of the implementation in them of different communicative situations, which are characterized by a specific topic of institutional discourse and a special set of language tools.

N.A. Medvedeva

MASS MEDIA IN FORMATION OF SPORT IMAGE (BASED ON THE INTERNET ARTICLES ABOUT MIXED MARTIAL ARTS)

Keywords: sport image, sport discourse in mass media, national symbols.

The article represents the attempt to analyze sport texts which have a great influence in formation of sport image in the minds of modern people. Many researchers consider sport as multiple and complicated phenomenon. It goes without saying that sport reports (TV, radio) have a great impact on popularization of sport and sometimes change the readers' views.

O.I. Naldeyeva, S.N. Maskaeva, L.V. Kiryanova,
M.I. Koknaeva

TERMINAL CHARACTERISTICS OF TERMS OF THE KIND OF FINNO-VOLGA LANGUAGE GROUP

Keywords: Finno-Ugric languages, kinship terms, vocabulary.

The article examines the similarities and differences between the terms of kinship in the Finno-Volga languages, identified as a result of lexical analysis. The most significant studies of the vocabulary of the languages of this group are presented.

O.G. Ostapenko

PECULIARITIES OF THE USE OF ANTHROPONYMS IN ENGLISH FICTION

Keywords: anthroponym, lexical unit, methods of the word building, anthroponymic systems.

The article deals with the peculiarities of using anthroponyms in English artistic speech. The author reviews the most commonly used lexical units that have acquired an international character. The analysis shows that anthroponyms are becoming reference units in international communication and require further study.

K.L. Sharandir, D.A. Sarkisova, A.V. Aigasheva
APPLICATION OF THE GAME METHOD IN THE IMPLEMENTATION OF ONLINE GAMES FOR DISTANCE LEARNING OF A FOREIGN LANGUAGE

Keywords: English language, distance learning, distance education, gaming technology, gamification.

The article provides a description of the adaptation of the game method for creating educational online games in the conditions of distance learning; substantiates the benefits of online gaming learning; describes the structure and tools used in the implementation of educational online games. The above analysis of the system and foreign experience in the field of distance learning using gaming platforms can be applied in domestic education and in the field of educational entertainment.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№7 2020

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 20.08.2020

Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 20.08.2020

12,1 усл.печ.л. 14,5 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 3590.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»